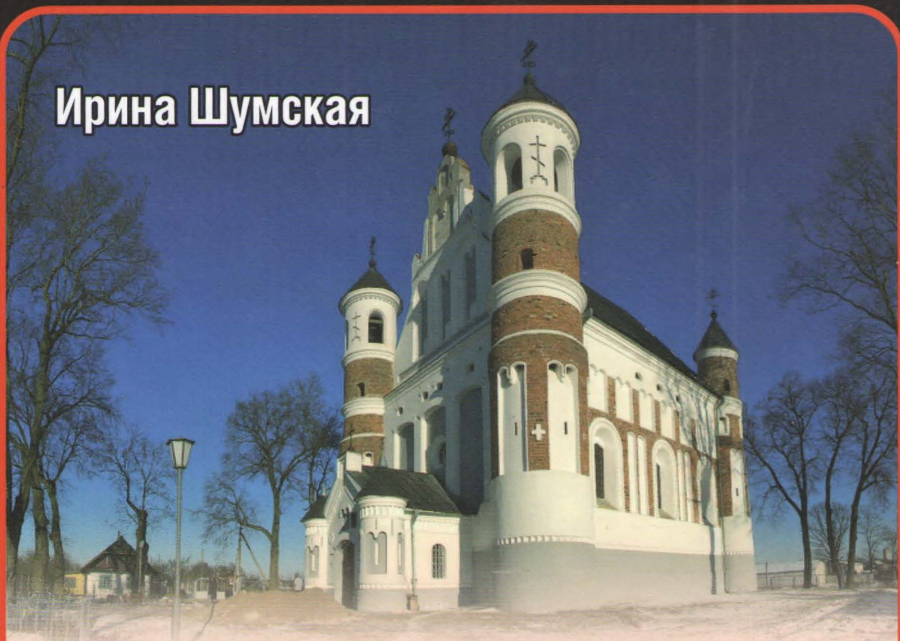
Ирина Шумская

ШЕДЕВРЫ НАШЕЙ СТАРИНЫ

Ирина Шумская

ШЕДЕВРЫ НАШЕЙ СТАРИНЫ

Под общей редакцией А.Е. Тараса

Минск
Харвест

УДК 72.03(476)
ББК 85.113(4Беи)
Ш963

Серия «Неизвестная история» основана в 2009 году
Учредитель серии А. Е. Тарас
Оформление серии Б. Г. Клюйко

Рецензент и научный редактор:
профессор *И. В. Морозов*

Шумская, И.
Ш963 Шедевры нашей старины / Ирина Шумская. — Минск : «Харвест», 2014. — 206 с. + 16 с. вкл.; ил. — (Неизвестная история).

ISBN 978-985-18-2946-6

Беларусь богата памятниками истории и культуры. Они поражают своим разнообразием и самобытностью, удручают бесхозяйственным отношением к себе со стороны властей и местных жителей. А ведь именно они представляют собой материальную квинтэссенцию исторического прошлого народа, без которого невозможно выстроить успешную проекцию в будущее. Автор книги увлекательно рассказывает о наиболее интересных архитектурных памятниках нашего Отечества.

УДК 72.03(476)
ББК 85.113(4Беи)

ISBN 978-985-18-2946-6

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Крылатую фразу о том, что «архитектура — это застывшая музыка», мы слышим нередко, обычно не слишком задумываясь при этом о сопряженных с ней эстетических смыслах. Объекты историко-культурного значения занимают важнейшее место в системе национального наследия, а забота об их сохранности — дело не только государственной важности, но и каждого отдельно взятого гражданина страны.

В Беларуси на обывательском уровне бытует мнение о том, что у нас якобы «нечего смотреть» по сравнению с большинством западноевропейских государств, где прекрасно сохранилось множество архитектурных шедевров разных столетий. На самом же деле, белорусские земли богаты памятниками истории и культуры. Эти сооружения могут поражать своим разнообразием и самобытностью и одновременно удручать бесхозяйственным отношением к себе со стороны властей и населения. А ведь именно в них, среди прочего, заключён остов исторической памяти народа, материальная квинтэссенция его прошлого, без которого, как известно, невозможно выстроить успешную проекцию в будущее.

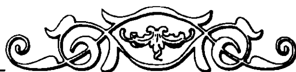
Сопоставляя воплощенные в камне, дереве и стекле возвышенные замыслы древних зодчих с шаблонными проектами «коробок» современных архитекторов, невольно ловишь себя на мысли о том, что человечество всё же утратило нечто изощрённо-прекрасное в ареале ушедших эпох. И потому нам остается теперь лишь любоваться уцелевшими архитектурными шедеврами, восхищаться талантом сотворивших их мастеров и мечтать о появлении в среде наших современников новоявленных адептов с не менее грандиозными и при этом гармоничными градостроительными замыслами.

Каждый памятник, как правило, связан с целым пластом реальных исторических событий и придуманных легенд. Другими словами, окружающие нас материальные объекты былых времён — это ещё и уникальные энергоинформационные кластеры, связанные с жизнедеятельностью наших предков.

Вся информация, представленная в данном сборнике материалов (включая иллюстрации), взята из открытых источников и структурирована, исходя из субъективных предпочтений автора. Безусловно, попытка включить абсолютно все историко-культурные объекты Беларуси в одну книгу была бы действием из категории «объять необъятное». Поэтому здесь представлены сведения лишь о наиболее интересных и значимых, опять-таки на наш личный взгляд, памятниках, многие из которых нуждаются в особом внимании ввиду своего аварийного состояния.

На сегодняшнем этапе своего развития белорусам уже недостаточно всего лишь «людзьмі звацца». Как подлинно европейская нация мы заслуживаем большего и давно должны занять «свой пачэсны пасад між народамі». Но для того чтобы этого в полной мере достичь, необходимо сперва научиться знать и понимать отечественную историю, уважать традиции и достижения своего народа, ценить и беречь оставшееся от наших предшественников архитектурное наследие.

Автор высказывает надежду, что издание, которое Вы сейчас держите в руках, станет хорошим подспорьем в процессе более тесного приобщения к белорусской истории и культуре, неотъемлемой частью которой было и остаётся архитектурное творчество.

Глава 1

АРХИТЕКТУРНЫЕ «ВИЗИТКИ» БЕЛАРУСИ:

Мирский и Несвижский замки

Когда встает вопрос о том, что из достопримечательностей стоит в первую очередь посмотреть в Беларуси, обычно незамедлительно следует ответ – Мир и Несвиж. И действительно, эти великолепные дворцово-замковые комплексы, внесённые в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО, являются своеобразными визитными карточками нашей республики.

В последнее время усилились споры о том, где же именно находится географический центр Европы. На эту почетную роль претендует целый ряд населенных пунктов, и в их числе – находящийся в 85 км к юго-западу от Минска городской посёлок Мир.

В письменных источниках местечко Мир впервые упоминается под 1395 годом, когда его опустошили и сожгли крестоносцы. Польско-белорусский поэт Владислав Сырокомля так писал о происхождении местечка:

> «Само название местности говорит о некоем мире или союзе между Литвой и Русью, ибо... недалеко отсюда проходила граница, что делила два племени. Однако когда, кто и с кем заключил тут союз? Кто основал местечко?.. Мрак столетий сокрыл все эти подробности».

Сооружённый здесь в начале XVI века по распоряжению придворного маршалка Великого Княжества Литовского, Русского и Жамойтского Юрия Ильинича величественный кирпичный замок хорошо виден уже издали. Это могущественное строение покоится на основательном фундаменте с глубиной заложения до 4 метров, высота же башен достигает 25 метров. А в башнях — сложная система внутренних переходов и навесные бойницы, через которые

давным-давно на противника сыпались камни, гранаты, лились кипяток и смола. Толщу первого этажа въездной башни прорезает единственный замковый проезд, створ которого ранее защищала специальная решётка (герса) из заостренных снизу кованых полос. Прежде чем стража успевала захлопнуть ворота, герса молниеносно падала сверху, отсекая непрошенным гостям вход в замок.

Тем не менее по сей день продолжаются споры о назначении Мирского замка. Изобилующий всевозможными декоративными элементами, построенный в относительно спокойное время и практически на равнине, он едва ли мог использоваться в сугубо оборонительных целях. Язык средневековых орнаментов зачастую сложен, поэтому о характере тех или иных деталей порой можно лишь догадываться. К примеру, неясно, что стало причиной вмуровывания в южную стену замка камня в виде головы барана. Стремление обзавестись магическим талисманом или же образом «святого агнца»? Согласно преданию, если данный камень изменит свое местоположение, то это приведет к полному разрушению замка. Но к счастью, на протяжении нескольких столетий «барашек» никуда не убегал и сейчас не собирается, поэтому основания для паники по поводу разрушения отсутствуют.

Один из каменных выступов Мирского замка действительно напоминает баранью голову

Перед смертью основатель архитектурного шедевра, Юрий Ильинич, завещал свои владения четырем сыновьям. Им и суждено было достраивать замок — четырехугольный в плане, с пятью башнями, по количеству детей Ильинича (пятой была дочь Ядвига). Однако злой рок по пятам ходил за потомками Ильинича. Все они умерли в довольно раннем возрасте, даже Ядвига не прожила и 30 лет.

После династии Ильиничей замок перешёл во владение богатейших магнатов Европы — Радзивиллов, которые распоряжались имением до конца XVIII века. В этот период замок достраивался и совершенствовался в соответствии с требованиями тогдашней моды: вдоль северной и восточной стен вырос трехэтажный дворец, вдоль южной и западной — одноэтажные подсобные помещения; на втором этаже башни над воротами появилась часовня (каплица) св. Христофора, на третьем — часы. В самом же дворце на первом этаже хранились запасы продовольствия, хозяйской утвари и оружия, второй занимала администрация Мирского графства, третий был отведен для размещения личных покоев магнатов.

Несмотря на множество жестоких войн, проходивших на территории белорусских земель, замок неоднократно, словно птица Феникс, восставал из руин, обретя в итоге парадный и танцевальный залы, уникальную портретную галерею. А в местной оранжерее, оформленной на итальянский манер, плодоносили цитрусовые, росли мирт, кипарис, лавр, красное дерево и другие экзотические виды флоры.

Одним из самых знаменитых обитателей здешних мест был Николай Христофор Радзивил (1549–1616), получивший прозвище «Сиротка» с лёгкой руки короля Жигимонта II Августа, сочувственно назвавшего так маленького плачущего и забытого всеми во время одного из празднеств княжича. С юных лет Николай «Сиротка» много путешествовал по миру. Он побывал на Крите, на Кипре, посетил древние руины Баальбека, древний Дамаск, был на Мертвом море. Из дальних странствий магнат привез богатую археологическую коллекцию, в том числе древние мумии, которых самоотверженно спасал во время сильнейшего шторма. Им также были привезены экзотические животные, и среди них так называемые «фараоновы крысы» — мангусты, которые даже успели прижиться и расплодиться в белорусских лесах. Благодаря «Сиротке» после очередной перестройки в облике Мирского замка стали явственно прослеживаться черты итальянского барокко.

Еще одним легендарным Радзивиллом, которого нельзя не упомянуть и жизнь коего была тесно связана с Мирским замком, был Кароль Станислав (1734–1790) по прозвищу «Пане Коханку». По сравнению с жизнеописаниями этого колоритного чудака небылицы барона Мюнхгаузена кажутся детским лепетом. И чего только он якобы не совершал: спасался от пиратов в ореховой скорлупе, катался летом по соляной дороге на возе, запряженном медведями, охотился на чёрта в Налибокской пуще, выезжал на Рыночную пло-

щадь на бочке с вином в костюме Бахуса, чтобы напоить всех желающих, и, конечно же, славился своими многочисленными романтическими похождениями, а однажды даже обзавелся возлюбленной из числа... русалок!

В 1785 году «Пане Коханку» принимал в Мирском замке короля Станислава Августа Понятовского, смущенного блеском здешнего богатства. Впрочем, этот блеск был недолгим, ведь Речь Посполитая вскоре пала, а стены княжеской резиденции покрылись пылью и плесенью запустения, остались лишь романтические легенды о замке, воспетом великим Адамом Мицкевичем в поэме «Пан Тадеуш» (впервые опубликована в 1834 году).

Луч надежды на возрождение былого величия под девизом «За нашу и вашу свободу!» блеснул во время восстания Тадеуша Костюшко, но его в 1794 году подавила армия Александра Суворова, выбив повстанцев из Мира. Однако самым значительным испытанием для замка стала Отечественная война 1812 года, когда между русскими и французскими войсками велись ожесточенные бои. Тогда была взорвана северо-восточная башня, где находился пороховой склад, сожжен дворец, а также разрушены фортификационные сооружения.

После Радзивиллов замок принадлежал графам и князьям Гогенлоэ, Берленбургам, Витгенштейнам, а в 1891 году комплекс приобрело знатное семейство Святополк-Мирских, фамилия которых дивным образом совпала с названием местечка. Мирские затеяли в имении новые преобразования. Пейзажная часть парка расположилась между замком и дворцом, она строилась по принципу чередования древесных групп и открытых полян. Главным структурным и художественным элементом ландшафта стал большой водоем, устроенный в 1896–1898 гг. на месте пяти прудов, и с островом в пойме ручья на месте вырубленного сада. Именно он определил основной прогулочный маршрут, который вел от парадного входа вдоль пруда к замку, затем по западной дамбе и по сосновой аллее выводил через мостик опять к дворцу.

Кстати, с вырубленным садом связано печальное поверье. На уничтожение деревьев по приказу землевладельца созвали местных крестьян. А поскольку дело было весной, и яблони стояли в цвету, крестьяне упрямились — мол, нехорошее это дело — рубить цветущий сад. Но против воли помещика не пойдёшь, он заставил их взяться за топоры. Старожилы рассказывали, что за время этих работ, да и после, когда рыли пруд, погибло немало людей, в том числе сын местной ведьмы. После такого происшествия колдунья

Панорама Мирского замка

Внутренний двор Мирского замка

наложила на пруд проклятие: тонуть в этих водах людям до той поры, пока не сравняется их число с числом погибших при его создании. Первой утопленницей стала княгиня Сонечка в возрасте 12 лет, а сам устроитель пруда умер на его берегу в 1898 году. Скептики могут игнорировать суеверия, но факты — вещь упрямая: даже в наши дни здесь нередко тонут люди. Хотя на вид пруд безобидный и тихий, но глубина, говорят, у него вполне достаточная для того, чтобы, неудачно нырнув, не выплыть на берег, особенно если это погружение происходит под воздействием алкоголя.

После большого пожара в 1914 году замок пришёл в упадок, хотя в уцелевшей части комплекса продолжали обитать жильцы.

Новым потомственным владельцем стал князь Михаил Николаевич Святополк-Мирский (1870–1938), бывший камергер и действительный статский советник Российской империи, посвятивший остаток жизни сохранению родового имения. Князь был человеком незаурядным, даже выглядел он необычно: имел окладистую седую бороду, за что получил прозвище «Сивобородый», носил красную шелковую косоворотку, всегда доброжелательно приветствовал любого прохожего, иногда, якобы в поисках таинственных сокровищ, с лукавым взглядом простукивал замковые стены и любил философски повторять: «Мирский замок — руина, а другая руина — я сам».

Реставрация замка шла, по выражению князя, «в год по комнате». В 1926 году под плитами в подвале были найдены два скелета воинов, о чем свидетельствовала амуниция. По указанию князя их захоронили на православном кладбище. Но с тех пор из года в год, в полночь с 31 декабря по 1 января, на месте их погребения в течение нескольких минут слышны удары мечей, затем продолжительные стоны... Впрочем, услышать это вряд ли удастся, ведь на Новый год в современный поселок Мир прибывает много туристов, которые желают отдыхать и веселиться в замковой атмосфере, а не бродить по мрачному кладбищу.

Князь Михаил Святополк-Мирский умер в 1938 году, а в сентябре следующего года, после бегства из Мира польской администрации, в замке появились новые хозяева. Их появление сопровождалось пропажей богатой библиотеки князя, в которой значились первопечатные инкунабулы, псалтыри в переплетах из слоновой кости, энциклопедии, разноязычная литература по шахматам. Только разрешенные новоявленной советской властью книги перекочевали в поселковую библиотеку, прочие же были оприходованы неизвестно куда или просто выброшены во двор. Замок же стал го-

сударственной собственностью и в отношении его дальнейшего использования высказывались самые разные предложения: от открытия здесь Дома творчества до центра по обслуживанию зарубежных туристов. В итоге, 25 июня 1983 года в южную стену замка был заложен кирпич с датой начала реставрации, а спустя десять лет состоялось торжественное открытие первой экспозиции.

Сегодня дворцово-замковый комплекс в Мире вновь поражает своей гармонией и слитностью с природой, все его элементы образуют целостную архитектурную композицию, а их нарядность и величественность создает законченный образ уникального сооружения, внутри которого действуют интереснейший музей, а также отель и ресторан с блюдами старинной кухни.

Всего три десятка километров отделяют Мир от другого весьма значимого не только для белорусской, но и, пожалуй, для общеевропейской истории славного городка под названием Несвиж.

В отношении происхождения его названия существует популярная легенда, рассказывающая, как некий князь во время охоты убил медведя, но, не имея возможности взять огромную тушу с собой, прислал за ним своих слуг лишь спустя время. Поскольку медведь был уже «не свеж», эта местность и стала называться Несвижем.

По мнению некоторых филологов, Несвиж получил свое имя от видоизмененного названия бывшего волока. И если волок назывался просто Сведь, Свеж или Свиж («болото, болотистый»), то поселение на высоком месте получило название с прямо противоположным значением — «не болото».

Первое письменное упоминание о городе связывали с Юрием Несвижским (в некоторых источниках — Несвицким), который со своей дружиной принимал участие в битве на реке Калка 31 мая 1223 года, что зафиксировано в «Повести временных лет». В результате сражения он погиб, а созвучие имени князя с названием города стало причиной его идентификации как удельного князя города Несвижа. Однако ученые опровергли эту версию в конце 80-х годов XX века.

Археологические раскопки, проведенные в этих местах, свидетельствуют об истории поселения, начавшейся не ранее XV столетия. Версия об удельном княжестве также не нашла своего подтверждения. Стоявший здесь двор был всего лишь центром небольшой волости. Таким образом, город помолодел практически на два столетия — первое официальное упоминание о нем теперь относят к

1446 году. Несвиж появился в летописях в связи с передачей местечка от великого князя литовского Казимира Ягеллончика к Николаю Яну Немировичу.

А в 1492 году великий князь Александр отдал город богатейшему белорусскому магнату Петру Кишке (он умер в 1534 г.). Таким образом, Несвиж стал владением известного рода, одна из представительниц которого, Анна, в 1513 году стала по счету третьей женой Яна Радзивилла (1474–1522), прозванного «Бородатым». Это Ян получил город во владение как приданое невесты. В 1533 году Несвиж окончательно перешёл к Радзивиллам.

В 1547 году сын Яна Радзивилла «Бородатого» — Николай Радзивилл «Чёрный» (1515–1565) — добился титула князя Священной Римской империи для своего рода, а город сделал своей резиденцией, значение которой возросло в 1586 году после придания ей юридического статуса неделимого наследственного владения (ординации), передающегося только старшему сыну в семье. Фактически ординация оставалась в руках Радзивиллов до 1939 года.

Прочность и стабильность положения Радзивиллов в иерархии магнатов ВКЛ объясняется тем, что брак двоюродной сестры Барбары (1520–1551) с королем польским и великим князем литовским Жигимонтом II Августом (венчание произошло в 1547 году) открыл огромные возможности Николаю «Чёрному» и другим Радзивиллам по устройству политической карьеры, от благополучия которой напрямую зависело благосостояние рода. В целом Николай Радзивилл «Чёрный» по своему богатству и влиянию был вторым человеком в государстве после великого князя. Доказательством тому служит то, что в замке хранилась «Метрика ВКЛ» — второй экземпляр архивных документов, касающихся истории княжества. В связи с этим Несвиж стали в обиходе называть «некоронованной столицей» Великого Княжества Литовского, Русского и Жамойтского.

Бурный расцвет города начался в XVI веке. Он связан преимущественно с именем князя Николая Христофора Радзивилла «Сиротки» — сына Николая Радзивилла «Чёрного». Получив в наследство от отца деревянный Несвиж, он провёл огромную работу по его реформированию — деревянные постройки были заменены каменными строениями, а хаотичность средневекового города преобразована в регулярную квартальную систему, сохранившуюся до настоящего времени. У въездов в город были построены каменные ворота с башнями (брамы) — Замковая, Слуцкая, Клецкая и другие.

Несвижский замок в период реконструкции. Вид сверху

Не осталась в стороне от реформ и жизнь горожан. Вернувшись из путешествия по Средиземноморью и странам Ближнего Востока, «Сиротка» пропитался духом перемен. Воплощая свои идеи в жизнь, на первом этапе он освободил мещан от многих феодальных повинностей, ослабил налоговое бремя и превратил город в типично европейский, привлекая в него торговцев и ремесленников. Несвиж быстро развивался — здесь появились школа, парикмахерская, госпиталь. Начали действовать ткацкий и портняжный, слесарный и скорняжный цеха. Чуть позже, уже в XVIII веке, наладилось мануфактурное производство и мастерская художественного литья.

В 1562 году в Несвиже открылась типография, в которой печатались первые на территории Беларуси книги на белорусском языке (в 1562–1571 гг. их создавали известные просветители Симон Будный и Василий Тяпинский). Позднее, благодаря стараниям Франтишки Урсулы Радзивилл (1705–1753), увлекавшейся литературой и театром, Несвиж стал ещё и родоначальником отечественного театрального искусства, ведь первый стационарный театр был открыт именно здесь. Театральные представления показывались на открытой площадке, имевшей форму подковы, которая существует и поныне. Поначалу являясь любительским, театр постепенно перешёл на профессиональный уровень и стал давать представления за пределами города.

Ядром города сейчас, как и в прежние века, является Рыночная площадь (ныне Центральная), в центре которой стоит ратуша с высокой шестиярусной башней, символизирующей Магдебургское право, дарованное городу в 1586 году. В ратуше ранее располагались кабинет бургомистра, магистрат, канцелярия, зал суда, казна и архив, к ней сходились основные городские улицы. Начиная с XVII века, ратуша постепенно «обросла» торговыми рядами, впоследствии образовавшими замкнутый П-образный контур. Архитектурный ансамбль площади претерпел значительные изменения в середине XX века во время ее перестройки под современные нужды.

Строительство самого Несвижского замка началось в 1583 году. Впоследствии он перестраивался много раз и в результате приобрел вид шикарного дворца, сочетающего в себе черты многих архитектурных стилей — от ренессанса до модерна.

Как же выглядел замок первоначально? За оборонительными укреплениями находилось три каменных корпуса, которые образовывали внутренний двор. Центральный корпус напротив въездных ворот дворца занимал непосредственный основатель замка. Это было трёхэтажное здание с небольшими восьмигранными башнями по углам. Слева от центрального корпуса находился трёхэтажный казарменный корпус с высокой дозорной башней, а справа — хозяйственное здание.

За короткий исторический срок (1584–1616 гг.) при участии белорусских и итальянских мастеров и с учетом последних достижений фортификационного искусства в Несвиже вырос замок, а само поселение, расположенное поодаль от него, было опоясано рвом и валом. Путем расширения русла реки Уша и постановки плотин, в городе появились шесть прудов, которые существуют и теперь. Они составляют единую каскадную систему с перепадами уровней примерно в один метр. Добывавшийся при создании прудов грунт использовался для сооружения земляных укреплений и основы для возведения замка. Замковый вал являл собой искусственно созданную насыпь высотой до 20–25 метров. Изначально весь вал был облицован смешанной каменно-кирпичной кладкой, а по углам его располагались бастионы с пушками. Помимо валов и бастионов с артиллерийской батареей имелся ров, заполненный водой, через который был переброшен подъемный мост. Самым древним строением на замковой горе являлась так называемая «каменица» с дозорной башней, проект которой датируется 1582 годом.

В последующие времена корпусы перестраивались, объединялись архитектурными вставками, образовав замкнутый парадный

вход. С тыльной стороны центрального корпуса появилась двухэтажная пристройка с террасой и небольшими башенками. Центральный двор замка представлял собой плац, выложенный булыжником. Осадный колодец, сохранившийся до нашего времени, являлся обязательным атрибутом любого замка.

В замке было 12 залов, которые имели названия в зависимости от отделки и предназначения: Золотой, Мраморный, Гетманский, Портретный, Голубой, Рыцарский, Охотничий и другие.

Монументальная каменная застройка конца XVI–XVII вв. была сформирована замком, брамами, костелами, монастырями бернардинцев (1598 г.), бернардинок (1591 г.), доминиканцев (1672 г.); иезуитским костёлом Божьего Тела (1593 г.) и другими интересными сооружениями.

Работы по благоустройству замка и города продолжил Кароль Станислав Радзивилл, по прозвищу «Пане Коханку». Этот человек вошел в историю как самый богатый, любвеобильный и непредсказуемый представитель семейства, а его чудачества послужили поводом для рождения многочисленных преданий и анекдотов. К примеру, однажды в жаркую летнюю ночь он пообещал своим знатным гостям, что утром наступит зима. Магнат приказал посыпать дорогу до замка дорогостоящей по тем временам солью и наладил по ней катание на санях. Несмотря на свою взбалмошность, «Пане Коханку» в то же время был значимой политической фигурой и ярым оппонентом Екатерины II. Это послужило причиной опалы, 14-летней ссылки в Западную Европу, конфискации имущества, лишения титулов и регалий, что стало тяжелым испытанием для князя.

На протяжении долгих столетий Несвижский замок имел большое военно-стратегическое значение. В частности, в XVII веке артиллерия замка включала больше сотни пушек. Сооружение было сильно разрушено шведами в 1706 году во время Северной войны, но к 1726 году его удалось восстановить.

В XVIII веке замок приобрёл тот облик, каким мы видим его сейчас: пышная отделка в стиле барокко, ажурные балконы и миниатюрные башенки. Кроме наземных сооружений, Несвижский замок может похвастаться многочисленными подземельями и усыпальницей с саркофагами Радзивиллов — единственным сохранившимся в Восточной Европе некрополем исторической фамилии.

На протяжении многих столетий замок был хранилищем художественных и исторических ценностей. Кроме фамильного золота и серебра, старинного фарфора, коллекции оружия европейских, японских, арабских и китайских мастеров, знаменитых Слуцких

поясов, коллекции монет и медалей, здесь находилась богатейшая библиотека, где были собраны редчайшие рукописные и старопечатные издания, исторические документы, грамоты, письма многих монархов. Существовала и обширная картинная галерея, в которой можно было увидеть полотна прославленных художников.

Известный белорусский поэт Владислав Сырокомля (1823–1862), работавший в замковой канцелярии, отмечал, что в архивном списке 1779 года насчитывалось 984 произведения на полотне и дереве, но к середине XIX века от них не осталось и половины. В дополнение к этому, Сырокомля в своей книге «Путешествия по моим былым окрестностям» утверждал, что в первой половине XVII века в Несвиже побывал знаменитый голландский живописец Рембрандт. Его сюда пригласили якобы для того, чтобы он посоветовал, как лучше организовать несвижскую картинную галерею, которая начала формироваться в 1600 году. Кроме того, в разных источниках упоминается, что знаменитый голландец даже написал в радзивилловской резиденции несколько полотен.

Всё это в итоге стало основой для легенды о несметных сокровищах Радзивиллов. Считалось, что все фамильные сокровища должны были храниться именно в замке, и нельзя было их вывозить даже во время военных нашествий. Мол, с этой целью создавались тайники, о которых знали только князь и его самый близкий слуга.

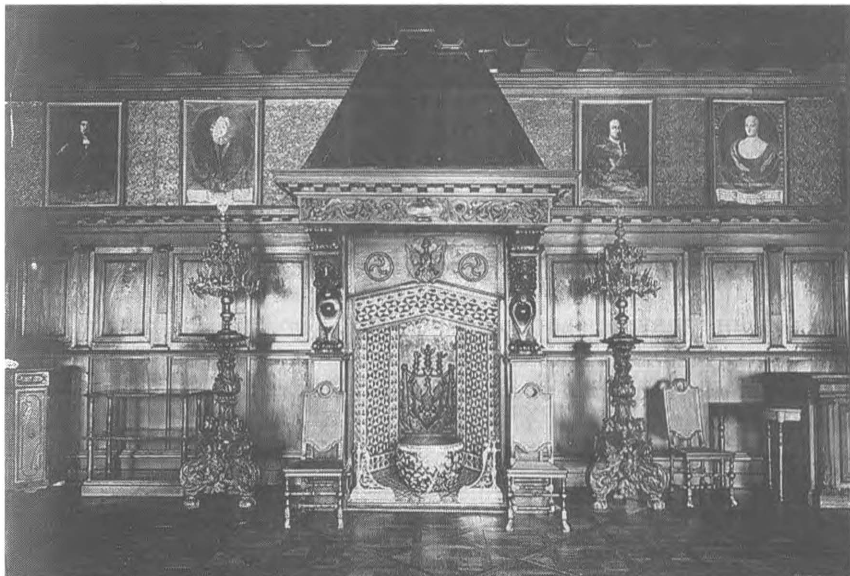
Первый раздел Речи Посполитой (в 1762 году) привел к серьезным опустошениям дворцово-замкового комплекса. Генерал Захар Чернышов (1722–1784), командовавший русскими войсками, «прихватил» с собой значительную часть произведений декоративно-прикладного искусства, изделий из золота, серебра и драгоценных камней, которые были отправлены в Петербург и Смоленск.

В 1812 году, во время войны с Наполеоном, тогдашний владелец имения князь Доминик Радзивилл (1786–1813), командовавший 8-м уланским полком, был на стороне французского императора. При поспешном отступлении не успел забрать свои богатства. В Несвиж вступили русские войска и в очередной раз вывезли в Россию княжеское добро. Однако главная сокровищница так и не была найдена. На её поиски приезжали многочисленные охотники за кладами, которые в основном пытались искать сокровища в живописном парке Альба, окружающем замок.

Лишь во второй половине XIX века замок вернулся к Радзивиллам, после чего началось его расширение и дальнейшее обустройство. Появились Замковый парк, Старый парк, Японский сад, Новый парк, Английский парк. Общая площадь всего комплекса к

концу 30-х годов XX века составила около 90 гектаров. Суммарно же владения Радзивиллов на белорусских землях достигли около 320 тысяч (!) гектаров.

В 1939 году, когда в Несвиж вошла Красная Армия и установилась советская власть, Радзивиллам пришлось бежать, они покинули замок, оставив там почти всё имущество. В 1941 году в замке находился штаб немецкой 2-й танковой группы генерала Гейнца Гудериана, а в послевоенное время там располагался санаторий КГБ.

Интерьер одного из залов Несвижского замка при Радзивиллах

В 1993 году в Несвиже был создан Национальный историко-культурный музей-заповедник, куда вошел и замок. Затем комплекс перешёл под опеку Министерства культуры Республики Беларусь, после чего начались реставрационные работы.

Как обычно заведено у нас, реставрация производилась со множеством нарушений не только технологического, но и эстетического плана. Чего стоил один только луковицеподобный купол, выросший над замковой башней благодаря чьей-то неуёмной фантазии! Проектировщики утверждали, что схожая конструкция существовала здесь в XVI веке, но последняя из оставшихся в живых прежних обитателей дворца, пожилая княгиня Эльжбета Радзивилл, посетившая Несвиж пару лет назад, отреагировала весьма категорично: «Божа, што гэта за ідыёцкая цыбуліна?» Пани Эльжбета

требовала, чтобы башню восстановили в таком виде, какой она имела до 1939 года, и вспомнила множество деталей относительно того, как выглядел интерьер замка в прошлом.

К счастью, к её мнению прислушались, «цыбулину» заменили на более гармоничный вариант, хотя осмотр открывшегося после реставрации дворца по-прежнему вызывает массу вопросов. Например, весьма угнетающе смотрятся картонные псевдофолианты старинных книг, занимающие часть экспозиции. Музейщики уверяют, что это временно, но, как известно, нет ничего более постоянного, чем так называемое «временное». В отношении вывезенных ценностей уже давно следовало бы на государственном уровне поставить как перед Россией, так и перед Польшей наболевший вопрос о компенсаторной реституции и вернуть на родину хотя бы часть национального наследия, вывезенного отнюдь не только из Несвижа.

В настоящее время город является объектом паломничества многочисленных туристов и любителей мистики. Ведь одна из самых знаменитых легенд, связанных с белорусской историей, повествует о призраке Чёрной Дамы, обитающем в этих местах. Это привидение является воплощением духа Барбары Радзивилл, безвременно усопшей жены короля Жигимонта II Августа. При жизни молва приписывала ей не только ангельскую внешность, но и огромную любвеобильность. Согласно свидетельствам современников, количество любовников Барбары исчислялось десятками. Однако, вскружив голову будущему королю, она одновременно нажила себе лютого врага в лице свекрови — королевы Боны Сфорцы, которая, если верить легенде, приказала отравить бедняжку.

С тех пор душа Барбары бродит по коридорам замка и его окрестностям, покровительствуя влюблённым и предупреждая горожан о грядущих несчастьях. Так, в 2002 году призрак был замечен как раз накануне сильного пожара. Сохранились свидетельства, что несвижского фантома всерьез опасались даже немецкие оккупанты, которые с наступлением сумерек периодически впадали в состояние необъяснимого страха и с воплем «Шварц фрау!» стреляли по всякой движущейся тени.

В наши дни в замке можно встретить и вполне осязаемых дам в чёрных одеяниях — например, на проводимых здесь концертах камерной музыки. Тенденцией нового времени стало возрождение практики организации балов и других костюмированных представлений, связанных с исторической реконструкцией. В общем, Несвиж потихоньку возвращает себе прежний шляхетный лоск, что, безусловно, не может не радовать.

Глава 2

ХРАНИТЕЛИ ЗАПАДНЫХ РУБЕЖЕЙ:
Гродненский и Лидский замки

Для многих европейцев Беларусь ныне предстает в образе «последнего оплота социализма», а между тем в период Средневековья у неё был более возвышенный имидж – «страна замков». Именно замковые и иные оборонительные сооружения встречались на белорусских землях почти через каждые 20–30 км пути. Современные туристы, особенно из соседних государств, охотно посещают Мирский и Несвижский замки. Но помимо этих двух популярных достопримечательностей, в стране сохранилось немало иных, не менее интересных, поистине легендарных архитектурных шедевров прошлого.

В целом само понятие «замок» не всегда имело одинаковое значение. В древних городах замком часто называли укрепленное место, являвшееся крепостью и служившее для защиты жителей от неприятеля. Замками также именовали все виды укреплений или резиденций знатных людей. Дворцово-замковая культура, основные традиции которой перенимались с Запада, на белорусских землях получила особое развитие в период существования Великого Княжества Литовского и, позже, Первой Речи Посполитой. Основная часть такого рода достопримечательностей сохранилась на территории бывшей Западной Беларуси, а точнее в Гродненской и Брестской областях.

Заочный экскурс по замковым сооружениям мы начнём с территории Понеманья, или, другими словами, той части современной Гродненской области, связанной с рекой Неман, которая в древности именовалась Чёрной Русью и Литвой.

Последнее название сохранялось в обиходе вплоть до XX столетия, поскольку именно там зарождалась, переживала расцвет и приходила в упадок первая весьма масштабная и достаточно жизнеспо-

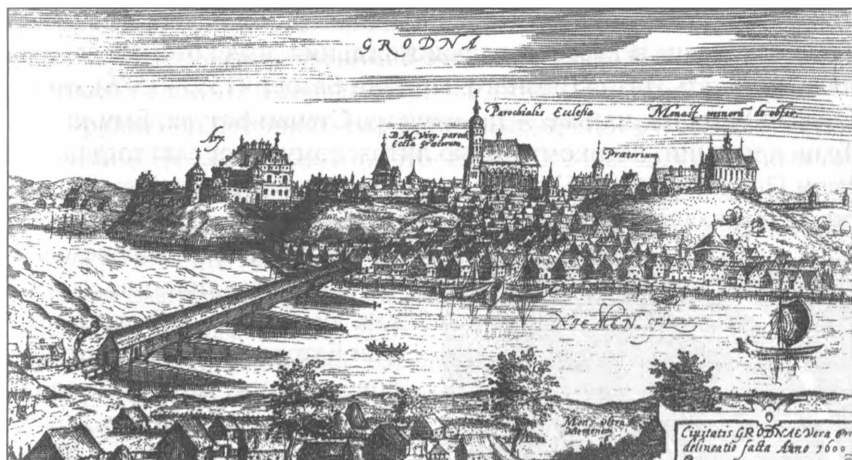
собная «версия» европейского союза наций и государств — Великое Княжество Литовское, Русское и Жамойтское, зачастую для простоты именуемое просто Великим Княжеством Литовским (ВКЛ) либо Литвой. Подчеркнём, что к современной Республике Летува (Lietuva) оно имеет лишь опосредованное отношение, ведь её тогдашние земли (Жамойтия, или Самогития — если на латыни) никогда не играли ключевой роли в данном государстве, да и языком делопроизводства, литературы, межнационального общения в ВКЛ был старобелорусский язык. Несмотря на то, что принадлежность лавров первенства в отношении Великого Княжества в наши дни усиленно оспаривают не только современные летувисы (они упорно требуют, чтобы по-русски все называли их «литовцами»), но и поляки, историческая правда убедительно показывает, что ядро тогдашнего могущественного государства было заложено все-таки предками нынешних белорусов.

Ныне областной центр, а ранее важный оборонительный, культурный и торговый пункт Чёрной Руси, город Гродно возник из небольшой крепости на территории расселения западных славян. Эта крепость, первоначально имевшая вид земляных укреплений с частоколом и специальными срубами, неоднократно перестраивалась и превратилась в мощный каменный замок, который сегодня называют Старым.

В XIII–XIV веках овладеть гродненским замком неоднократно и безуспешно стремились крестоносцы Тевтонского ордена. Даже английские рыцари специально переправлялись через Ла-Манш, чтобы «под знаменем святого Георгия» — покровителя всех крестоносцев — испытать судьбу под неприступным замком, известным всей рыцарской Европе.

Распри между двумя амбициозными родственниками — князем Великого Княжества Литовского Витовтом (1350–1430) и его двоюродным братом Ягайло (1350–1434), ставшим польским королём под именем Владислав II — в 1390 году привели под стены Гродно новую беду: замок, которым владел Витовт, 50 дней выдерживал осаду королевского войска и был повреждён. Спустя восемь лет сильный ночной пожар обратил замок в пепел. После этого решено было в дальнейшем деревянных укреплений не строить. На пепелище вырос новый, каменный замок, на долю которого также выпало немало испытаний.

Уже в 1402 году крестоносцы проверили его на прочность, и он с достоинством выдержал все штурмы. И немудрено, ведь для своего времени он был исключительно мощным сооружением.

Гродненская панорама на старинной гравюре

Замок с пятью башнями возвели по периметру холма, его стены, толщина которых местами достигала трех метров, образовывали неправильный треугольник. 50-метровый сухой ров отделял замок от города.

В 1540 году город Гродно получил королевскую привилегию в виде Магдебургского права. Этот факт, среди прочего, предполагал, что у города должен был появиться свой герб. Основой для изображения герба стал скачущий олень, между ветвистых рогов которого сияет золотой крест. Между прочим, этот герб до сих пор является официальным символом города, а с его появлением связано любопытное предание. Якобы жил некогда в этих краях бесшабашный рыцарь по имени Губерт. Праведностью и благочестием он не отличался, а из всех развлечений предпочитал охоту. И вот однажды именно на охоте с рыцарем случилось нечто невероятное, что в корне изменило всю его жизнь. Выслеживая в лесу оленя невиданной красоты, Губерт, предвкушая скорую добычу, вознамерился было убить животное выстрелом из лука, как вдруг олень застыл посреди поляны, словно вкопанный, а меж его рогов заблистал золотой крест. Испуганный рыцарь принял это видение за Божье знамение, спешно прервал охоту и вернулся домой в глубоких раздумьях. Последние привели к тому, что вскоре бывший гуляка раздал своё состояние бедным, а сам стал священником, ежедневно и неустанно молящимся за спасение всякой живой души.

Существовал ли такой рыцарь на самом деле, нам неведомо, но вот то, что город Гродно облюбовал в качестве своей резиденции

другой, воистину доблестный воин, неоспоримо. Речь идёт о великом полководце венгерского происхождения, имя которого заставляло трепетать Ивана Грозного. Иштван Батори (1533–1586), он же Стефан Баторий, или же — по-нашему, Степан Батура. Ему, князю Трансильвании, великому князю литовскому и королю тогдашней Речи Посполитой (с 1576 года), настолько приглянулся город, что он не упускал повода бывать тут вновь и вновь.

Король Стефан Баторий

Поговаривают, впрочем, что была и другая причина для таких визитов — в Гродно Стефан Баторий укрывался от взоров супруги Анны Ягеллон, бывшей старше его на десять лет, и находил усладу в объятиях своей пассии — дочки лесничего, родившей ему сына. Именно в Гродно монарх встретил не только любовь, но и внезапную смерть, точная причина которой до сих пор остается загадкой. Удивительно, что в своём завещании Стефан Баторий пожелал быть похороненным именно в городе над Неманом. Однако судьба распорядилась иначе: его останки перенесли в польский город над Вислой — Краков, где на знаменитом Вавельском холме покоятся короли Речи Посполитой.

В период трагической войны 1654–1667 годов, которую знаменитый польский писатель Генрик Сенкевич, лауреат Нобелевской премии по литературе 1905 года, назвал «Потопом», гродненский замок полностью разрушили беспощадные завоеватели из Московского княжества. По распоряжению городского старосты замок восстановили, но в начале XVIII века, во время Северной войны, его сооружения вновь подверглись яростному огню.

В январе 1706 года войска шведского короля Карла XII внезапно появились под Гродно и блокировали находившиеся здесь на постое российские войска. Российское командование не решилось дать сражение шведам, слывшим до Полтавской битвы непобедимыми. После долгих споров решили дождаться ледохода и, прикрывшись от противника плывущим льдом, отступить на юг. В апреле, в день

православной Пасхи, российский генерал-фельдмаршал Г. Б. Огильви дал старт военной операции. В этот день лёд на Немане уже «шёл с великой силой». В войсках осталось лишь по одному трехфунтовому орудию на батальон. Все остальные пушки русские солдаты сбросили в Неман. Вероятно, это делалось с моста, который в то время находился между Старым и Новым замком. Было затоплено не менее 65 пушек, благодаря чему армии удалось оторваться от шведов и благополучно уйти на Украину.

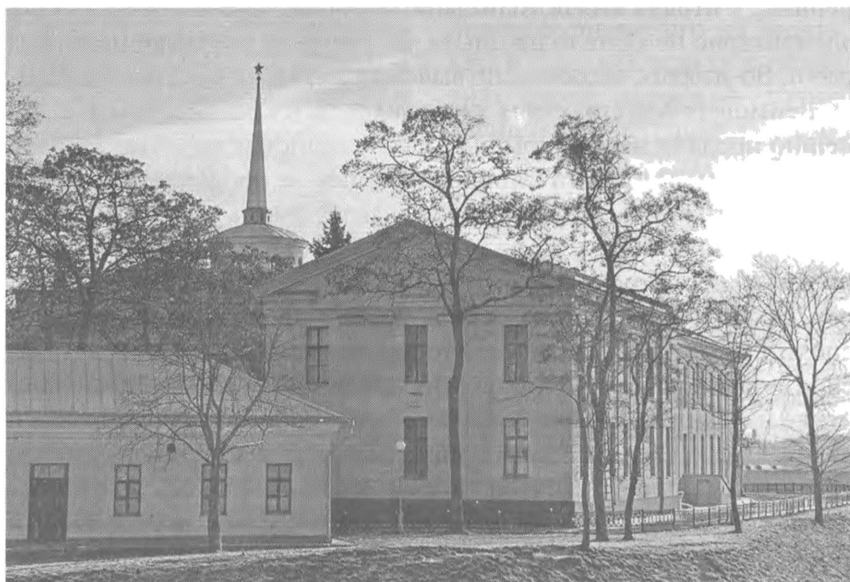
Потом разгневанный потерей значительной части своей артиллерии Пётр I неоднократно приказывал поднять со дна речного затопленные в Гродно орудия. Но задача оказалась не из лёгких. Во-первых, у отряда князя Голицына, которому это было поручено, элементарно не хватало ни опыта, ни ресурсов для подобного рода работ. Во-вторых, неожиданно выяснилось, что часть пушек каким-то неимоверным способом уже извлекли из вод Немана и ...успешно продали на «чёрном рынке» смекалистые местные жители. Казалось бы, с момента затопления пушек не прошло и года, но — как говорится, кто не успел, тот опоздал.

В середине XVIII века по проекту архитектора из Саксонии напротив Старого гродненского замка вырос Новый, теперь уже дворец, ставший летней королевской резиденцией королей Речи Посполитой — конфедеративного государства, объединявшего Польское королевство и Великое Княжество Литовское. На первом этаже находилась стража, кладовые, канцелярия, сокровищница и архив. Второй этаж дворца занимали королевские покои, богато украшенные шлифованным гипсом, каменной резьбой и изразцами, с окнами с тонкими наличниками и полами, выложенными керамическими и мраморными плитками.

Самым значительным историческим событием, произошедшим во дворце, стал последний сейм Речи Посполитой в 1793 году, на котором был утвержден очередной раздел этого государства между Россией и Пруссией.

После присоединения Гродно к Российской империи новые власти устроили во дворце госпиталь, казармы и даже офицерское казино, а Старый замок поневоле нес лишь вспомогательную функцию. Тем не менее оба замка, наряду с фрагментами оборонительных стен, княжеских покоев, мостом, замчищем и словно застывшей на краю обрыва уникальной Коложской церковью оборонительного типа, сегодня входят в число главных достопримечательностей самого западного (и «прозападного») города Беларуси.

Исторически сложилось так, что район, находившийся у подножья Замковой горы, получил название Подзамче, как и одноименная улица, которая с набережной вела к монастырю. Другая улица, серпантином спускавшаяся от Замковой вниз к Городничанке, — носила название Старозамковая. Но с годами на Старозамковой не осталось ни одного жилого дома, и это название перестало существовать. А живописная набережная реки Неман, на которую взирают стены обоих замков, была обустроена еще в 30-е годы XX века. Тогда же появилась и лестница между замковыми холмами, получившая название «Лестница любви», ибо здесь любят устраивать романтические свидания молодые пары.

Новый замок в Гродно в наши дни

Нельзя обойти вниманием еще одно любопытное сооружение в Гродно, выполнявшее некогда роль фамильного дворца одного из белорусских магнатов. Это находящийся неподалёку от обоих замков ...пивзавод. А дело было так — после того, как дворец в силу ряда обстоятельств перестал использоваться по прямому назначению, его облюбовали местные купцы и задействовали в качестве склада, пока в городе не появился предприимчивый австриец Йозеф Кунц. По его инициативе в 1877 году здание преобразовали в пивоварню, где в котельной размещались паровые котлы (сохранились до сих пор!), а в огромных подземельях бывшей обители

магнатов стояли бочки, в которых происходил процесс ферментации янтарного напитка. Позже завод пережил целый ряд реконструкций и смен собственников, последний из которых намерен возродить традиции гродненского пивоварения и вдохнуть новую жизнь в старинное здание.

Вообще, многие гродненские достопримечательности, особенно — таинственные подземелья представляют собой не только отличный плацдарм для искателей приключений, но и весьма перспективный, хотя пока неосвоенный объект для вложения инвестиций.

Среди старожилов Гродно бытует легенда, что когда-то в городе существовал подземный ход под рекой Неман. В XIX веке якобы один из исследователей гродненской старины нашел его и с факелом спустился глубоко под землю, но дальше пройти не смог, так как ход к тому времени был затоплен водами реки. Следов колодцев и подземных ходов современными археологами пока не найдено, но это не значит, что их вовсе не существовало. Во всяком случае, местные знатоки убеждены в обратном.

Кстати, в пятнадцати километрах от Гродно, между деревнями Вертелишки и Озёры, рядом с дорогой, которая получила название Смоленской, находится пресловутая Лысая гора. Это место, где, по преданию, ведьмы собирались на шабаш, расположено на возвышенности в лесном массиве. Узнать его несложно — трасса круто уходит влево, образуя зигзаг. Наши предки сделали его с умыслом: как бы чего плохого в дороге не вышло. А около упомянутой деревни Озёры расположено ещё одно мистическое место — Чёртово озеро. Вода в нём чистейшая, но чёрная — из-за торфяных залежей. В ближайших окрестностях не обитают ни животные, ни птицы. Лишь редкие исследователи да неутомимые искатели сокровищ Наполеона периодически наведываются сюда, ведь, по слухам, Чёртово озеро — одно из вероятных мест захоронения (точнее, затопления) этого клада...

Однако нас в первую очередь интересуют замки, поэтому мы направимся на северо-восток от Гродно, чтобы изучить следующий важный форпост на территории Великого Княжества Литовского. Он был заложен в городе Лида в 1323 году по приказу великого князя Гедимина. Строительство замка продолжалось в течение пяти лет с использованием новейших по тому времени достижений фортификационной техники. На южной стене замка до наших дней сохранились древние бойницы. Они предназначались для стрельбы из луков и арбалетов, а позже — из легкого огнестрельного оружия.

Археологические и письменные источники свидетельствуют, что на нижнем этаже башни находилась тюрьма, выше — суд и архив. Жилые помещения занимали верхние этажи. Лестница для подъема располагалась в толще стены.

В замок вели три входа: два с восточной стороны и один с южной. На территории замка находилась церковь, жилые и хозяйственные постройки.

Вообще-то, если верить гипотезе нашего знаменитого историка Адама Киркора (1818–1886), Лида была столицей отдельного княжества на границе славянских и балтских земель, а князь Гедимин велел строить замок на месте уже существовавших ранее укреплений. Эта версия представляется вполне достоверной.

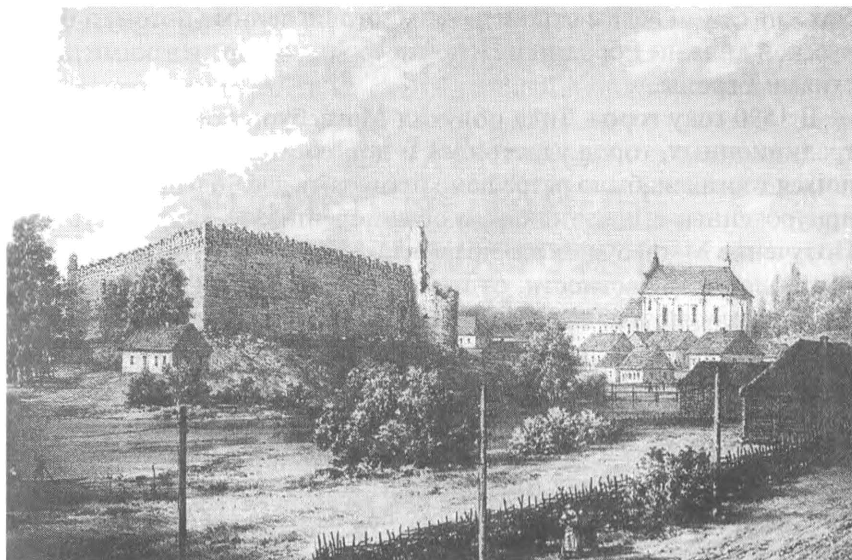
За века своего существования Лида и ее замок не раз отбивали приступы врагов. В частности, зимой 1394 года на город напали крестоносцы. В этом походе приняли участие английские рыцари во главе с графом Бэдфордом, а также французский отряд. Однако захватчики остались ни с чем: жители сами сожгли свои дома и, укрывшись в замке, мужественно отразили все вражеские штурмы.

К слову, героическая борьба местного населения с крестоносцами вдохновила выдающегося композитора Константина Горского (между прочим, уроженца славного города Лида!) на создание одной из самых загадочных опер современности под названием «Маргер».

В конце XIV века по соседству с замком в юрте проживал изгнанный из Золотой Орды хан Тохтамыш — потомок легендарного Чингизхана, скрывавшийся на белорусской земле от грозного полководца Тамерлана (Тимура). А с 1434 по 1443 год замок служил прибежищем для еще одного изгнанника — Довлет-Хаджи Гирея, который с помощью Казимира IV, великого князя Литовского, смог стать ханом перекопских татар.

Как и всякий старинный замок, Лидский не обходится без своих уникальных легенд. Одна из них гласит, что когда-то сюда пришли девять монахов-францисканцев проповедовать христианство. Но местные жители-язычники, отвергая новую религию, убили незваных миссионеров и сбросили тела в яму у замка. На этом месте выросли стройные сосны. Со временем лидчане всё же приняли христианство. Сосны никто не рубил. Но однажды крестьянин отсек ветку, а из нее выступила кровь. С той поры уже ни один человек не осмеливался поднять руку на эти деревья.

Другая легенда связана с рыцарями-захватчиками, которые в декабре 1394 года осаждали цитадель. Обороной командовал князь

Город Лида на литографии А. Мисеровича, выполненной по рисунку Н. Орды

Дмитрий Корибут. Он велел своим воинам защищать укрепление до последней капли крови, а сам сбежал через потайной ход. Все дружинники честно сложили головы в бою. С тех пор их призраки бродят по старинным галереям замка.

А вот уже не легенда, а подлинный исторический факт — в 1422 году в замке пировали по случаю бракосочетания 71-летнего короля Ягайло с 17-летней Софией Гольшанской, ставшей его четвёртой женой. Само бракосочетание состоялась в Новогрудке, но отмечать его приехали именно сюда — в Лидский замок. Пир стоял горой! Молодая весёлая девушка своей энергичностью раздражала престарелого мужа, он даже советовался со своим сватом Витовтом, как можно молодую супругу «утихомирить». Оба не придумали ничего лучшего, чем давать юной королеве меньше еды.

Несмотря на то что жена годилась мужу во внучки, она смогла сделать то, чего не удалось ни одной из трех предыдущих жен: родила ему троих сыновей — Владислава, Казимира и Казимира-Андрея. Правда, некоторые современники и особенно современницы утверждали, будто бы юной королеве помогали изведать счастье материнства безвестные молодые рыцари. Дело дошло до судебного разбирательства, но королеву оправдали. Она дала честное слово, а короли и королевы, как известно, никогда не врут. Как бы там ни

было на самом деле с отцовством, многочисленные потомки белорусской княжны породнились почти со всеми королевскими династиями Европы.

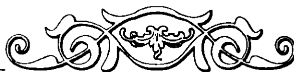
В 1590 году город Лида получил Магдебургское право. Кроме традиционных, город удостоился и дополнительных прав, касавшихся торговли: было разрешено проводить две большие ярмарки, приуроченные к праздникам, и обыкновенные — каждую субботу. Получение Магдебургского права влекло за собой и определенные обязанности. В частности, от горожан потребовали построить ратушу, школу, мосты, выложить улицы каменной брусчаткой. Город заметным образом преобразился, но, к сожалению, спокойная жизнь длилась недолго, ведь Лида по-прежнему оставалась лакомым куском для захватчиков.

В 1659 году российский воевода Иван Хованский бросил 20-тысячную армию на осаду Лидского замка. К тому времени уже был взят штурмом Несвижский замок, без боя сдался Новогрудский замок, и только Лидский оказал достойное сопротивление. Захватчики подожгли его и засыпали колодцы.

А во время Северной войны в 1702 году войска шведского короля Карла XII разрушили все, что чудом уцелело после предыдущего пожара. С тех пор замок потерял свое оборонительное значение, хотя ещё и в 1794 году в нем укрывались участники восстания под руководством Тадеуша Костюшко.

Попытки реставрации замковых стен предпринимались в Лиде не единожды. Последняя реконструкция замка, проведенная уже в текущем столетии, вызвала множество критических откликов и среди специалистов, и простых горожан. Тем не менее, он по-прежнему остается главной достопримечательностью города, а любители исторической реконструкции регулярно оживляют дух Средневековья организацией рыцарских турниров и тематических театрализованных представлений на фоне могущественных многовековых стен.

Всего же в рамках действующей государственной программы «Замки Беларуси» задекларировано восстановление 38 замков, дворцов и замчищ по всей республике. Что из задуманного удастся реализовать — покажет время.

Глава 3

ОЖИВШИЕ ТАЙНЫ СТАРИННЫХ РУИН:

Гольшаны и Крево

Путешествуя по замкам Беларуси, обязательно нужно заглянуть в два небольших, но поистине легендарных места Гродненской области – это деревни Гольшаны и Крево. Провинциальные ныне, в былые времена эти населённые пункты славились на всю Европу не только великолепием своих замковых комплексов, но и целым рядом произошедших тут важных исторических событий. А богатству живших в здешних окрестностях магнатов завидовали даже короли!

Деревня Гольшаны считается одним из наиболее мистических мест Беларуси. Датой её основания принято считать 1280 год, когда князь Гольша, основатель рода Гольшанских, пересёк местную реку и на самом высоком холме в округе решил основать замок. Однако от этого первичного замкового сооружения ничего не осталось. Объяснение этому факту даёт местное предание, согласно которому прекрасная девушка из знатной семьи полюбила обычного крестьянина. Родители, разумеется, были категорически против такого мезальянса. Тогда влюблённые решили обвенчаться тайно. Однако всё тайное, как правило, становится явным, и когда об этом стало известно матери девушки, разгневанная княгиня воскликнула: «Да провались оно всё пропадом вместе с этим замком!» То ли от действия этого спонтанного проклятия либо просто из-за каких-то проектных недоработок, замок действительно обрушился. На его месте выросло городище, а вместо домов – курганы, которые по сей день возвышаются в округе.

Кстати, старожилы Гольшан вспоминают, что еще полвека назад на замковом холме была видна трещина в земле большой глубины. Что, впрочем, неудивительно, ведь в этом месте проходит локальный тектонический разлом.

Отважные гольшанские князья принимали участие в Грюнвальдской битве 14 июля 1410 года и за это получили герб в виде щита с короной наверху, поделённого на части с изображениями Центавра, Погони, Труб и Леливы (шестиугольная звезда над месяцем). А в конце XVI века, когда последняя наследница рода Гольшанских вышла замуж за подканцлера Великого Княжества Литовского, Русского и Жамойтского Павла Стефана Сапегу (1565–1635), началось глобальное переустройство местечка — там был сооружён костёл с монастырём францисканцев и шикарный замок, спроектированный под влиянием голландско-фламандской архитектуры. К сожалению, Павел Сапега не имел прямых наследников, что впоследствии привело к веренице смены владельцев замка.

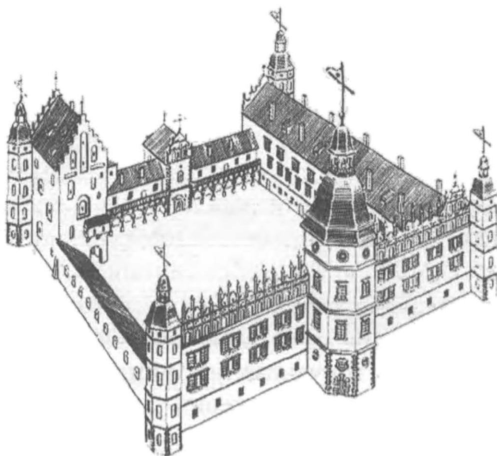
Величественное трёхэтажное здание окружали валы и рвы, заполненные водой речки Гольшанки, протекающей рядом. Такая фортификационная система была широко распространена в ВКЛ в XVI–XVII вв. Внутреннее убранство Гольшанского замка было изысканным: роскошная настенная живопись, витражи из стекла, полы, выложенные плиткой, по-особому украшенные печи. Зодчие того времени называли этот замок каменным цветком, быть может, потому, что он был необычно декорирован, а под землёй находились громадные сводчатые подвалы.

Слухи о сокровищах, зарытых в окрестностях Гольшан, имеют под собой реальную основу. В 1976 году неподалёку от замка был найден клад из 836 золотых монет чеканки XIV–XV веков. Однако, согласно поверью, на территории замка, как и в близлежащем городище, искать клады опасно, так как эти места считаются проклятыми.

Здешние краеведы всегда готовы поделиться с приезжими будоражащими кровь легендами. Одна из них гласит, что давным-давно бедный парень Гремислав Валюжинич полюбил знатную красавицу Анну-Гордиславу Гольшанскую, которая ответила ему взаимностью. Об их тайных встречах узнал отец девушки, который, придя в ярость, приказал замуровать юношу в замковой стене. С тех пор по округе бродит тень Чёрного Монаха (так прозвали привидение местные жители).

Компанию этому одинокому привидению периодически составляет другой призрак — Белой Дамы, также возникший благодаря жестокому замуровыванию. Он обитает по соседству — в старинном монастыре францисканцев. Предание утверждает, что четыре столетия назад, когда подканцлер Сапега выделил деньги на строительство кляштора (католического монастыря), он потребовал за-

кончить работу к определённому сроку. Поначалу работа у строителей спорилась, но по непонятным причинам одна из стен монастыря трижды обрушивалась. Тогда рабочие решились на безумный поступок и постановили, что тот, кто первым заглянет утром на стройку, будет в качестве жертвы замурован в злосчастную стену. Напрасно всю ночь молился недавно женившийся молодой каменщик — именно на его супругу пал этот скорбный жребий. Всё же монастырь был успешно достроен, хотя несчастья на этом не кончились...

Примерно так выглядел замок в Гольшанах при Сапегах

Уже в XX веке, при проведении каких-то работ, в кладке монастыря действительно обнаружили останки женского скелета. Зловещую находку рабочие наспех закопали где-то на краю деревни и вскоре ... скоропостижно скончались один за другим. Вдоль пресловутой стены вновь образовалась глубокая трещина, а обиженный призрак в белых одеяниях продолжает будоражить покой наших с вами современников и тех любопытных энтузиастов, которые, шутки ради, остаются переночевать в здании монастыря. Говорят, что кое-кто из таких смельчаков выходил на утро из монастыря в состоянии шока и с поседевшими волосами.

Так, например, прораб, ответственный за реставрацию монастыря, однажды ночью наблюдал сам себя со стороны, при этом кто-то всё время щипал его за шею. Кроме того, незадолго до рассвета мужчина увидел, что его тело стоит на коленях перед кроватью, а голова лежит отдельно на подушке. Вот страху-то натерпелся от пережитого видения!

А известный белорусский фотограф Владимир Богданов рискнул снять в комнатке монастыря таинственное пятно, в очертаниях которого можно было увидеть силуэт Белой Дамы. Когда проявил плёнку, он онемел: кадр был перекошен градусов на тридцать.

Несладко пришлось и саркастично настроенной группе белорусского телевидения, снимавшей под новый год фильм о привиде-

ниях. Последний сюжет делался в подземелье монастыря на импровизированных подмостках. Девушку, игравшую Белую Даму, кто-то незримый толкнул в грудь, и она упала на пол; пришлось среди ночи вызывать хирурга, чтобы накладывать швы на рассечённую голову пострадавшей.

После пребывания в монастыре художника и реставратора Алеся Пушкина на втором этаже осталась памятная надпись следующего содержания: «Здесь, в этой келье, с 5 до 13 августа 2000 года трудился раб божий А. Пушкин, и ему, грешному и недостойному, в ночь на 6.08.2000 явилась Белая Дама». Художник хорошо известен в богемной среде своим чувством юмора, но в этом случае ему, похоже, было не до шуток.

Иначе говоря, немало загадочных событий произошло и по сей день продолжает происходить в местечке Гольшаны. Все это вдохновило выдающегося белорусского писателя Владимира Короткевича (1930–1984) на сочинение мистического детектива «Чёрный замок Ольшанский», а режиссёра Михаила Пташука (1943–2002) – на создание одноименного фильма, хорошо знакомого каждому любителю отечественного кинематографа.

Владимир Короткевич так описывал вид Гольшанского замка:

> «Мрачное сооружение. Местный валунный гранит, багрово-коричневый с копотью, почти черный. Ну, и вокруг вода. А немного поодаль костёл со звонницей. Он более поздний. Начало семнадцатого века. И все это вместе порождает в тебе что-то гнетущее, тяжелое, мрачное. Как будто проклятие на нём какое-то, как будто привидения там до сего времени блуждают».

Развалины замка и сейчас вызывают гнетущее чувство. Но не от трепета перед обитающими тут призраками, а от удручающего вида старинных руин, крайне нуждающихся в охране и консервации. К сожалению, от былого великолепия ничего не осталось.

Замок сильно пострадал во время Северной войны, а потом ... кто только не растаскивал кирпичи из его стен! Начало этому недостойному занятию положил российский помещик Александр Горбанев, начавший распоряжаться экспроприированным замком после подавления восстания 1830 года, в котором приняли участие Сапеги. Вместо сохранения уникального комплекса Горбанев бесцеремонно распродавал кирпичи из его стен.

С приходом советской власти, считавшей замки пережитком буржуазного прошлого, процесс уничтожения памятника истории приобрёл гигантский масштаб. Молодёжь и рабочие в добровольно-

Руины Гольшанского замка

Руины дворца в Гольшанах

принудительном порядке разбирали замок, чтобы снабдить материалами возводящиеся рядом коровники и дом культуры. Комсомольцы-добровольцы даже устроили из этого недостойного занятия своеобразную эстафету, бросив звонкий клич: «Собираем кирпичи на коровник! Кто больше — пойдёт на каникулы раньше остальных!». Этот деструктивный разгул на стенах замка продолжался до тех пор, пока случайно упавший кирпич не повлек смерть одного из «передовиков» социалистического соревнования.

И наконец, уже в наши дни, несмотря на наличие традиционной таблички «Охраняется государством», на элементы замковых стен неоднократно зарились местные аборигены, чтобы удовлетворить свои хозяйственные нужды.

К счастью, находятся и более цивилизованные граждане, в полной мере осознающие уникальность Гольшан, стремящиеся сохранить хотя бы то немногое, что осталось от былых времён. Не дремлют и мистические охранники замка — за посягательства на легендарное наследие князей и магнатов они время от времени подвергают хулиганов совсем не призрачному, а вполне реальному наказанию!..

Чуть восточнее Гольшан располагается старинное поселение Крево с руинами еще одного средневекового замка, основанного в XIV веке князем Гедимином, который отправил сюда своего сына Ольгерда с руководящей миссией. Мощные замковые стены, расположенные в неправильном прямоугольнике, обрамлялись по диагонали двумя башнями.

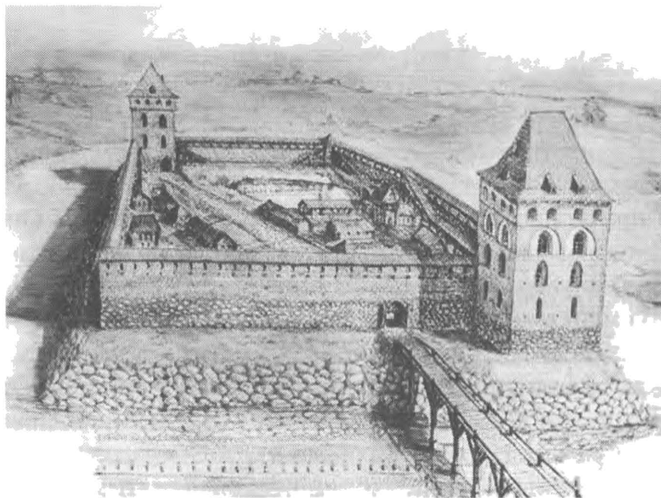

Князь Кейстут

В темницу одной из них (Княжеской) был брошен брат Ольгерда, князь Кейстут. Его посадил туда собственный племянник Ягайло, соперничавший с ним в борьбе за трон Великого Княжества. По приказу Ягайло Кейстута задушили здесь 15 августа 1382 года, за четыре года до подписания в замке одного из самых известных документов в истории

Беларуси — Кревской унии — династического союза между Великим Княжеством Литовском и королевством Польским.

Схожая участь была уготована и сыну Кейстута — Витовту, попавшему в руки Ягайло вместе с отцом. Его содержали в одном из помещений третьего яруса Княжеской башни. Вырваться из плена князю помогла его жена Анна, которой были разрешены свидания с мужем. Во время одного из таких свиданий Анна посоветовала мужу переодеться в платье сопровождавшей ее служанки. Так он и спасся. Ну, а служанку, разумеется, убили. Можно подумать, что ее кто-то спрашивал о согласии на спектакль с переодеванием.

Так выглядел Кревский замок в былые времена

Властолюбивый Ягайло в итоге все же стал не только великим князем литовским, но и королем Речи Посполитой, а Кревская уния стала самым первым шагом на долгом пути объединения двух государств в конфедерацию. Это произошло только через 183 года после Кревы.

В 1433 году замком завладел мятежный магнат Свидригайло, также претендовавший на великокняжеский престол. «И приде ко Креву, — сообщает летопись, — стояша два дни, взяша Крево мурованы и сожже, а людей много посекоша и в полон поведоша».

В 1564 году именно в Кревском замке скрылся от опалы Ивана Грозного «первый русский диссидент» — князь Андрей Курбский (1528–1583), здесь происходили многочисленные события, судьбоносные не только для белорусских земель, но и для всей Европы.

В период Первой мировой войны этот средневековый объект держал длительную оборону в буквальном смысле на передовой. Через деревню Крево проходила линия фронта между русской и немецкой армиями. Стены замка, оказавшегося на немецкой стороне, были встроены в первую линию германской обороны. При этом расположенные по соседству каменные храмы также оказались на передовой, но по разные стороны фронта: костёл — на немецкой, церковь — на российской. Сегодня, глядя на эти объекты, легко представить, насколько близко располагались позиции, разделённые речкой Кревлянкой и рядами колючей проволоки.

На замковой и прилегающей территории развернули позиции немецкие 379-й и 3-й пехотные полки. Личный состав, дежуривший в замке, укрывался в оборудованных помещениях под прикрытием старых стен, наблюдатели поднимались наверх по оборудованным лестницам.

Согласно плану действий на 1917 год, командование русской армии начало подготовку очередного решительного наступления, которое предполагалось вести именно в районе замка. Операцию готовили серьезно — к месту прорыва было стянуто около 800 орудий различного калибра. На позиции под Крево даже доставили через Мурманск и Владивосток с заводов в Англии и Америке пушки с дальностью стрельбы более 20 км. Всем батареям выделили дополнительное количество боеприпасов для проведения артподготовки, способной разрушить мощные укрепления. К началу лета подготовка вышла на завершающий этап. Операцией, длившейся четыре дня, лично руководил командующий Западным фронтом генерал-лейтенант Антон Деникин. Несмотря на усиленную атаку, из-за которой была почти полностью разрушена восточная стена замка, желаемого эффекта операция не принесла. Дальнейшее наступление оказалось невозможным, спустя пару дней немцы вернули себе утраченные позиции.

Вскоре в России произошла революция, а в декабре 1917 года в поселке Солы, что неподалеку, было подписано соглашение о перемирии. Замок, с достоинством выполнивший миссию неприступного форпоста, был в очередной раз брошен на произвол судьбы.

После заключения Рижского мирного договора в 1921 году Крево оказалось в составе молодого польского государства. Понимая историческую ценность даже тех печальных руин, которые остались после обстрела русской артиллерии, польские власти провели в 1929 году консервацию остатков Княжеской башни. Но до полноценной реставрации дело тогда так и не дошло. С установле-

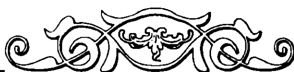
Кревский замок в конце XIX века

нием советской власти на территории Западной Беларуси древнее сооружение едва не уничтожили окончательно, ведь на государственном уровне состояние замка никого не волновало.

Сейчас под девизом «Крево forever!» здесь периодически проводятся мелкие реставрационные работы и тематические слёты.

Славится это место и своими легендами, в том числе о храме, ушедшем под землю под тяжестью людских грехов; о подземном ходе, ведущем прямо в Вильню (нынешний Вильнюс); о том, что с заходом солнца руины оживают, а в их окрестностях начинают бродить таинственные тени, слышатся цоканье копыт, конское ржанье, звон мечей, а случайных прохожих пугает внезапно появляющаяся из ниоткуда собака-призрак... Не удивительно, что это место притягивает многочисленных туристов, которые гуляют вдоль древних развалин, любуются превосходным видом с Юровой горы, с интересом рассматривают языческое капище и камень-оберег — один из четырех, лежавших на въезде в Крево, чтобы защитить его жителей от бед и болезней.

К сожалению, для полноценного сохранения историко-культурного наследия страны одних оберегов и надежд недостаточно. Поэтому консервация руин Кревского и Гольшанского замков, соответствующее обустройство туристско-рекреационной зоны на прилегающих к ним территориях должны стать приоритетными задачами культурной политики современного белорусского государства.

Глава 4

ДОРОГАМИ КНЯЗЕЙ, МАГНАТОВ И ПОЭТОВ:
Новогрудский и Любчанский замки

Смысловое значение словосочетания «Белая Русь» сегодня хорошо знакомо каждому из нас, а вот понятия «Червонная (или Красная) Русь», а также «Чёрная Русь» для большинства обывателей остаются загадкой. Между тем все эти земли некогда входили в состав Великого Княжества Литовского, Русского и Жамойтского (ВКЛ).

Но если Червонная Русь соотносится с Галицией (нынешними западно-украинскими и южно-польскими землями), то Чёрная Русь – это территория современной Гродненской области Беларуси, расположенная в бассейне реки Неман. В самом сердце Чёрной Руси находятся удивительные по красоте и богатству исторического прошлого места – Новогрудок и Любча.

Город Новогрудок (Наваградак, т.е. Новый городок) является одним из древнейших белорусских городов. Первое документальное упоминание о нем датируется 1044 годом, хотя, согласно археологическим исследованиям, жизнь здесь бурлила уже в X веке.

Расположенная в центре Новогрудской возвышенности, старая часть города по сей день обладает непреодолимой привлекательностью. Немудрено, что эту местность наши предки облюбовали не просто для поселения, но также и для торговли, занятия ремёслами и обороны от непрошеных посетителей. В средневековом Новогрудке существовало много ремесленных мастерских самого разнообразного профиля. Купцы свободно сплавлялись по реке Неман в Балтийское море, что обеспечивало активную торговлю со многими странами.

Местное городище, именуемое Замковой горой, стало плацдармом для возведения сначала деревянного, а потом и каменного

замка, окруженного рвом с водой. Впрочем, от водного рва давно ничего не осталось, чему дает объяснение старинная легенда.

Некогда у стен Новогрудского замка стояла вражеская армия. Осада длилась долго и безуспешно, пока кого-то из местной знати не угораздило влюбиться в молодую чужестранку, попавшую в город с армейским обозом. Девушка оказалась «тайным агентом» и по ее милости однажды ночью были открыты ворота в замок, поднят подъемный мост. Когда же вражеская армия, не теряя времени, двинулась в наступление, один молодой воин поскользнулся и упал с

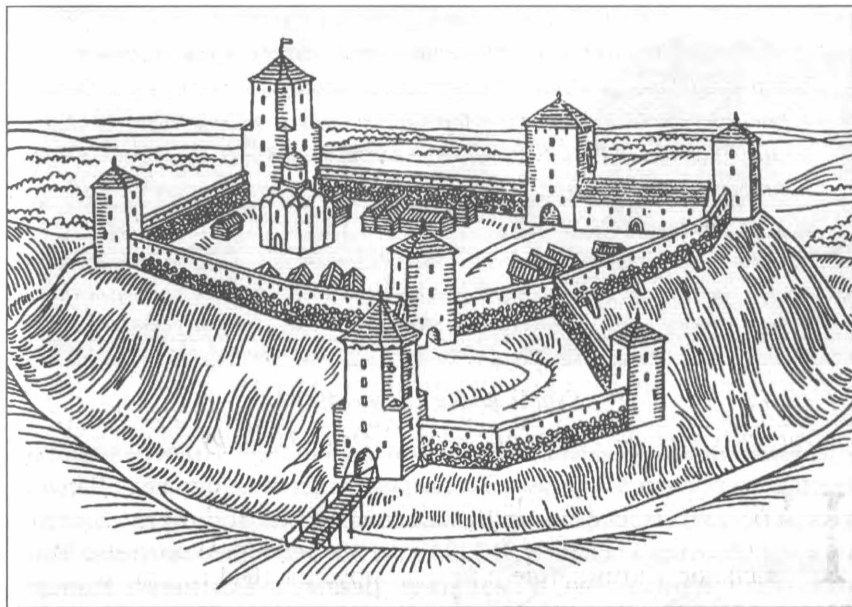

Схема Новогрудского замка

моста прямо в ров. Его мать, являвшаяся колдуньей, в отчаянии прокляла воду, заставив её исчезнуть навсегда. Это, однако, не помешало замку в дальнейшем оставаться мощным укрепительным бастионом.

В частности, Ипатьевская летопись, сообщая о штурме Новогрудка в 1274 году волынскими и татарскими войсками, отмечает, что замок захватить не удалось. В сентябре 1314 года большой отряд крестоносцев-тевтонцев во главе с магистром Генрихом фон Плоцке осадил замок и штурмовал его с помощью камнеметов. Первый натиск оказался безуспешным, иноземцам пришлось разбивать возле города лагерь. На следующий день войско начало новый

штурм замка. Подниматься к вершине Замковой горы в доспехах рыцарям было тяжело, поэтому они оставили их в обозе и двинулись налегке. Осажденные мужественно отражали атаки, бросая на рыцарей бревна и большие камни, поражая их копьями, стрелами из луков и арбалетов. Захватчики понесли значительные потери и отступили.

Руины замка в Новогрудке

Очередной штурм состоялся лишь в 1391 году. Но отряд крестоносцев во главе с магистром Тевтонского ордена Конрадом Валленродом не добыл славы на крутых склонах Замковой горы и был вынужден убраться восвояси. В 1394 году новое войско магистра Конрада фон Юнгингена и маршала Вернера Тетингера еще раз признало свое бессилие перед неприступным Новогрудком.

Важное значение в обороне замка имела центральная каменная башня, названная Щитовкой. Поскольку ее верхние ярусы были сильно повреждены во время атак, новогрудцам в конце XIV века пришлось соорудить новую, уже кирпичную башню, которая стала самой высокой, но не единственной — всего на территории замчища их было семь. Каждая из башен выполняла определённую функцию. Например, возведение Колодезной башни помогло горожанам решить проблему с обеспечением замка водой.

Кстати, существует гипотеза о том, что присутствующий в древнеславянских летописях Новгород тождественен современному Великому Новгороду. Однако при внимательном изучении вопроса обнаруживаются нестыковки, указывающие на то, что последний

по целому ряду причин не мог иметь того политического, экономического и военного значения, которое имел Новгород летописный. Схожесть топонимики подтолкнула в свое время известного историка Василия Татищева (1686–1750) на мысль о том, что упомянутый в византийском трактате «Об управлении империей» город Немогарадас может находиться где-то в районе притоков реки Припять. Гораздо глубже копнул исторические пласты белорусский историк Николай Ермалович (1921–2000). Он обратил внимание на то, что в 1067 году полоцкий князь Всеслав Брячиславич, прозванный Чародеем, по пути из якобы Новгорода в Полоцк никак не мог очутиться на реке Немиге под Минском. Ведь машину для телепортации не изобрели до сих пор, поэтому вероятнее всего в летописи речь шла именно о Новогрудке, а не о Новгороде.

Весьма любопытными представляются древние скандинавские свидетельства о путешествии морехода и купца Гудлейка в некий Хольмгард (т.е. город на холме) с целью покупки для конунга Олава «драгоценных тканей, дорогих мехов и роскошной столовой утвари». В ходе раскопок в Новгороде Великом не удалось обнаружить ничего такого, что можно было бы как-то соотнести с «роскошной столовой утварью». Зато доподлинно известно, что именно такие предметы были в ходу у князей, правивших древним Новогрудком. Огромная коллекция старинных изделий из стекла, найденная здесь в период с 1955 по 1962 гг., шокировала археологов, ведь ни в одном древнерусском городе ничего подобного обнаружить не удавалось! Стало быть, многое из тех событий, которые историки традиционно приписывают Великому Новгороду, на самом деле следует сопоставить с провинциальным ныне Новогрудком. Недаром именно он в большинстве источников упоминается в качестве первой столицы Великого Княжества Литовского.

Исключительно важную роль в истории Новогрудчины сыграл великий князь Миндовг (1200–1263), о происхождении которого не стихают споры среди историков. Одни утверждают, что его предки принадлежали к знатному балтскому роду, другие

Великий князь Миндовг

приписывают ему родство с пруссами, третьи указывают на славянские корни, усматривая тесную связь с династией полоцких князей.

Дополнительную сумятицу вносит загадочный артефакт в виде круглой печати Миндовга с руническими надписями и изображением древнего герба «Погоня». Некоторые даже склонны считать этот уникальный предмет подделкой, ведь толком пояснить такое хитросплетение культурных слоев, которое зафиксировано на нем, крайне сложно. Вместе с тем, тот факт, что князь был одним из величайших правителей своего времени, не оспаривает никто.

С самого детства наученный военному делу, Миндовг был выдающимся полководцем и дальновидным стратегом. Стремясь к достижению своих грандиозных замыслов, он нередко проявлял не только бесстрашие, но и коварство, используя заказные убийства и отравления, подкуп и изгнание непокорных на чужбину. В общем, следовал присущему очень многим политикам принципу, который сформулировал Никколо Макиавелли в своем сочинении «Государь» (1513 год): «цель оправдывает средства».

Именно Миндовг объединил под своим началом земли Новогрудчины, юго-восточную часть современной Летувы и часть Полоцкого княжества, заложив основу для могущественного государства, фактически первого европейского союза, под названием ВКЛ. Дипломатические соображения склонили хитрого правителя к формальному принятию католичества в 1251 году, что позволило расстроить коалицию его противников. Через два года после крещения Миндовг был коронован, а еще через восемь лет... отрёкся от христианской веры, вернувшись к язычеству. В 1263 году Миндовг и два его малолетних сына были убиты в результате политического заговора. Похоронили князя, согласно преданию, на золотом троне, насыпав над могилой большой курган из речного песка.

После смерти Миндовга его планы по укреплению и развитию государственности продолжили князья Витень (правил в 1293–1316 гг.) и Гедимин (правил в 1316–1341 гг.). Второй из них в 1323 году перенес столицу княжества в Вильню, а Новогрудок постепенно стал терять столичный лоск, сохраняя, однако, свою историческую значимость.

С 1507 года город стал центром Новогрудского воеводства, в 1511 году получил самоуправление (Магдебургское право).

В 1795 году, после третьего раздела Речи Посполитой, вошел в состав Российской империи. При этом город продолжал оставаться местом жизнедеятельности многих незаурядных личностей, среди которых: путешественница и мемуаристка Саломея Пильштын-Ру-

сецкая (1718 — ок. 1770), поэт Ян Чечот (1796–1847), учёный-геолог Игнат Домейко (1802–1889), фотограф-этнограф Ян Булгак (1876–1950), художник Язеп Дроздович (1888–1954) и, конечно же, непревзойденный Адам Мицкевич, посвятивший описанию своей малой родины немало строк в поэмах «Гражина», «Конрад Валленрод», «Деды», «Пан Тадеуш», «Свитязянка».

Родившийся неподалёку от Новогрудка и крещённый в местном костёле, Мицкевич (1798–1855) до конца жизни был неразрывно связан воспоминаниями с краем своего детства и юности:

«Где струи прежние, о Неман мой родной?
Как в детстве я любил их зачерпнуть горстями!
Как в юности любил, волнуемый мечтами,
Ища покоя, плыть над зыбкой глубиной!»

Новогрудские холмы облюбовали современные рыцари

Не только неманские берега вдохновляли поэта, но и одно из самых загадочных белорусских озёр — Свитязь, в окрестностях которого Адам Мицкевич гулял со своей возлюбленной Марылей Верещакой. Сколько легенд сложено об этом красивом лесном озере! Одна из них повествует о том, что некогда там, где сейчас находится озеро, располагался город. Название его было Свитязь. Однажды на город напало вражеское войско. Силы были неравные, и понимая, что им предстоит либо превратиться в рабов, либо погибнуть,

свитязяне предпочли смерть позорному рабству. И взмолились они, чтобы город ушел под землю. Так и случилось — место провалилось в бездну, похоронило завоевателей и всех жителей города. А отважные свитязяне через некоторое время возродились в виде цветов, украшающих озеро. С данной легендой согласуется теория геологов, которая подтверждает, что озеро образовалось в результате провала четвертичных отложений в подземные пустоты. Помимо того, среди местных жителей бытует поверье, что иногда здесь можно наблюдать, как волшебные светящиеся существа устраивают танцы вокруг озера. Это выходящие из озерной глади девушки-русалки, именуемые свитязянками.

Адам Киркор, один из авторов третьего тома «Живописной России», изданного в 1882 году, писал:

> «Следуя большой дорогою из Новогрудка в местечко Городище, проехав множество больших курганов, въезжаете вы в лес, среди которого большое, почти совсем круглое, озеро, называемое Свитязь, воспетое Мицкевичем... Чудное это озеро! Вокруг могучие вековые дубы, плакучие ивы, клёны – сгибаются и своими ветвями далеко от берега расстилаются над водою озера, отражаясь в нём на далёком пространстве... Вода чистая, прозрачная, а виднеющееся дно усыпано мелкими разноцветными камешками. Здесь просиживал целые часы, мечтал и думал великий поэт, здесь же создана им вдохновенная поэма «Свитязянка».

С берегов Свитязи перенесёмся в не менее романтичное место с чудесным названием Любча, расположенное на берегу Немана, в 26 км от Новогрудка.

Ныне это небольшой периферийный посёлок, а ведь в былые времена здесь кипели поистине шекспировские страсти! Даже в названии сокрыто краткое отображение целой истории внезапно вспыхнувшей любви князя Миндовга к роковой красавице Марте, с которой он встретился именно здесь. Так, во всяком случае, гласит легенда. В реальности же Марта, которую можно считать настоящей «леди Макбет Новогрудского уезда» не просто существовала, но и сыграла довольно специфичную роль в истории. Будучи женой приближенного Миндовга, князя Висмонта, она ухитрилась завладеть сердцем будущего короля, устранить при его помощи своего благоверного и наплести целый ряд жестоких интриг, за что в итоге

Любчанский пейзаж

поплатилась помутнением рассудка. Перед смертью она завещала Миндовгу не оставаться в одиночестве, а взять себе в жёны её родную сестру, которая на тот момент... была замужем за князем Довмонтом. Последовав этому крайне неразумному совету, Миндовг приблизил свою смерть, ведь оскорбленный Довмонт впоследствии был в числе убивших его заговорщиков. Недаром говорят, что любовь бывает зла...

Однако вернемся в Любчу, главными достопримечательностями которой являются великолепный вид на Неман, открывающийся взору с насыпного холма и, конечно же, замок. Первоначально это строение было деревянным. Глубокий ров окружал три замковые стены, а четвертая выходила на высокий берег реки. Для обороны возвели каменную въездную башню (браму), под самой крышей которой находились бойницы, а в подвалах — тюремные темницы. Рядом располагались складские помещения и казармы.

Череда местной знати сменялась здесь довольно часто. Великий Миндовг подарил это местечко киевскому боярину Андрею Кияну, который спасался на землях ВКЛ от нашествия татар. В 1428 году Любча в качестве подарка перешла от князя Витовта к его супруге Ульяне, а в 1499-м по велению князя Александра отошла к подскарбию Фёдору Хрептовичу. Спустя несколько десятилетий Любчу выкупил виленский воевода Гаштольд, чтобы в свою очередь продать

её в 1547 году именитому Яну Кишке. Именно он стал тем деятелем, который кардинальным образом реорганизовал жизнь в данной местности.

Ян Кишка (умерший в 1592 году) был последователем особого ответвления в протестантизме под названием «арианство» и задумал превратить Любчу в культурно-просветительский центр. Он устроил здесь молитвенный дом, школу, типографию и затеял в 1581 году возведение каменного замка в стиле поздней готики с элементами ренессанса. В 1590 году Любче было предоставлено Магдебургское право и собственный герб. По инвентарю 1601 года, в местечке действовала пивоварня и общественная баня, крытая «белым железом».

В XVII веке Любча перешла во владение магнатов Радзивиллов, которые продолжили обустройство замковой территории. В новой вотчине они разместили свои архивы, родовые портреты, скульптуры, дорогие наборы посуды и изделий из ткани, археологические находки, обширную библиотеку и даже кунсткамеру. Особенно богатой была коллекция оружия, насчитывавшая более 900 экспонатов, среди которых — сабли Ивана Грозного, Бориса Годунова и турецкого султана Османа II.

В 1655 году многочисленный отряд запорожских казаков под командованием гетмана Ивана Золоторенко переправился через Неман и приступом взял старинный замок, почти полностью его разрушив. А затем сюда вторглись московские войска, уничтожившие большинство жителей Любчи и разграбившие типографиию, где было издано более 50 книг. Напечатанные там фолианты до сих пор хранятся в музеях Кракова, Варшавы, Вильнюса.

Позднее местность стала владением Богуслава Радзивилла (1620–1669), при котором были восстановлены две замковые башни. Затем замком распоряжались помещики Витгенштейны и Гогенлое, а во второй половине XIX века он перешел к представителям прибалтийского дворянского рода Фальц-Фейнов, устроившим в Любче одну из своих основных загородных резиденций. В 1864 году из замкового кирпича на фундаменте XVI века они построили дворец в неоготическом стиле, который, по воспоминаниям современников, был очень красивым, но увы — это сооружение не пережило Первой мировой войны.

Кстати, представительница данного семейства Лидия Фальц-Фейн, выйдя замуж за статского советника Дмитрия Набокова, стала матерью знаменитого композитора и педагога Николая Набокова (1903–1978), двоюродного брата всемирно известного писателя Владимира Набокова (1899–1977). Именно в Любче проходило

детство этого человека, среди друзей которого были Игорь Стравинский, Сергей Дягилев и Джордж Гершвин, которому рукоплескала аудитория ведущих концертных площадок Европы и Америки, который был организатором множества престижных музыкальных фестивалей в Париже, Берлине, Риме, Токио.

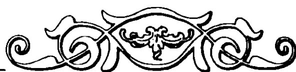
А как же Любчанский замок?.. Возможно, его руины так и продолжали бы унылое существование, если бы на заре XXI века их реконструкцией всерьёз не озаботились местные энтузиасты. И вот, на протяжении последних десяти лет, благодаря созданному здесь благотворительному общественному фонду под руководством Ивана Печинского, Любча переживает период возрождения. Уникальный колорит здешних мест привлекает не только любителей истории и археологии, но также художников и приверженцев рыцарских традиций.

Вот таких средневековых менестрелей можно встретить иногда в Любче

Любители сказок тоже будут довольны — согласно мифу, давным-давно в Любче обитал дракон, охранявший город и замок. Люди верили в то, что пока им покровительствует эта рептилия, местность будет процветать. Но однажды во время некоего вооруженного конфликта дракон был убит, с тех пор замок неоднократно разрушался, пока не пришел в состояние запустения. Уже в современный период на территории замка нашли таинственное гнездо с яйцами, разумеется, драконьими. Маленькие дракончики вновь появятся на свет, когда Любче будет крайне необходима их помощь. А одно из яиц даже вмуровано в стену и служит своеобразным талисманом.

Как и полагает каждому приличному замку, Любчанский имеет свое штатное привидение. По свидетельству занятых реставрацией молодых волонтеров, здесь бродит призрак магната Яна Кишки, который за дерзкую критику в свой адрес может основательно проучить непочтительных болтунов. Поэтому к восстановительным работам допускают лишь ответственных и порядочных граждан, искренне верящих в необходимость сохранения историко-культурного наследия. Впрочем, рядовым туристам, желающим проникнуться самобытным духом белорусской глубинки, тут тоже всегда рады. Приезжайте и убедитесь сами!

Глава 5

ВОСТОЧНЫЕ ФОРПОСТЫ БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ:
Быховский и Смольянский замки

Понятие «Белая Русь» в Средневековье употреблялось редко и преимущественно по отношению к северо-восточным землям Беларуси современной. По мнению известного историка Николая Карамзина, «Белая» в данном контексте означала «великую и древнюю». Хотя, если вспомнить о существовании Чёрной и Червонной Руси, то скорее напрашивается цветовая аналогия со сторонами света. Как бы там ни было, восточные рубежи нуждались в защите отнюдь не меньше западных, поэтому здесь тоже возводились оригинальные обобонительные сооружения. К числу таковых относятся: уникальный город-крепость Быхов, герб которого украшают две скрещённые пушки, и расположенный в деревне Смольяны единственный белорусский замок, имеющий собственное имя – Белый Ковель.

Старинное поселение под названием Быхов, расположенное в Могилёвской области Беларуси, возникло на рубеже IX–X вв. на высоком правом берегу Днепра недалеко от слияния с ним речушки Мокранки.

В отношении названия существуют различные версии. Одна из них утверждает, что это гибрид двух слов — «был» и «хов» (место, где «ховались», т.е. прятались от врагов). Согласно другой гипотезе, местечко могло быть основано неким вождем по имени Быx (краткий вариант древнеславянского имени Збыслав). Кроме того, существуют гипотезы, связанные с множественностью значений слова «бык», ведь это не только всем известное животное, но и порог на реке, а также основная стена доменной печи (здешние жители в древние времена занимались выплавкой железной руды).

«Двор Быхов» впервые встречается в грамоте друцкого князя Дмитрия Семёновича, датированной 31 мая 1393 года. Позже упо-

минаемое в «Списке русских городов далёких и близких» поселение находилось в собственности князей Свидригайло и Гаштольдов. С середины XVI века Быхов перешёл под патронаж великого князя литовского и короля польского Жигимонта (Сигизмунда) I и стал центром староства. Уже тогда в городе существовал деревянный замок с кольцевым земляным валом, стенами в виде бревенчатых срубов (их называли «гародни»), башнями и «брамой» (укрепленными въездными воротами). Дальнейшие преобразования привели к тому, что замковую территорию стали именовать Старым Быховом, а близлежащие окрестности соответственно — Новым Быховом.

После того как Август, сын Жигимонта I, подарил имение наивысшему гетману Великого Княжества Литовского Яну Каролю Ходкевичу (1560–1621), последний начал именоваться не иначе как «графом на Быхове». В 1590 году казаки донского гетмана Матюши Федоровича захватили «место Быховское, наехавши гвалтовне ... шкоды немалые починили». Набеги неприятелей посодействовали тому, что в период с 1590 по 1619 год Ходкевичи организовали масштабные работы по укреплению города: был построен новый каменный замок размерами 75x70 метров, выкопан глубокий ров в форме полукруга, укреплены стены, что сделало Быхов одной из сильнейших цитаделей ВКЛ.

В это же время в городе была основана знаменитая быховская людвисарня (пушечная литейная мастерская), которая работала до XVII века (позднее в ней стали переплавлять старые пушки на новые). При мастерской существовала специальная школа оружейного мастерства. Изделия, созданные быховскими умельцами, пользовались спросом во всей Европе.

В 1628 году Быхов перешел к Сапегам в связи с тем, что Анна, дочь Я.К. Ходкевича, вышла замуж за Яна Станислава, сына канцлера ВКЛ Льва Сапеги. Сапеги значительно перестроили укрепления в стиле новейшей для того времени бастионной фортификации. Новый замок занял участок берега в виде неправильного прямоугольника размером 77x100 метров, а с юга, запада и севера его окружали глубокие и широкие (до 22–27 м) рвы. По краям площадки возвышались земляные валы со специальными выступами — бастионами.

В замковый комплекс входили: дворец, жилые и хозяйственные каменные здания, три восьмигранные двухъярусные кирпичные башни и въездная башня с черепичным куполом, увенчанным металлическим флюгером с магнатским гербом. Двухстворчатые высокие ворота въездной башни были дополнительно укреплены ре-

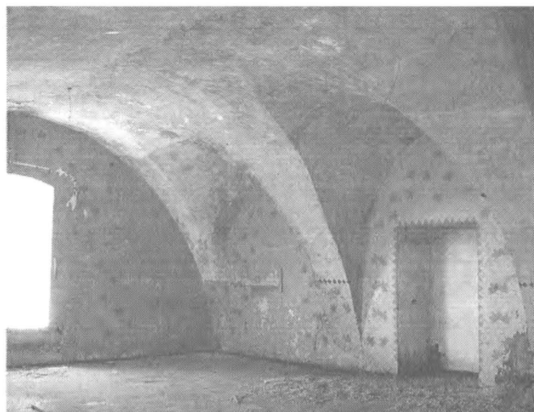

Быховский замок на старой фотографии

шёткой и системой железных запоров. К въездной башне через ров вёл подъёмный мост. По осевой линии въезда в замок находился дворец, где на нижнем этаже размещались разные службы, на верхнем — господские покои и столовый зал, внизу под дворцом — сводчатые подвалы. В замке постоянно находился военный гарнизон, а также большое количество огнестрельного и холодного оружия, имелись запасы пороха.

В кровопролитной войне середины XVII века между Речью Посполитой и Московским царством, за время которой белорусские земли потеряли свыше половины своих жителей, Быхов все время был камнем преткновения для обеих воюющих сторон. Сначала его 18 месяцев, с августа 1654 года, безуспешно осаждали украинские казаки под командованием Ивана Золотаренко и войска боярина Алексея Трубецкого. За необыкновенную стойкость горожан при обороне города король Ян II Казимир своей грамотой освободил Быхов на 20 лет от всех налогов и повинностей.

Однако уже вскоре в городе обосновались другие незваные гости — казаки под предводительством Ивана Нечая, зятя Богдана Хмельницкого. Нечай был человеком своевольным и крайне непорядочным — провозгласив себя «полковником Чаусским и Новобыховским», он на подконтрольных ему землях насильно записывал в казаки шляхту, мещан и крестьян, а тех, кто отказывался, приказывал грабить, пытать и уничтожать. Ввиду этого местные жители подавали царю Алексею Михайловичу многочисленные жалобы на недостойное поведение его союзника.

Готические своды внутри Быховского замка

В 1658 году Нечай изменил царю московскому, перешел на сторону короля Речи Посполитой и стал «чинить царского величества ратным людям и Войску Запорожскому всякие нетерпимые злости, не сдавая Старого Быхова». В результате город с мая по декабрь 1659 года снова оказался в осаде и был взят в ходе ночного штурма войсками князя Лобанова-Ростовского, которому удалось склонить к капитуляции коменданта замка, немца Шульца. В ходе осады сильно пострадали не только город, но и замок, в котором взорвался склад боеприпасов. Но уже в 1660 году царские войска сами оказались осажденными и в декабре 1661 года сдались войску гетмана ВКЛ Стефана Чарнецкого (1599–1665).

В годы Северной войны на Быхов обрушились новые беды. Его владелец Ян Казимир Сапега (ок. 1670–1730) перешел на сторону короля Станислава Лещинского, ставленника Карла XII, после чего союзное войско короля Августа II и Петра I дважды подвергало осаде город. В многомесячной осаде 1701 года успех был достигнут благодаря громадной пушке, привезенной из Могилева. На один заряд в нее шло сразу три пуда пороха — 48 килограммов! Командовавший осадой генерал Криштоф Синицкий-Бонч имел хорошего бомбардира, который многопудовыми «бомбами сильно здания городские ломал и разрушал». В результате город сдался, правда, на почетных условиях: мещанам сохранили все их привилегии.

Спустя некоторое время Синицкий-Бонч перешел на сторону противника, сделав Быхов своим главным опорным пунктом. Узнав об этом, Петр I послал против хорошо укрепленного Быхова войска своих генералов. После вынужденной капитуляции всю быховскую артиллерию русские на баржах вывезли в Киев, а в городе на протяжении семи с лишним лет хозяйничал русский гарнизон.

Позднее Сапеги восстановили разрушенные в ходе боев укрепления, приказали отлить новые орудия. По сведениям за 1751 год,

здесь имелось 20 пушек, сохранялось мещанское и шляхетское ополчение. В 1757 году гарнизон состоял из 50 солдат, одного капрала, двух ефрейторов и двух барабанщиков. Все они были местными жителями, набранными в Старом и Новом Быхове и служившими за плату в форме пользования земельными наделами.

После антирусского восстания 1830–1831 гг. замок был конфискован у Сапег и стал собственностью российской казны, в результате чего пришел в упадок. В конце XIX века здесь размещались казармы, а в XX веке замок оказался полностью заброшенным. В настоящее время ведется активный сбор средств на реконструкцию этой легендарной крепости. А туристический маршрут от крепости в Смоленске до крепости в Быхове на прогулочной лодке XVII века мог бы стать весьма популярной экскурсией как для белорусов, так и россиян.

Из Могилёвской области переместимся в соседнюю Витебскую, где издавна также строилось много замков и других укрепленных поселений. Возведение таких сооружений диктовали требования эпохи. Замки были в каждом стратегически важном городе: Полоцке, Витебске, Орше, Браславе, Сураже, Друцке, Копысе и других. Сейчас же единственным памятником оборонного зодчества в данном регионе являются руины пятиярусной башни Смолянского замка.

Впервые Смольяны, расположенные в 25 км от Орши, упоминались в древних манускриптах в конце XV века. Тогда они принадлежали князьям Бельским и славились на всю округу своими смолокурнями (вероятно, отсюда и название). Первым же знаменитым хозяином деревушки стал в 1522 году один из крупнейших землевладельцев Великого Княжества Литовского, талантливый полководец, победивший более чем в полусотне сражений, Константин Острожский (1460–1530). Именно он 8 сентября 1514 года разбил под Оршей московскую армию, в полтора раза превосходившую своей численностью войско ВКЛ. Возможно, что именно тогда ему приглянулись Смольяны, позже пожалованные гетману «за заслуги перед Отечеством».

К сожалению, его сын от первого брака с княгиней Татьяной Гольшанской не оставил наследников, и Смольяны после его смерти перешли во владение жены Жигимонта I Старого, королевы Боны Сфорца. Затем имение попало к опальному князю Андрею Курбскому, бежавшему в ВКЛ из Московии. Однако из-за страха пасть от рук наемных убийц Ивана Грозного он поменялся с Васи-

лием Сангушко на украинский город Ковель. С этого момента магнатский род Сангушко был неразрывно связан со Смольянами на протяжении почти трех столетий.

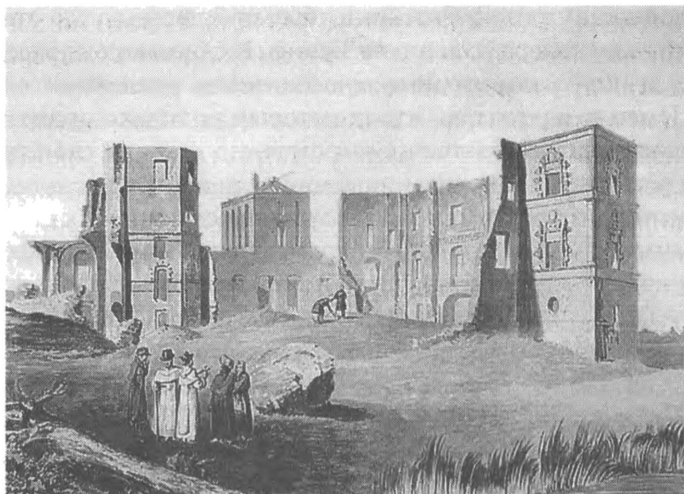
По инициативе воеводы Симона Сангушко-Ковельского (умершего в ноябре 1638 г.) в 20-е годы XVII века началось строительство замка с мощными оборонительными укреплениями. Но ограничиваться лишь возведением неприступной крепости хозяин Смольян не захотел и пригласил зодчего из Голландии, который привнес в комплекс роскошные ренессансные черты.

Уникальным замок сделало сочетание западноевропейской архитектуры и белорусского зодчества. Влияние голландского стиля проявилось в орнаменте оконных проемов, во внешнем декоре и внутреннем убранстве, а народная архитектура — в выборе строительных материалов.

Строения замка размещались таким образом, чтобы освещение во всех покоях и залах было равномерным. В плане это был замкнутый прямоугольник с выступающими угловыми трехъярусными башнями и дополнительной пятиярусной высотой более 20 метров, расположенной рядом с большими главными воротами. Вокруг были насыпаны высокие валы с угловыми бастионами, где в укрытиях установили дальнобойные пушки. Снаружи — глубокий ров, куда вода поступала из заболоченных окрестностей. Стены замка были оштукатурены и покрашены в белый цвет, поэтому его стали именовать Белым Ковелем.

На нижнем ярусе здания размещались плоские ниши с рельефно оформленными родовыми гербами, совпадавшими с государственным гербом «Погоня». Со стороны двора на втором и третьем этажах находились полузакрытые галереи. Комнаты соединялись между собой арочными переходами и винтовыми лестницами. Отапливались помещения каминами, поражавшими гостей уникальными изразцами с геральдическими, растительными и портретными сюжетами. Стены парадных и жилых комнат были расписаны фресками на разнообразные сюжеты. Известно, что сам Симон Сангушко серьезно увлекался живописью и гравюрой, но в старости он приказал заменить светлые, полные жизни и внутренней гармонии настенные росписи на фрески религиозной тематики, навевающие грустные мысли о неотвратимости смерти.

Непосредственно в замке жила только магнатская семья и приближенные. Перед дворцом сделали пруд с мостом и перилами, за которым тянулись хозяйственные постройки и жилые помещения для челяди. От моста начиналась улица, ведущая к центральной

Смольянский замок
на рисунке художника Юзефа Пешки

площади Смольян, где располагались деревянная ратуша и торговые ряды. Местечко славилось своими ярмарками, о которых вдохновенно писал Владимир Короткевич в очерке «Земля под белыми крыльями».

Но спокойная жизнь Смольянского замка была недолгой. Он сильно пострадал во время уже упоминавшейся войны между Речью Посполитой и Российским царством, названной польским писателем Генриком Сенкевичем «кровавым потопом». Не обошла стороной эти места и Северная война. Тогдашний владелец замка магнат Павел Кароль Сангушко (1680–1750) встал на сторону короля Карла XII и разрешил ему устроить в крепости опорный пункт шведской армии. Однако в августе 1708 года казаки, поддерживавшие царя Петра, взяли штурмом Смольянский замок. Удержать его они были не в силах, поэтому, недолго думая, решили действовать по принципу «так не достанься же ты никому!» и взорвали замок.

После окончания войны Сангушко частично восстановил свою обитель, но прежнего великолепия достичь не удалось.

В 1831 году местечко досталось коллежскому асессору Василию Семёнову, а затем его сыну — тайному советнику, сенатору Алексею Семёнову, который владел им около 20 лет. Именно Алексей Семёнов объявил о продаже полуразрушенного замка «на кирпич», результатом чего стало быстрое разрушение до основания практически всего комплекса.

В 1860–1870-е годы Смольяны был собственностью статского советника, инженера Валериана Титова. К счастью, он умел ценить красоту и понимал историческую ценность уцелевших остатков замка. Именно благодаря Титову, который не только приказал прекратить варварскую «добычу» кирпича, но даже на свои средства провел частичную консервацию башни, укрепив ее основание небольшими контрфорсами, она и сохранилась до наших дней.

Помимо замковых руин в современных Смольянах достойны внимания барочный костёл Девы Марии, церковь Св. Алексия, часовня-усыпальница, мельница и усадьба начала XX века, а также могила поэта-романтика Томаша Зана (1796–1851).

На стене замка в Смольянах сохранились элементы декора

Есть у Смольянского замка и свой мистический «шлейф» в виде преданий. К примеру, одна местная легенда утверждает, что под землей к замку ведут многочисленные подземные ходы — столь широкие, что по ним когда-то можно было перемещаться, сидя в упряжке! Но главная легенда связана с образом королевы Боны Сфорца, которая некогда приложила руку к обустройству данной местности.

Королева Бона Сфорца

Вообще о королеве Боне Сфорца (1494–1557) ходили ужасные слухи. Якобы для сохранения молодости и красоты (а королева была моложе своего венценосного супруга Сигизмунда I на 27 лет) она периодически купалась в крови невинных девушек. Кроме того, она будто бы содержала целый мужской гарем, членов которого разъярённый от ревности король приказал казнить. Но некоторым любовникам Боны, в частности 3-му и 9-му, удалось спастись. Отсюда якобы происходит традиция поднимать третий тост за любовь и девятый за женщин. Обвиняли коварную итальянку и в отравлении молодой супруги её сына — красавицы Барбары Радзивилл*.

Однако все это только легенды. Королева, женщина весьма образованная и дальновидная, содействовала развитию в ВКЛ и Польше культуры и просвещения. В числе ее деяний — финансовая поддержка издания в 1523 году в Кракове написанной на латинском языке легендарной поэмы Николая Гусовского «Песня про зубра».

Несмотря на то что умерла Сфорца в родной Италии, в городе Виджевано, говорят, будто её привидение бродит именно здесь, в Смольянах. Говорят, что холодными осенними вечерами, когда от речки Дерновки поднимается туман, застилая всё вокруг, откуда-то из-под земли слышится тихая музыка, а в окнах башни мелькает тёмный силуэт королевы. Почему призрак Боны облюбовал для обитания замок Белый Ковель — остается загадкой.

---

* В настоящее время доказано, что Барбара Радзивилл умерла от рака. — *Прим. ред.*

Глава 6

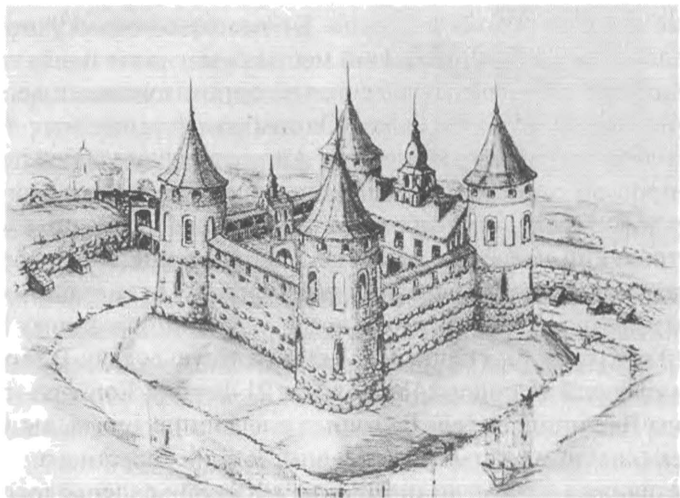
В ПОИСКАХ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РОМАНТИКИ:
Геранёны и Гайтюнишки

Совсем недалеко от границы с современной Летувой расположены два любопытных места: некогда достославные поселения, а ныне скромные белорусские деревни Геранёны и Гайтюнишки. Они гордятся своим историческим прошлым. Ведь в окрестностях первой разворачивалась драматическая история любви короля Жигимонта Августа и Барбары Радзивилл, а во второй отлично сохранилось старинное сооружение, в полной мере отвечающее популярному девизу «Мой дом – моя крепость».

Архивные старопечатные акты свидетельствуют, что в 1396 году виленский староста, воевода Войтех Монивид получил от великого князя Витовта во владение Геранёны Старые или, как их еще называли, «деревянные» (соответствовали современной деревне Субботники) с прилегающими селениями. Название, вероятнее всего, происходит от белорусского слова «горан», которым именовалась нижняя часть кузнечной печи для обжига керамических изделий.

Позднее Геранёны перешли под патронаж брата Витовта, Жигимонта (Сигизмунда) Кейстутовича (1365–1440), который, в свою очередь, подарил данное имение представителю древнего магнатского рода Гаштольдов. И вот, на переломе XV и XVI столетий, один из влиятельнейших «олигархов» того времени, Альбрехт Гаштольд (ок. 1470–1539) инициировал возведение в Геранёнах мощной фортеции. Причины постройки замка объяснялись не только его важным стратегическим положением на перекрестках удобных путей между Троками (ныне — Тракай) и Новогрудком, Лидой, Гольшанами и Кревой, но и желанием магната получить графский титул, который мог быть ему пожалован лишь при условии наличия каменного замка (мечта осуществилась в 1529 году).

Согласно проекту, Геранёнский замок должен был совмещать в себе новейшие достижения европейского оборонительного зодчества с местными архитектурными традициями. При планировании комплекса был выбран прогрессивный бастионный тип замка, гарантировавший эффективную защиту от артиллерии неприятеля. По углам замка размещались четыре высоких цилиндрических башни-рондели диаметром восемь метров каждая. Их готическую возвышенность подчёркивали шатровые крыши из красной черепицы. Стены, толщиной до 1,4 метра, были сложены из природного камня и облицованы кирпичом.

Так выглядел замок в Геранёнах в старину

В целом квадратное в плане сооружение размером 27 × 27 метров, стоявшее на более чем метровом фундаменте из огромных валунов, имело два пояса обороны. Первая линия укреплений проходила по внешнему периметру и включала в себя ров глубиной 4 метра и шириной до 15 метров, а также огромный насыпной вал высотой более 10 метров и шириной тоже до 15 метров, имевший общую протяжённость 700 метров. Кроме того, вокруг замкового холма был выкопан ещё один глубокий ров шириной не менее 20 метров, весной и осенью заполнявшийся водой.

Кстати, над замковым рвом до сих пор возвышается старинное культовое сооружение. Первоначально это была часовня (каплица) в стиле раннего барокко, впоследствии перестроенная в костёл, названный в честь Святого Николая. Существует предположение, что

своды костёла скрывают некие секреты Гаштольдов, однако вход в усыпальницу основательно закрыт.

Сам же Геранёнский замок долгое время славился во всем Великом Княжестве Литовском. Гаштольды владели им до 1542 года, потом он перешел к королю Жигимонту I, а от него — к Жигимонту II Августу. Во второй половине XVI века в Геранёнах состоялись несколько съездов шляхты Польши и Литвы с целью достижения договоренности относительно кандидатуры на «должность» короля польского и великого князя литовского.

А осенью 1543 года 24-летний великий князь Жигимонт II Август, покинув свою резиденцию в Вильне, отправился осматривать соседние владения своих вассалов. Кроме довольно скучного разбора жалоб и взаимных претензий местных магнатов и шляхты, молодой государь собирался развлечься на организованных в его честь многочисленных охотах и балах. Одним из официальных дел, которое был обязан решить Жигимонт Август во время своей поездки, был вопрос об огромном наследстве угасшего магнатского рода Гаштольдов. Последний представитель этого рода по мужской линии трокский воевода Станислав Гаштольд умер в декабре 1542 года в возрасте 35 лет, не оставив наследника. По тогдашним законам, имущество рода в этом случае переходило великому князю, который и должен был решить его дальнейшую судьбу. В Геранёнах на тот момент жила вдова Гаштольда, 21-летняя Барбара из славного рода Радзивиллов (её отцом был киевский воевода, виленский каштелян, великий гетман литовский Юрий Радзивилл). Художники оставили множество портретов высокой золотоволосой красавицы с бездонными глазами, нежной кожей и грациозной фигурой. Барбаре Радзивилл также были присущи чувство юмора, острый ум и прекрасное образование.

Надо сказать, что великий князь был знаком с четой Гаштольдов, но на пышных балах в Вильне он поначалу не обратил на Барбару особого внимания. И только прибыв в Геранёны, Жигимонт Август был сражён наповал роковой красавицей, которую некоторые из современников именовали второй Еленой Троянской. Если верить тогдашним завистникам Барбары, она отнюдь не отличалась пуританским нравом и за 10 месяцев своего вдовства успела сменить 38 любовников, среди которых были не только окрестные шляхтичи, но и крестьяне, конюхи и даже монах местного монастыря.

Совместные поездки на охоту и прочие увеселения настолько сблизили Жигимонта с прекрасной вдовой, что даже после отъезда государя из Геранён они виделись практически регулярно. Барбара

Радзивилл переехала к своей матери в Вильню. Геранёнская резиденция оказалась на время заброшенной, а отношения с Жигимонтом Августом получили бурное продолжение. Хотя князь был женат, но его страдавшая эпилепсией супруга Елизавета Австрийская не шла ни в какое сравнение с юной пылкой Барбарой. Поэтому сразу после смерти жены в 1545 году их отношения стали носить практически открытый характер, и через два года, несмотря на протесты панов и матери князя — Боны Сфорца, они поженились.

Барбара Радзивилл

В 1548 году умер отец Жигимонта, и великий князь добавил к своим титулам ещё и польскую корону. Но польская и белорусско-литовская аристократия не собиралась мириться с влиянием на молодого короля со стороны Радзивиллов и их сторонников. Оппозицию Барбаре возглавила сама королева-мать Бона. Как считают некоторые историки, именно с её «помощью» в 1551 году Барбара быстро угасла, отравленная сильным ядом. Вместе с тем ряд обстоятельств указывает на то, что причиной смерти могло стать и онкологическое заболевание.

Сходя с ума от горя и тоски по любимой, король обратился к алхимикам с просьбой вызвать ее душу. За такое деликатное поручение взялись реально существовавшие чернокнижники паны Твардовский и Мнишек*. Короля привели в полутемный зал, уставлен-

* Вряд ли можно согласиться с таким заявлением автора. Пан Твардовский — это польский доктор Фауст. Легенда о нем, украшенная множеством интригующих подробностей, всего лишь легенда. Она получила широкое распространение, известна в разных вариантах, в том числе на русском языке. Якобы пан Твардовский, сын небогатого шляхтича, жил в Кракове во второй половине XVI века. Его жилищем обычно называют старинный дом № 26 на Рыночной площади. Пан Твардовский окончил Ягеллонский университет и стал университетским профессором. Но потом продал душу дьяволу. Впрочем, он перехитрил и самого дьявола! Так вот, один из эпизодов легенды — вызов души усопшей Барбары Радзивилл. А что правда, так это то, что Жигимонт Август после смерти любимой женщины окружил себя знахарями, колдунами и прорицателями. — *Прим. ред.*

ный зеркалами, на одном из которых была во весь рост выгравирована Барбара в белой одежде. Ему даже хотели привязать руки к подлокотникам, чтобы он нечаянно не коснулся привидения, но тот отказался и дал слово, что будет вести себя спокойно. Однако когда призрак Барбары появился, Жигимонт всё же не сдержался и кинулся вперёд с криком «Басенька моя!». Раздался взрыв, по комнате пошёл резкий запах, а призрак растворился в темноте...

С тех пор душа Барбары обречена вечно скитаться между двух миров. Впрочем, для места обитания привидение избрало не Геранёнский, а Несвижский замок — родовое гнездо Радзивиллов. Появляется дух всегда только в черном одеянии в знак траура по своей загубленной жизни и любви. Считается, что таким образом дух предупреждает людей об опасностях — войнах или пожарах.

При новом короле Речи Посполитой Стефане Батории замок в Геранёнах перешёл в собственность магнатского рода Сапег. Именно при них внутри замчища, на месте старого деревянного жилого корпуса был выстроен двухэтажный каменный дворец с черепичной крышей. Согласно более поздним описаниям, он имел 12 широких оконных проёмов, выходивших в замковый двор. На

Фрагмент замковой стены в Геранёнах

первом этаже располагались хозяйственные помещения, на втором — большой парадный зал и несколько жилых комнат.

Кроме того, для ускорения экономического развития данной местности ей в середине XVIII века король Август III даровал Магдебургское право. Геранёнский герб — пронзённое мечом сердце на зелёном фоне — был выбран не случайно. Он напоминал о великих событиях прошлого (в том числе о «любви века», как называли современники и потомки захватывающий роман Жигимонта Августа и Барбары Радзивилл).

Однако даже после этих преобразований Геранёны не вполне соответствовали значительно возросшим потребностям белорусских аристократов, которые предпочитали жить уже не за мощными валами и стенами, а в просторных и уютных дворцово-парковых комплексах. При таком подходе замок стал рассматриваться как второстепенный транзитный пункт пребывания, и как следствие этого — часто менял хозяев, постепенно приходя в упадок. Но даже сегодня оставшиеся фрагменты каменных стен Геранёнского замка, костёл, оборонительный ров и старые деревья образуют интереснейший историко-архитектурный ансамбль. Он производят неизгладимое впечатление на каждого, кто приезжает сюда впервые.

Чуть севернее, всего в двух километрах от белорусско-литовской границы, находится деревня Гайтюнишки, известная по письменным источникам с XVI века. Местное поселение, располагавшее жилыми домами, конюшнями, постройками хозяйственного назначения и огородами принадлежало роду Римшей. Затем в Гайтюнишках обосновался голландский эмигрант Пётр (Петер) Нонхарт, который укрылся от религиозных гонений на белорусских землях, славившихся веротерпимостью. Ведь еще в 1563 году правовое равенство протестантов с католиками и православными утвердил тогдашний местный аналог парламента, и эта норма была закреплена в Третьем Статуте Великого Княжества Литовского в 1588 году.

Нонхарт был одарённым инженером-архитектором, курировавшим ключевые вопросы зодчества в Вильне. Мало того, что голландец являлся толковым организатором, он был еще и весьма педантичным человеком. Сохранился отчет об использовании средств на строительство, в котором до мелочей расписаны все статьи доходов и расходов. Четко прослеживается и позиция руководителя — за более опасные или трудоемкие работы он платил весьма щедро, при этом обмануть себя на мелочах не позволял. В общем, за талант и

оригинальный подход к реконструкции Виленского замка его даже называли «королевским будовничим».

А в Гайтюнишках Пётр Нонхарт при помощи форсификатора Ван Дадена спроектировал собственную резиденцию в виде замка, который не только выполнял функции жилого дома, но и надёжно охранял от вторжения незваных гостей.

Этот единственный сохранившийся в Беларуси дом-крепость, возведённый в 1613 году, издалека напоминает сказочный замок: белого цвета, окружённый величественными соснами и дубами, фланкированный четырьмя башнями с небольшими бойницами по углам, с флюгером на центральной башне, фамильным гербом над входом, сводчатым крыльцом... Под домом располагались подвалы, где для автономного водоснабжения был сделан колодец. На первом этаже размещался гарнизон в составе нескольких человек, а на втором и третьем этажах встроенной башни, имеющей отдельную лестницу, проживал сам владелец с семьей. По внешнему и внутреннему пространственному решению сооружение следовало традициям строительства усадебных домов в ВКЛ и Речи Посполитой XIV–XVI веков. Вместе с тем угловые эркеры, «суровость» экстерьера и отсутствие декора вполне соответствуют нидерландским правилам домостроения.

Несмотря на небольшие размеры (15 × 34 м), своей архитектурой дом Нонхарта ни в чём не уступает классическому замку и относится к постройкам оборонительного типа. Толщина стен в угловых башнях достигает 1,5 метра. Ранее дом окружали наполненный водой ров и вал, немного дальше находилась система искусственных прудов с плотинами. В настоящее время ров зарос мхом и старыми деревьями. Кое-где можно усмотреть отдельные элементы укреплений в виде остатков былого обводнения.

Вообще, в Средние века и даже в начальный период Нового времени ров и широкие водоемы считались неотъемлемой частью укреплений. Они не позволяли подвезти на близкое расстояние к крепости осадные пушки противника и затрудняли проход войск непосредственно к стенам крепости. Возможно, благодаря столь грамотно продуманной обороне, Гайтюнишский дом-крепость в начале XVIII века, во время Северной войны, успешно выдержал осаду саксонцев, союзников Петра I, пытавшихся выбить оттуда оборонявшихся шведов Карла XII.

Со временем дом-крепость потерял оборонительное назначение и использовался только под хозяйственные нужды, а вот внешний вид изменился мало. Он по сей день представляет собой симмет-

ричное прямоугольное двухэтажное строение. Углы здания оформлены в виде круглых башен, накрытых шатрами. При входе возвышается центральная трехъярусная башня-ризолит. Фасады лишены украшений, а декоративное обрамление имеет лишь центральный вход (рустовка дверного проема и две лепные консоли по обе стороны от входа).

Дом-крепость в Гайтюнишках на рисунке Наполеона Орды

Помимо основного здания — «каменицы мурованой с покоями верхними, нижними, столовой избой, пивницами», в имении Нонхарта находились еще и другие здания. Справа от постройки стоял сохранившийся до сих пор «домик новозбудованный», состоявший из сеней, «избы белой», двух комор и пекарни. Слева от дома имелась кухня и броварня (помещение, в котором варили пиво). Вокруг «каменицы» рос фруктовый сад, рядом находились два небольших огорода. Все деревья в саду ограждали деревянные резные заборчики. На реке Жижма, что протекает неподалеку, стояла корчма, а на плотине одного из прудов — мельница. Поблизости располагались конюшни. Действовали кузница, маслосыродельня, было развито ткацкое производство.

В 1633 году Пётр Нонхарт умер. Исполняя его последнюю волю, дочь Сюзанна отдала приказ построить близ замка евангелическую часовню-кирху в стиле барокко. Усыпальница отличалась компакт-

ностью, развитой алтарной частью, толстыми стенами и мощными контрфорсами на фасаде, придававшими зданию аскетизм и монументальность оборонного сооружения. Сейчас она почти полностью разрушена, ее скрывают высокие заросли, а в весенне-осенний период окружает вода.

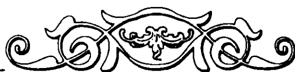
После Нонхартов «крепость в миниатюре» перешла к магнатам Хрептовичам, а затем к писарю и художнику Яну Шрёттеру, который разрисовал стены покоев картинами, изображавшими сцены охоты. К сожалению, они не сохранились, ведь за несколько столетий произошло многое, да и замок периодически менял хозяев. Одно время в Гайтюнишках даже жила семья возлюбленной Адама Мицкевича Марии Верещаки, в гости к которой заезжал поэт по пути из Вильни.

После Ворой мировой войны в помещении функционировала школа механизаторов, а в 1956 году тут расположилась и действует до сих пор... республиканская психиатрическая лечебница. Конечно, для такого уникального сооружения можно было бы найти более адекватное применение. Тем не менее факт обустройства медицинского учреждения в былом поместье Нонхартов застраховал его от потенциального разрушения и запустения.

А в 2000 году в замке провели капитальный ремонт: покрасили фасады, заменили окна, переделали крышу. Кстати, специалисты тогда зафиксировали, что степень повреждения конструкций составляет всего 30 %. И это за четыреста лет! Вот что значит — строили на совесть!

Чтобы попасть внутрь, вовсе не обязательно иметь проблемы с психикой, достаточно оформить заявку на экскурсию у главврача, которая охотно поделится с туристами легендой о призраке в башне.

В будущем замок в Гайтюнишках мог бы стать доходным отелем. Тем более что практика дома гостиничного типа здешним стенам уже знакома — в период, когда имение находилось в распоряжении лютеранской церкви, служители культа успешно сдавали его в аренду разным семьям из числа белорусской знати.

Глава 7

БЕЛОРУССКИЙ ВЕРСАЛЬ И РЫЦАРСКАЯ ГРЁЗА ПОД ОХРАНОЙ ЛЬВА:

шедевры Брестчины

Изысканная роскошь замковых комплексов в белорусских местечках Ружанах и Коссово некогда вызывала вздохи зависти у представителей самых зажиточных семейств Европы. А размах деятельности и полёт фантазии их прежних владельцев не перестаёт удивлять уже наших современников

Поселок Ружаны, расположенный в окружении живописных холмов, впервые упоминается в письменных источниках в 1552 году, хотя само поселение возникло здесь намного раньше. Местечко славилось производством сукна, ковров, керамики, кирпича и черепицы, а также ярмарочными традициями. В 1598 году, перейдя из собственности рода Тышкевичей во владение влиятельного магната Льва Сапеги, Ружаны достигли зенита славы.

Жизнь князя Льва Сапеги (1557–1633) даже по нынешним меркам прошла чрезвычайно насыщенно и плодотворно. Будучи наследником могущественного рода и высокообразованным человеком, он добился важнейших постов в Великом Княжестве Литовском (в частности, заняв должность великого канцлера в 32 года!) и принёс немало пользы своей родине. Девизом Льва Сапеги была фраза: «Не только я, но и жизнь моя принадлежит Отечеству». Принципы его политики прямо противоречили популярным тогда (и ныне) идеям Николо Макиавелли, который оправдывал любые средства для достижения и удержания власти. Взгляды великого канцлера о свободе личности и верховенстве права в государстве, нашедшие своё отражение в третьей редакции Статута ВКЛ, по сей день считаются нормативными положениями в юриспруденции.

В частности, Статут объявлял равенство всех граждан перед законом. Узаконивались права обвиняемых на защиту с участием ад-

воката. Впервые в Европе вводилась презумпция невиновности, обосновывался принцип религиозной свободы. Статут защищал женщин и несовершеннолетних. Под государственную охрану была взята природа, ее недра, леса и водоемы.

Кроме того, согласно Статуту, Великое Княжество Литовское провозглашалось самостоятельным государством со своими войском, денежной системой, органами власти, приоритетным статусом старобелорусского языка. Полномочия великого князя ограничивались Панами Радой и Сеймом — фактически двумя палатами парламента. Данный законодательный кодекс, определявший государственное устройство в ВКЛ, активно использовался на территории современных Беларуси и Литвы на протяжении более 250 лет (вплоть до 1840 года).

В 1602 году в Ружанах была завершена масштабная стройка, итогом которой стало возведение двухэтажного крестообразного в плане замка с тремя башнями. В центральной части здания находились большой парадный зал и вестибюль с четырехмаршевой лестницей, а в боковых частях — жилые комнаты, кабинет, столовая и библиотека. В подвалах хранились солидный арсенал, запасы продовольствия и бочки с вином, а также государственные документы, казна княжества и обширный архив рода.

Великий канцлер Лев Сапега

Кстати, исследователи родовода Сапег подсчитали, что среди них более 20 человек стали воеводами Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой; более 15 — маршалками Главного Литовского Трибунала, заседавшего в Новогрудке. А сколько Сапег было среди епископов, канцлеров, гетманов и прочих значимых персон — вообще трудно подсчитать.

Ружанская резиденция канцлера неоднократно становилась местом встреч и королевских приемов, в ходе которых решались важнейшие государственные дела. К примеру, польский королевич Вла-

Ружаны на рисунке Наполеона Орды

дислав Сигизмундович гостил здесь трижды. Из огромного фамильного бокала, изготовленного гданьскими мастерами из горного хрусталя и украшенного золотом и драгоценными камнями, угощались медовухой и вином другие августейшие особы. А вот распространенное среди некоторых историков и обывателей мнение, что в Ружанах готовился к триумфальному походу на Москву Лжедмитрий I, не находит документального подтверждения.

Зато доподлинно известно, что Сапега был меценатом, покровителем искусства и науки. В его имении насчитывались десятки полотен известных живописцев того времени. Поддерживал великий канцлер и возведение многочисленных храмов, причем относящихся к разным конфессиям, а также жертвовал собственные средства на открытие школ и коллегиумов. Не случайно современники называли его «отцом Отечества», а эпоху Льва Сапеги — «золотым веком» в истории белорусского народа.

20 июня 1637 года Ружаны обрели Магдебургское право и городской герб, на серебряном поле которого в венке из роз изображен во весь рост образ Святого Казимира с крестом и лилией в руках. А в 1655 году представители католического духовенства из Вильни, спасаясь от войск царя Алексея Михайловича, поместили в Ружанском дворце мощи Святого Казимира — небесного покровителя Великого Княжества Литовского.

Однако во второй половине XVII века развитие Ружан приостановилось. Разрушению резиденции Сапег поспособствовали сна-

чала междоусобицы среди местной шляхты, а затем Северная война. Фамильное имение пришлось восстанавливать заново, что и было сделано с блеском.

В 1770-х годах дворец, получивший название «белорусского Версаля», был перестроен саксонским архитектором Яном Самуэлем Беккером. Тогда же изменилась стилистика комплекса — от позднего барокко к набиравшему популярность в то время классицизму. Комплекс был задуман как сочетание главного и двух вспомогательных корпусов, объединенных мощной аркадой монументальных въездных ворот между флигелями.

Фрагмент Ружанского дворца до реставрации

Основной корпус приобрел вид двухэтажного прямоугольного в плане здания под мансардной крышей. Главный фасад с тринадцатью окнами в центральной части выделялся поднятым на высоту второго этажа портиком из двух пар колонн и пилястров, завершённым высоким треугольным фронтоном со скульптурным барельефом. На тыльном фасаде портику соответствовала широкая десятиколонная терраса, куда выходили окна-двери бального зала.

Одновременно с центральным зданием были построены два симметрично сгруппированных корпуса, которые образовали масштабный дворцовый ансамбль с парком, садом и оранжереей. Боковые корпуса располагались перпендикулярно к дворцу и объеди-

нялись с ним полуциркульными, широко развернутыми аркадами. Западный корпус был разделен лестницей на две разные части. Одну часть занимал манеж, а другую театр, один из крупнейших и известнейших в то время в Восточной Европе. Восточный корпус был отведен под картинную галерею.

В 1784 году канцлер Великого Княжества Литовского Александр Михал Сапега (1730–1793) уже принимал во дворце прибывшего на Гродненский сейм короля Станислава Августа Понятовского с тем же шиком, что и его предки.

Однако судьба дворца, как и судьбы многих представителей магнатского рода, сильно изменилась после третьего раздела Речи Посполитой. Магдебургское право было аннулировано, Сапеги перешли в оппозицию к царскому правительству, а работы по усовершенствованию дворцового комплекса приостановились.

После поражения восстания 1830–1831 гг. владения Сапег были изъяты в российскую казну, а дворец сдан в аренду еврейскому фабриканту под ткацкую фабрику. Былое великолепие дворцовых залов сменилось прозой мануфактурного производства. Вместо картин и зеркал — бесконечные полотна свежевыкрашенного сукна, вместо шелеста бальных платьев — шуршание ткацких челноков, вместо игры скрипок и флейт — щёлканье конторских костяшек, подсчитывающих прибыли новых хозяев. Фактически это стало началом глобального упадка Ружан. Вскоре по вине фабричных прачек во дворце вспыхнул сильнейший пожар, в результате которого обрушилась часть стен. В дальнейшем предпринимались робкие попытки реконструировать комплекс, однако после Второй мировой войны дворец был почти полностью разрушен.

В данный момент в Ружанах ведутся восстановительные работы. За последние годы удалось привести в порядок въездные ворота и один служебный флигель, но основная часть шикарной резиденции Сапег по-прежнему требует реставрации, за которой должно последовать открытие музея, галереи искусств и зала бракосочетаний.

В паре десятков километров от Ружан, недалеко от городка Коссово, в урочище Меречёвщина находится настоящее чудо зодчества, именуемое «рыцарской грёзой». Этот единственный сохранившийся на территории Беларуси замок с абсолютно правильной геометрической формой и симметричной композицией — яркий пример соединения классических приемов в планировке с элементами неоготики в архитектурном оформлении. Построен он на родине

Меречёвщина на рисунке Наполеона Орды

отважного полководца, руководителя национально-освободительного восстания 1794 года, героя Беларуси, Польши и США, почетного гражданина Франции, Тадеуша Костюшко.

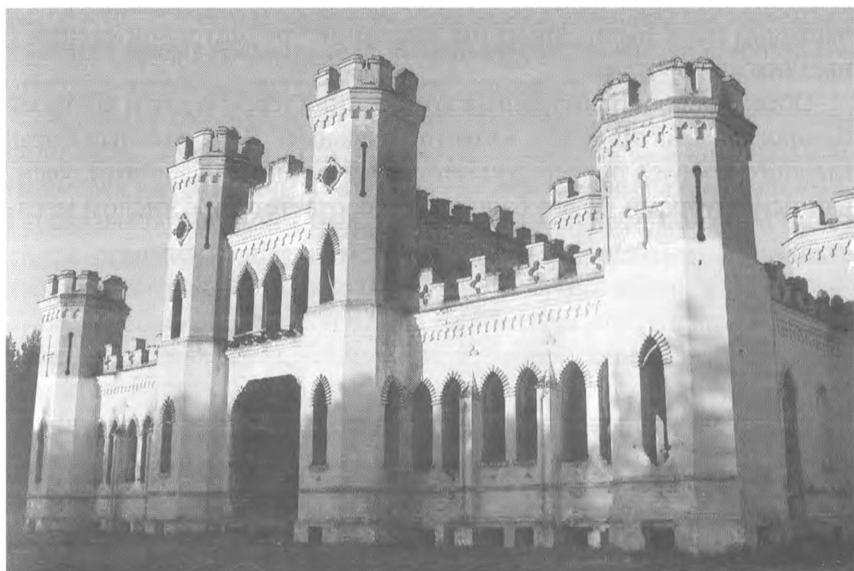

Тадеуш Костюшко

Именно отсюда, из фольварка Меречёвщина, начинался славный путь человека, имя которого на протяжении двух столетий продолжает оставаться окруженным ореолом героизма и свободы. Тадеуш Костюшко (1746–1817) успел проявить себя как талантливый инженер и прекрасный воин сразу на двух континентах, за что получил из рук Джорджа Вашингтона орден, украшенный надписью «Всё отдал для спасения Отечества». Позже генерал пожертвовал этим знаком отличия ради сохранения униатской церкви в Люблинском воеводстве, которую посещал он сам и члены его семьи.

В целом же владельцами здешнего имения, начиная с конца XV века, были богатейшие и знаменитейшие роды магнатов: Хрептовичи, Сангушки, Сапеги, Флеминги и Чарторыйские.

Наконец, во второй половине XVIII века местечко досталось графу Пусловскому, один из сыновей которого, Вандолин (1814–1884), стал основателем здешнего замка, возведенного в период 1838–1843 гг. Поскольку Пусловские преклонялись перед памятью Костюшко, прямо по соседству с домом вождя восстания они решили обустроить свое собственное поместье. Вообще-то, правильнее было бы именовать данное сооружение не замком, а дворцом, поскольку и снаружи, и внутри оно строилось поистине с королевским размахом.

Коссовский дворец до реконструкции

Автор проекта, польский архитектор Франтишек Ящолд, вдохновлялся примерами средневековой архитектуры. Семья Пусловских, естественно, тоже внесла существенную лепту в формирование образа фамильного гнезда. Выбор места для строительства Коссовского дворца был весьма удачен: на небольшой живописной возвышенности, окруженной хвойным массивом и водоемами. Почти одновременно, благодаря стараниям Елены Потворовской и Войцеха Квятковского, здесь же был устроен чудесный «регулярно-романтический» парк со скульптурами и фонтанами, который со-

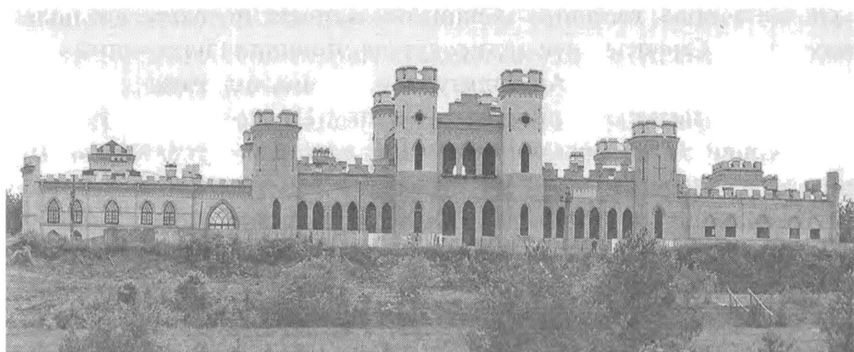
хранился лишь частично. В парке произрастало около 150 видов различных деревьев. Вьющиеся растения украшали каменные стены дворца, рядом на холмистых склонах благоухали розы и тюльпаны, цвели кусты сирени и боярышника, функционировала и оранжерея, где выращивались экзотические фрукты: виноград, инжир, финики.

Внушительный фасад дворца длиною 120 метров состоит из двухэтажного центрального корпуса с соединёнными партерными галереями и несколько выдвинутыми вперёд двухэтажными боковыми павильонами. Необычайно богатый декор внутренних помещений создают многочисленные окна остроконечно-луковичной формы с декоративными наоконниками, контрфорсы, пилястры, розетки, аркадные фризы, ступенчатые фронтоны. Весь дворец и частично парк были обнесены каменной трехметровой стеной с въездными воротами.

Объемно-пространственная композиция территории и построек базировалась на принципе «золотого сечения». Фронтальный фасад главного корпуса подчёркнут четырёхсторонними башнями, увенчанными зубцами. Всего башен 12, в соответствии с числом меся-

Фрагмент дворца Пусловского в Коссово

Дворец Пусловских в Коссово

цев в году. В каждой из башен находилась комната, посвященная тому или иному времени года. К примеру, когда наступал июнь, соответствующую комнату украшали плодами и цветами.

Интерьер отличался цветовой стилистикой: в белом зале проходили балы, в черном играли в карты, в розовом — музицировали. Наиболее удивительным залом из 132 покоев дворца был бальный. Рассказывают, что там был стеклянный пол, под которым находился огромный аквариум с диковинными рыбами. В подвале дворца стояли несколько больших резервуаров с водой, которые постоянно подогревали слуги. Вода по трубам поступала в верхние этажи и отапливала их. Таким образом, здесь, наверное, впервые на территории Беларуси было применено центральное отопление.

На втором этаже Коссовского дворца располагался зверинец, где самым ценным экспонатом был лев. По преданию, каждую ночь прирученного царя зверей выпускали на прогулку по коридорам, чтобы он охранял сон хозяев.

Согласно другой легенде, графиня Пусловская очень любила кататься на санях. Желая угодить любимой жене, граф устраивал катания даже летом: террасы парка покрывали белыми полотнищами и обильно посыпали солью, которая по тем временам была отнюдь не дешёвой. Как говорится, у богатых свои причуды, и такие капризы знати, пожалуй, можно сопоставить с тем, как современные швейцарцы украшают главную новогоднюю ёлку страны дорогущими кристаллами от знаменитой фирмы «Сваровски».

В гостях у Пусловских бывали видные люди своего времени: художник и композитор Наполеон Орда, писатели Генрик Сенкевич и Элиза Ожешко, политик Юзеф Пилсудский, историк и этнограф Вацлав Ластовский.

К несчастью, дворцово-парковый комплекс подстерегала целая череда бед. Сначала внук его создателя, Леонард Пусловский проиграл имение в карты. Архитектурная жемчужина была продана за долги по дешевке петербургскому купцу. После восстания 1863–1864 гг. дворец конфисковали царские власти и передали в собственность князей Трубецких, которые вывезли оттуда значительную часть ценных экспонатов в свои российские резиденции. В Первую мировую войну из дворца пропала коллекция редких рукописей, исчезли скульптуры, картины, драгоценности. Погибли оранжерея и сад, от которого до наших дней сохранились только кусты сирени и боярышника.

И наконец, во время Второй мировой войны «рыцарская грёза» серьёзно пострадала от рук советских партизан. 3 августа 1942 года в Коссово ворвались партизанские отряды П. Пронягина и И. Зайкова. Судя по фамилиям командиров и времени, когда все это случилось, командирами были чекисты из России, не просто равнодушные, а враждебно настроенные в отношении «наследия проклятого прошлого». В это время во дворце находился немецкий госпиталь. Командиры приказали поджечь его. Здание горело 10 дней, тушить пожар было некому. Внутри выгорело все, только массивные кирпичные стены выдержали пытку огнем. Старожилы вспоминали, что столб дыма над дворцом висел почти месяц. Тогда же было уничтожен дом, в котором родился Тадеуш Костюшко, нахо-

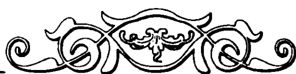

Дом-усадьба Тадеуша Костюшко

дившийся всего в 200 метрах от былой резиденции Пусловских. Деревянный дом с соломенной крышей ничем не «провинился», но партизаны сожгли и его.

В период существования суверенной Беларуси дворец неоднократно пытались выкупить, поочерёдно, белорусские, польские и российские бизнесмены. Однако все они не сошлись во мнениях с органами власти относительно цены и условий дальнейшего функционирования комплекса. Поэтому в настоящий момент архитектурное наследие Пусловских формально принадлежит местному исполкому, а реставрационные работы ведутся за счет государства и локальных инвесторов.

Целиком восстановлен на прежнем фундаменте и успешно действует дом-музей Костюшко, расположенный в удивительном месте — здешний ландшафт просто великолепен! Кроме того, здесь можно недорого перекусить в кафе, а также отдохнуть в беседках около водоёма. Сам же дворец не так давно был признан специальной комиссией ЮНЕСКО перспективным объектом международного туризма, поэтому надо полагать, что ему уготовано хорошее будущее.

Глава 8

БЕЛОРУССКАЯ «БАСТИЛИЯ» И ЗАМОК-БИБЛИОТЕКА:

необычные строения Минщины

Замковые сооружения зачастую несли не только оборонительную миссию, но и выступали в довольно необычном амплуа. К примеру, каждый наслышан о зловещем пристанище графа Дракулы в Румынии или же о сказочном замке Нойшванштайн в Германии, ставшем логотипом кинокомпании Уолта Диснея. Но если о пресловутом графе Монте-Кристо, являвшемся узником французского замка Иф, знают все, то о знаменитых обитателях минского острога известно далеко не всякому. А уж о миниатюрном замке в белорусской деревне Станьково, выполнявшем функцию одной из богатейших библиотек в Европе, и подавно.

Когда-то, на заре времён, современная белорусская столица была небольшим поселением на берегу реки Менки. В XI веке, после нападения неприятеля и последовавшего за ним сильного пожара, уцелевшие от гибели местные жители решили перебраться на северо-восток, основав новое городище на месте слияния рек Немига и Свислочь. Тут и расположилось древнее замчище, высота стен которого к XVII веку достигла 15, а ширина 30 метров. Ныне о земляных валах с башнями, полукольцом окружавших разросшийся Минск, напоминает разве что название улицы Городской Вал. От оборонительного сооружения из дерева не осталось и следа, замковый холм срыли уже в советскую эпоху, а речку Немигу заковали в железные трубы и теперь она протекает глубоко под землей.

Новый, уже каменный, замковый комплекс в псевдоготическом стиле возник в 1825 году. И расположилось данное строение на Романовском холме, который сейчас находится в самом центре белорусской столицы, хотя на момент постройки тут была окраина Минска.

За четыре года до этого минский губернатор Викентий Гецевич обратился к министру внутренних дел тогдашней России с предложением о постройке нового каменного острога взамен старого деревянного, пришедшего в аварийное состояние. Проект замка выполнил губернский архитектор Казимир Хрщонович. А право на строительство получил помещик Рудольф Пищало, которому с этой целью выделили 226.850 рублей 50 копеек ассигнациями.

Итогом всех этих манипуляций стало возведение оригинального сооружения с круглыми зубчатыми башнями по углам. Главный вход был расположен в центре восточной стороны здания и обращён на бывшую улицу Тюремную, которая после Октябрьской революции получила имя наркома по делам печати, пропаганды и агитации Моисея Гольдштейна, более известного под псевдонимом Володарский. Соответственно, выросшая в данном районе «белорусская Бастилия» получила широко используемое по сей день название — «Володарка».

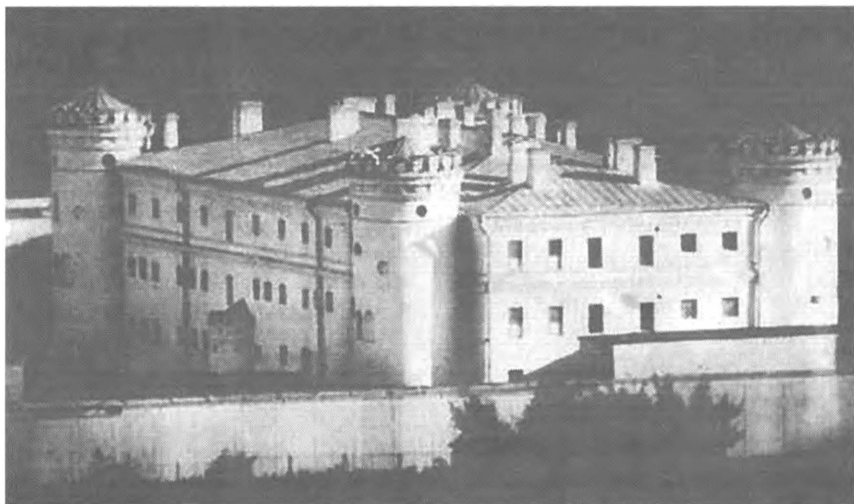

Минский острог в конце XIX века

Вот как новую тюрьму описывала в 1869 году газета «Минские губернские ведомости»:

«Замок трехэтажный с четырьмя башнями по краям, занятыми лестницами; стоит он посреди чистого двора, где прогуливаются арестанты, окруженного каменной стеною, оканчиваю-

щейся к стороне Тюремной улицы железными воротами, над которыми устроен каменный двухэтажный смотрительский дом, вверху коего помещается смотритель; внизу — разделенные проходом два отделения; в левом — контора замка и отдельная комната с двойной решеткой для свидания посторонних лиц с арестантами, а с правой стороны — отделение для военного караула с комнатой для дежурного офицера. Перед замком с левой стороны был колодец в 14 сажен глубиною, а ныне по обеим сторонам посажены деревья в виде сквера».

Так выглядел минский замок в начале прошлого столетия

В дореволюционное время среди заключённых Пищаловского замка чаще всего были люди, осуждённые за уголовные преступления. Но, вместе с тем, сюда иногда попадали и весьма незаурядные «постояльцы». В частности, после подавления восстания под руководством Калиновского замок был переполнен арестованными повстанцами, часть которых здесь же и казнили.

Побывали здесь известный драматург Винцент Дунин-Марцинкевич (1808–1884) и его дочь Камилла, осужденные за распространение революционных листовок и активную поддержку восстания. Пробыл Дунин-Марцинкевич в заточении более года и, по свидетельствам, именно тут задумал свою прекрасную пьесу «Пинская шляхта», которую он сочинил в 1866 году. Ещё одним знаменитым «гостем» Пищаловского замка был в 1908–1911 гг. писатель Якуб Колас, осуждённый по причине агитации за преподавание на бело-

русском языке в школах и училищах. Пребывание за решеткой не прошло зря — Колас написал там ряд стихов и начал работу над своей лучшей поэмой «Новая земля». Дважды попадал в нашу Бастилию литератор и политический деятель Карусь Каганец (1868–1918), одним из первых озвучивший идею создания независимой Беларуси. В 1907 году замковые стены отобрали свободу у 20-летнего поэта Алеся Гаруна (1887–1920), а в 1932-м за нелегальный переход советско-польской границы здесь «отбывал срок» еще один выдающийся белорусский поэт — Максим Танк (1912–1995).

Белорусская Бастилия — Володарка

В минском остроге находился под следствием будущий основатель независимой Польши Юзеф Пилсудский (1867–1935). Именно отсюда его отправили в сибирскую ссылку. Камеры Пищаловского замка были временным пристанищем и для другого известного поляка — Феликса Дзержинского (1877–1926), печально знаменитого тем, что именно он создал орган большевистского террора — ЧК. В Минске «железный Феликс» не арестовывался, но несколько раз проходил с этапом через эту тюрьму, направляясь в ссылку, а затем на каторгу.

Какой же замок без привидения! Вот и здесь имеется свой призрак, который по ночам, гремя цепями, выходит из коридора в цоколе, поднимается на третий этаж изолятора и зачем-то устремляется в одну из башен. Вероятно, это тень Ивана Пулихова, совершившего покушение на губернатора П. Курлова — виновника

расстрела митинга на минской привокзальной площади. В 1906 году 26-летнего боевика-эсера повесили на тюремных воротах, и его тело с целью устрашения не снимали несколько дней. Четверть века спустя социалистка Александра Измайлович, состоявшая в одной террористической группе с Пулиховым и пробывшая 11 лет на царской каторге, сидя уже в советских казематах, написала в своем дневнике:

«Была самодержавная монархия, стала Советская Социалистическая Республика. А тюрьма та же, разве только грязнее. Да места стало мало. Но по существу решительно никакой разницы»*.

Во времена сталинских репрессий через Володарку прошли тысячи белорусских интеллигентов, хозяйственных и общественных деятелей. Можно даже сказать, что значительная часть цвета белорусской нации побывала в здешних застенках.

Функции тюрьмы сохраняются за Пищаловским замком и в наши дни. Сегодня бывшая Минская губернская тюрьма именуется следственным изолятором временного содержания № 1. Вот только условия содержания арестантов до революции существенно отличались от нынешних. Раньше узники сами для себя готовили пищу и пекли хлеб, им также было разрешено выращивать овощи. Деньги на продукты они частично получали из средств казначейства, а частично — зарабатывали сами, плетя веревки и маты, работая на починке городских мостов и уходе за кладбищами.

Среди знаменитых узников Володарки был классик белорусской литературы Якуб Колас

---

* Александра Адольфовна Измайлович (1878–1941) состояла в партии социалистов-революционеров с 1905 г. За неудачное покушение на минского губернатора П.К. Курлова и полицмейстера Д.Д. Норова была приговорена к пожизненным каторжным работам. Освободившись после февральской революции 1917, была избрана в ЦК партии левых эсеров. Но уже в июле 1918 ее арестовали большевики, 5 лет находилась в тюрьме, с 1923 в ссылке. В 1930 снова арестована в Ташкенте и на 3 года выслана в Уфу. В 1937 осуждена на 10 лет лагерей. Ее жизнь оборвалась 11 сентября 1941 г., когда в числе 170 зэков ее расстреляли в Медведском лесу возле г. Орла. Реабилитирована в 1957 и 1989 гг. — *Прим. ред.*

В последние годы Володарка неоднократно привлекала общественное внимание. И не только из-за внезапного обрушения одной из башен, которое случилось пять лет назад. С целью профилактики коррупции на экскурсию по мрачным коридорам не так давно отправили группу белорусских чиновников. А главное — большинство жителей города и представителей власти поняло, что тюрьма в самом центре столицы смотрится не эстетично, а также вызывает в сознании неприятные параллели. Поэтому прорабатываются различные варианты привлечения инвестиций с целью модернизации данного объекта.

Возможно, здесь будет создан музей или отель, ведь подобные примеры — не редкость. В частности, знаменитый американский «Алькатрас» на одноименном острове в заливе Сан-Франциско (штат Калифорния) в качестве музея ежегодно принимает более миллиона посетителей. Схожие проекты существуют в Швеции, Латвии, Шри-Ланке. Не оказалась в стороне и Россия: ровесник Володарки, ныне музей, Нижегородский острог предлагает туристам необычные формы проведения досуга (например, суточное пребывание в тюремной камере и соответствующее питание). Так что рано или поздно минский замок должен обрести новую, гораздо более позитивную модель функционирования.

Примерно в 20 километрах от Минска находится известная с XV века деревня Станьково. По правде говоря, деревенский статус здесь не вполне уместен, скорее, это местечко, то есть нечто среднее между посёлком и небольшим городом. Самое главное в истории здешних мест связано с графской семьей Гуттен-Чапских, фамильным поместьем которых Станьково стало в 1772 году. Девизом благородного семейства были слова: «Жизнь — Отчизне, честь — никому».

Граф Эмерик Чапский

Граф Эмерик Чапский (1828–1896), осуществивший коренные преобразования в данной местности, был человеком весьма деятельным, эрудированным и боль-

шим эстетом. К моменту возвращения графа в 1879 году на родину в Станьково тут уже имелся одноэтажный П-образный усадебный дом начала XIX века, несколько хозяйственных построек и парк пейзажного типа*.

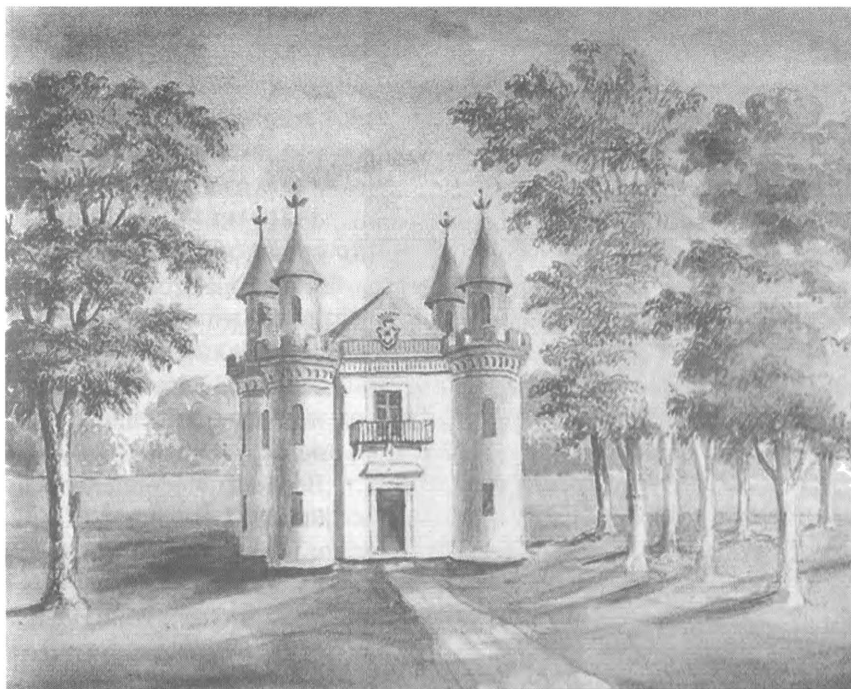
По приказу Чапского главный корпус усадьбы превратили в небольшой готический замок. С этой целью к торцевому фасаду пристроили двухэтажную восьмигранную башню. На её втором этаже были четыре кованых балкона для панорамного обзора живописных окрестностей. К сожалению, эта усадьба, где в 1930-е годы снимался фильм «Дубровский», не сохранилась: и этот графский дворец сожгли советские партизаны. Однако практически все хозяйственные постройки стоят до сих пор.

Уцелело и оригинальное здание под названием «Скарбчик», возведенное здесь в 1880 году в виде миниатюрного замка. Квадратное в плане, общей площадью 130 квадратных метров, строение имеет два этажа, а также четыре цилиндрические угловые башни с аркатурными поясками, крепостными зубцами и шатёрообразными надстройками наверху. Мини-замок демонстрирует весьма разнообразный декор. Даже оконные проёмы у него трёх видов — прямоугольные на первом этаже, стрельчатые на втором, похожие на узкие бойницы — в башнях. Над входом размещён кованый ажурный балкончик. Прежний вид «Скарбчика» запечатлел на своём рисунке современник графа, выдающийся белорусский художник Наполеон Орда (1807–1883), прославивший себя гравюрами и акварелями памятников старины на землях Беларуси, Летувы, Польши и Украины.

В «Скарбчике», связанном подземным ходом с усадьбой, располагалась великолепная библиотека и многочисленные коллекции графа. В библиотеке было около 20 тысяч книг, в том числе рукописи известных белорусских писателей, поэтов, композиторов, первые печатные книги Европы и Беларуси, многое другое.

Музей имел несколько тематических коллекций. К примеру, тут находились интересные археологические находки из золота, бронзы, железа и камня из курганных могильников, расположенных вокруг Станьково. Очень богатой была нумизматическая коллекция, насчитывающая 11 тысяч монет и памятных медалей X–XVIII ве-

* Граф Эмерик Карлович Гутен-Чапский в 1851 г. окончил Московский университет, после чего служил в Министерстве внутренних дел Российской империи. С 1863 — новгородский губернатор, с 1865 — вице-губернатор Санкт-Петербурга, потом был директором Лесного департамента Министерства государственного имущества. С 1879 — в отставке. — *Прим. ред.*

Замок-библиотека в Станьково.
Рисунок Наполеона Орды

ков. Впечатляли предметы культового обихода (потиры, распятия, иконы), ювелирные украшения, собрания древнего оружия, рыцарских доспехов, музыкальных инструментов, часов, мебели, гобеленов, картин, гравюр, средневековых карт (772 штуки), различных предметов из фарфора, керамики и стекла, знаменитых «слуцких поясов», минералов. Вне всякого сомнения, на период конца XIX века музей в Станьково был одним из крупнейших частных собраний не только в Российской империи, но и во всей Европе!

Существует версия, что в Станьково даже существовала своя янтарная комната. На первом этаже дворца Чапского якобы находился янтарный зал высотой в 6 метров. Янтарь для него доставляли на санях из Санкт-Петербурга. Оконные и дверные переплёты, даже рамы для картин на стенах — всё было изготовлено из солнечной смолы. А рядом с янтарным залом располагался зелёный салон, в котором часть интерьера разрисовала в соответствующих тонах теща Чапского. А также — фарфоровый, где размещались изящные статуэтки, привезённые из Франции.

Замок-библиотека в Станьково на старом фотоснимке

При этом граф был не только хранителем всех этих несметных сокровищ. Анализируя свои коллекции, он подготовил и издал ряд монографий по нумизматике, среди которых выделяются пятитомный «Каталог коллекций польских медалей и монет», а также «Удельные, великокняжеские и царские деньги Древней Руси». В общем, человеком он был незаурядным.

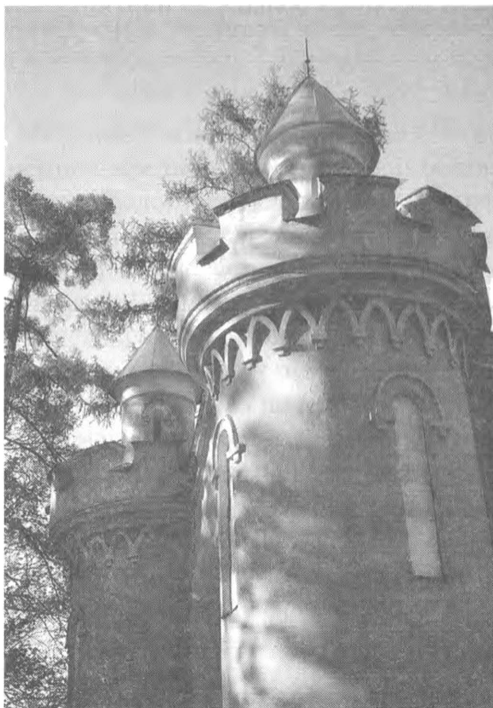
Особого внимания заслуживает пейзажный парк в Станьково, который ранее насчитывал около 500 видов деревьев как местных пород, так и привезённых из Западной Европы и Америки. Тут располагались также оранжереи, теплицы и тенистые аллеи для прогулок графа и его гостей.

Со старинным парком связана поэтичная легенда. Гостила некогда в этих краях юная графиня Мальвина. Она поразила своей красотой молодого садовника Станислава. Парень был из крестьянской семьи и к тому же заметно хромал, так что всё, что ему оставалось — тайно обожать свою госпожу. И тогда он решил рассказать о своих чувствах доступным ему языком ботаники. На лужайке перед дворцом садовник с разрешения графа соорудил изумительный «хоровод» из трёх вставших в круг деревьев, которые олицетворяли собой Веру, Надежду, Любовь. Это были поистине произведения садово-паркового искусства: ветви росли не вверх, а вниз, причудливо переплетаясь. Особенно необычным оказалось дерево Любви: оно как будто тянулось к небу вверх... корнями, покрытыми листьями. Диковинная картина была обусловлена тем, что деревья относились к особому виду голого вяза, который мимикрирует под корневую систему самого себя.

Точно неизвестно, что было дальше с садовником и графиней, но вот к уникальным деревьям судьба была немилостива: во время Второй мировой войны «Веру» немцы вывезли в Германию, «Надежда» сгорела во время пожара во флигеле, а «Любовь» погибла 20 лет назад от болезни, приведшей к усыханию дерева. Только грустный дух садовника до сих пор продолжает бродить по парку в поисках любимой графини.

Парковые насаждения отделяют усадебную территорию от деревенской застройки и подступают к небольшой речке Рапусе, в пойме которой был искусственно создан большой водоём с двумя насыпными островами. На возвышенности Западного острова возвышается беседка в виде шатрообразного купола с высоким шпилем, опирающегося на восемь круглых колонн. В центре Восточного острова ранее находилась скульптурная композиция Богоматери на постаменте.

С трёх сторон парк окружала каменная стена. С восточной стороны имелся парадный въезд, оформленный в виде неоготических «крепостных» ворот. На противоположной стороне реки размещается Николаевская церковь, построенная в 1858 году в псевдорусском стиле на пожертования Эмерика Чапского и сборы прихожан.

Башни графской библиотеки в Станькове

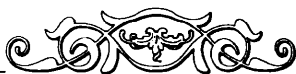
В Станькове Эмерик Чапский прожил около 16 лет. В 1895 году он обосновался в Кракове, куда перевёз основную часть своей богатейшей коллекции.

Родовое поместье и часть экспонатов перешли к сыну графа — Карлу Яну Чапскому (1860–1904), который был столь же деятельным, как и отец. В период с 1890 по 1901 год он являлся губернатором Минска и как никто дру-

гой «европеизировал» город. Вот лишь часть его многочисленных проектов: открытие в 1892 году трамвая на конной тяге (конки), через три года — строительство электростанции, еще через год — первая в Беларуси телефонная станция общего пользования. Кроме того, в бытность Карла Чапского губернатором появились: пивной завод, ломбард для малоимущих, городская больница, несколько амбулаторий, электрическое уличное освещение, ряд благотворительных организаций и даже «Общество охраны женщин»!

При Карле Чапском внешний вид фамильной усадьбы в Станьково не потерпел почти никаких изменений. Лишь в 1900 году он приказал построить дополнительный двухэтажный Г-образный дом в стиле неоготики для гостей и специалистов местного спиртзавода. Фасады здания были декорированы пилястрами и сандриками.

Сейчас графский «Скарбчик» представляет собой печальное зрелище. На стенах — следы «живописи» местных подростков, из-под облупившейся штукатурки проглядывает кирпич, причудливые башенки поросли мхом. Радует одно — здание предполагается отреставрировать. А как же иначе, ведь таких самобытных строений во всей Беларуси больше не найти!

Глава 9

ПО СЛЕДАМ МИНСКОЙ ШЛЯХТЫ

Столица Беларуси и её окрестности не изобилуют памятниками старины. Множество интереснейших построек было уничтожено во время Второй мировой войны, ещё некоторая часть пала в период урбанистических преобразований под знаменем соцреализма. Вместе со старинными сооружениями канула в Лету и сопутствующая им уникальная атмосфера. Впрочем, кое-где таковая всё же сохранилась, несмотря на досадные промахи современных реставраторов и градостроителей, а порой и ввиду того, что последние просто не успели приложить руки к реконструкции творений своих предшественников.

Одним из наиболее абсурдных мифов современности является распространённое среди обывателей ошибочное представление о том, что у белорусов не было своей элиты. На белорусских землях якобы господствовали литовские князья, польская шляхта и российское дворянство. Однако при внимательном взгляде на историко-культурное наследие страны становится очевидным то, что местная аристократия не только играла заметную роль в общественной жизни, но и по ряду позиций могла запросто дать фору своим зарубежным «братьям по классу».

Дворянские усадьбы, как и магнатские резиденции, сыграли большую роль в развитии белорусской культуры XVIII — первой половины XIX века. При слабом развитии тогдашних городов, усадьбы с их библиотеками в тысячи томов, огромными архивами, любительскими театрами, оркестрами, галереями семейных портретов, с коллекциями художественных произведений европейских и местных мастеров выполняли функции культурно-просветительских центров, снова возвращающиеся к ним в наши дни.

К примеру, в самом центре белорусской столицы, на площади Свободы, стоит интересное сооружение желтоватого цвета с балко-

ном посредине. Этот дворец барочного типа был возведён в 1775 году и является одним из немногочисленных зданий, уцелевших в Минске после Второй мировой.

Первым владельцем и основателем сего архитектурного творенья был ясновельможный граф Михаил Пшездецкий, подканцлер ВКЛ, который в 1799 году продал его зажиточному аптекарю Андрею Станкевичу за 40 тысяч польских злотых, имевших тогда хождение на территории Беларуси. Между прочим, в эквиваленте это равноценно 120 килограммам серебра, что в свою очередь исчисляется пятью тысячами серебряных талеров ВКЛ. Сегодня рыночная стоимость у нумизматов одного талера весом 23,38 грамма серебра составляет порядка 200 долларов США. В совокупности получается, что дворец можно оценить в один миллион долларов!

Третьим хозяином дворца стал меценат Юрий Кобылинский, после которого имением распоряжался городской голова Леопольд дель Паце. После революции 1905 года дворец использовали под административные службы, в частности, первый этаж занимало Минское дворянское депутатское собрание. В советское время там находился военкомат. И наконец, после реконструкции в 2012 году во дворце открылась художественная галерея народного художника БССР и СССР Михаила Савицкого.

Примечательно, что здание дворца ранее уже использовалось под музей. Юрий Кобылинский, который приобрел здание в 1826 году, был страстным коллекционером. Во дворце можно было увидеть картины различных художников, старинные книжные издания, древние рукописи, оригинал Статута Великого Княжества Литовского, аутентичную карту Христофора Колумба, коллекции минералов и монет, античные древности. Частный музей Кобылинского фактически стал первым городским музеем.

Само здание ни разу не перестраивалось: деревянные окна, двери, каменные и деревянные полы, печи сейчас находятся в тех же местах, где были несколько столетий тому назад. Одна из отличительных черт дворца — анфиладная система помещений. Это значит, что можно пройти сквозь все комнаты по кругу и в итоге вновь оказаться в гостиной. Когда велись реставрационные работы, на втором этаже обнаружили фрески XVIII века. Согласно инвентарной описи 1851 года, во дворце было 14 голландских печей из глазурованных изразцов и 6 голландских печей из белых изразцов. Во время войны все печи были разрушены, затем реконструировали лишь одну.

Сейчас в нескольких залах дворца воссоздан интерьер городской усадьбы XIX века, остальная часть используется под экспозицию картин Михаила Савицкого.

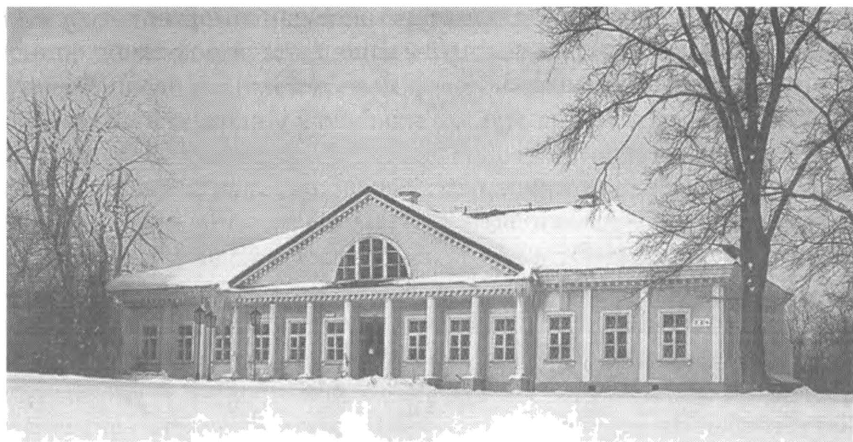

Былая усадьба Пшездецких — ныне музей Михаила Савицкого

Еще одна старинная усадьба белорусских аристократов расположена в пяти минутах ходьбы от площади Свободы, за Дворцом Республики. Это построенный в конце XVIII века в стиле классицизма дом-музей семьи Ваньковичей. Одноэтажное прямоугольное в плане строение накрыто высокой крышей с мансардой в центре. Кстати, под зданием находятся каменные подземелья XVII века, приспособленные под подвал. Здесь во время раскопок нашли черепицу конца XVIII века, которой был покрыт дом, осколки керамических, железных и стеклянных изделий того времени.

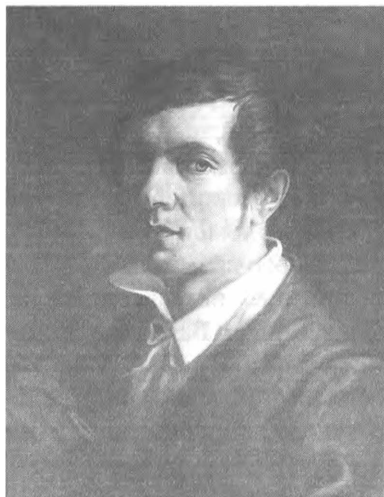
Благородный род Ваньковичей известен с XV века, а одним из наиболее ярких его представителей был живописец Валентий Ванькович (1799–1842), как раз и гостивший в данной усадьбе у двоюродного брата Эдварда. Кисти Ваньковича принадлежат портреты А. Пушкина, П. Вяземского, В. Жуковского, в числе его друзей были композитор С. Монюшко и драматург В. Дунин-Марцинкевич. Творческие успехи Ваньковича широко освещались в тогдашней российской прессе. А создание хрестоматийной картины «Адам Мицкевич на скале Аюдаг» принесло художнику мировую славу.

Дом-музей семьи Ваньковичей

Ванькович прожил 43 года и умер в Париже в расцвете творческих сил, оставив после себя громадную галерею превосходных романтических работ, из которых, к сожалению, только одна находится на его родине, в Беларуси.

В 2000 году, к 200-летию со дня рождения выдающегося живописца, дом-музей был открыт после реставрации. Была восстановлена первоначальная коридорно-анфиладная система здания и интерьеры некоторых помещений. Основываясь на изобразительном и литературном материале, удалось воссоздать обстановку кабинета и парадной гостиной, «чайной» комнаты.

Портрет художника Валентия Ваньковича

Ваньковичи и их ближайшее окружение коллекционировали произведения декоративно-прикладного искусства, живопись европейских и местных художников. Все предметы в гостиной — произведения искусства: наборного дерева комод и овальный столик, лампа XIX века, мраморные скульптуры итальянских и французских мастеров.

В трех залах жилой части господского дома разместилась портретная галерея. Представители

разных слоев шляхты — от магнатов до мелкопоместной, их жены и дети навсегда застыли на этих полотнах, которые существенно дополняют представление о костюме, прическах, быте зажиточных жителей белорусских земель конца XVIII — первой половины XIX вв.

Как и в былые времена, здание выполняет функцию художественного салона — периодически здесь проходят вечера романсов и камерной музыки. Рядом с усадьбой установлен памятник знаменитому жильцу этой аристократической обители.

Совсем иное назначение обрело в настоящее время другое поместье знатного семейства — двухэтажная усадьба Ваньковичей в столичном районе Слепянка. На реконструкцию данного усадебно-паркового комплекса XIX века, по слухам, было затрачено более 10 миллионов долларов, и сейчас он в основном служит местом проведения банкетов. Десяток ресторанных залов оформлены в абсолютно разных стилях, а цены в меню этого комплекса премиум-класса слегка шокируют даже обеспеченных посетителей.

А ведь когда-то в родовом имении Ваньковичей было несколько залов, располагалась библиотека с архивом, столовая с каминами и кафельными печами. А главный бальный зал и вовсе поражал воображение: он был богато декорирован, его стены украшали картины, потолок — бронзовые люстры. Разумеется, не обошлось без канделябров, подсвечников, дубовых панелей в отделке стен и прочих атрибутов роскоши.

Каменный господский дом и один из флигелей когда-то именовались дворцом. Всего же флигелей было два, по обе стороны от дома. А окружал постройки парк площадью 14 гектаров, плавно переходящий в сосновый массив.

Дом располагался в живописном парке, перепланированном в 1896 году. На речке Слепянка был сооружен каскад небольших плотин и водопадов. Имелся и большой пруд. Однако потом все это хозяйство пришло в запустение. А при строительстве Слепянской водной системы садово-парковый комплекс уничтожили.

В годы советской власти усадьба меняла хозяев, как перчатки. Сперва на базе имения был создан совхоз, и в здании дома Ваньковичей расположилась картофелеводческая станция НИИ имени Ленина. В послевоенные годы здесь же работала офицерская школа НКВД. Чуть позже ее сменила администрация Минского парниково-тепличного комбината. Кстати, по ходу проведения во второй

половине 1950-х годов реконструкции здания были полностью утрачены элементы декоративных интерьеров, уничтожены кафельные печи и камины, изменена планировка. В 1960–1970-х годах бывшая усадьба использовалась как общежитие и клуб. А потом дом наконец-то был взят под охрану государства как памятник истории и культуры. Но фактически он долгое время стоял бесхозным.

Усадьба Ваньковичей в минском районе Слепянка

В 2009 году появился частный инвестор, взявший курс на превращение памятника архитектуры в досуговый комплекс с ресторанами премиум-класса, бальным залом, винным погребом и крытой летней верандой. Так что дух творческой элиты XIX века сменился нынче разудалой атмосферой закрытых вечеринок для VIP-персон.

В совершенно противоположном состоянии, а именно — безлюдности и заброшенности, — пребывает сегодня усадьба под названием Белая дача, расположенная в столичном микрорайоне Курасовщина. Это оригинальное и не слишком широко известное даже коренным минчанам сооружение в стиле неоклассицизма построено в конце XIX века и стоит на высоком холме в окружении пейзажного парка.

По замыслу создателей, дача имела оригинальную планировку. Через парадный вход можно было попасть в переднюю, из нее — в

столовую, к которой примыкали спальня, гостиная и кабинет, летняя веранда. Из гостиной был выход на открытую террасу. С северо-западной стороны находились основные хозяйственные помещения: кухня, комната для прислуги и кладовая. Между кухней и прихожей размещена лестница, ведущая в башню. В северо-западной части передней был выход на «зимний балкон», украшенный витражами. Позднее на вершине башни устроили наблюдательную площадку с кованым фигурным ограждением, кроме того, был частично изменен декор фасадов здания.

Существует несколько версий возникновения этой усадьбы. Согласно одной из них, усадьба была во владении у помещика Курасова, который построил деревню Курасовщину, в наше время присоединенную к Минску. Однако помещик Курасов не упоминается ни в одном из исторических источников, что породило и другие версии возникновения постройки. В частности, о том, что к ее созданию приложили руку либо начальник Либаво-Роменской железной дороги и меценат Н. Ададуров, либо исследователь в области естественных наук М. Рогов.

Доподлинно известно лишь то, что, согласно инвентаризации недвижимого имущества Минска 1910 года, участок земли площадью 9 десятин и 22 квадратные сажени, ограниченный с трех сторон рекой Лошанкой, Курасовской дорогой и дорогой, ведущей в деревню Брилевичи, на котором сейчас располагается Белая дача, принадлежал некоей Валентине Молодецкой. Кстати, еще ранее этими землями владел далёкий пращур писателя Фёдора Достоевского — Стефан Достоевский, служивший городским писарем.

В период Русско-Японской войны (1904—1905 гг.) здесь находился госпиталь, раненых в который доставляли специальными санитарными поездами по проходившей рядом узкоколейке. В начале 1920-х годов Белую дачу национализировали и передали сельскохозяйственной школе, в 1930-х гг. она стала экспериментальной базой Института почвоведения и агрохимии, а также излюбленным местом отдыха представителей руководства БССР. Во время Второй мировой войны там находился какой-то немецкий штаб, а в конце 40-х годов XX века — жил известный белорусский художник-пейзажист Витольд Бялыницкий-Бируля (1872—1957), чьи картины с видами местного парка висят нынче в Третьяковской галерее.

С 1990 года в здании находился Центр белорусского фольклора. Сегодня зданием распоряжается администрация Октябрьского района Минска. Представители оной провели здесь отнюдь не безукоризненные реставрационные работы, оставшиеся незавершён-

ными. Более того — для каких нужд в дальнейшем предполагается использовать старинную усадьбу, толком не сказано. Сейчас здание используется под склад, а могло бы служить культурным центром микрорайона, не избалованного подобными учреждениями.

Если двигаться из Курасовщины вдоль русла протекающей тут речки Лошицы на северо-восток, мы попадём в парк, который тоже называется Лошицким. А находящаяся в нём усадьба имеет поистине легендарную историю и к тому же окутана мистическим шлейфом.

Первое письменное упоминание об этой местности историки связывают с 1557 годом. По старинным летописям, изначально владельцами данного феодального имения были князья Заславские — потомки великого князя Гедимина. Позже здесь размещались: Лошицкий Двор князя Толочинского, Сухая Лошица князя Одинцова, Лошица Горностаевская и другие усадьбы. После них здешними землями владели князья Друцкие-Горские, потомки знаменитого полоцкого князя Всеслава, прозванного Чародеем, а в конце XVIII века Лошица перешла к Прушинским.

Королевский генерал-адъютант, кавалер многих польских орденов, Станислав Прушинский превратил старую усадьбу в огромную резиденцию. В это время здесь побывало много высоких гостей, в том числе последний король Речи Посполитой Станислав-Август Понятовский и российский император Павел I.

Но наибольшая слава пришла к имению в Лошице при Евстафии Любанском, представителе женской линии Прушинских, поселившемся здесь в 1884 году. Новый владелец имел обширный круг интересов и был прекрасно образован. Кроме широкой государственной и хозяйственной деятельности, он был известен и некоторыми чудачествами. В частности, являлся азартным пропагандистом велосипеда и главой Товарищества минских велосипедистов. Любанский построил в Лошице несколько доходных предприятий: две мельницы, крахмально-паточный цех, винокуренный бровар, кирпичный заводик (благодаря которому, кстати, обнес обширную территорию кирпичной стеной, остатки которой существуют до сих пор). Много энергии пан Евстафий тратил на обустройство парка, где посадил немало экзотических растений.

Большинство деревьев поражает своей мощью: двух-, трехствольные, в три обхвата и шире. Попадаются редкие экземпляры: молодой плодоносящий маньчжурский орех посреди пня-великана,

дерево, укоренившееся в поваленном стволе. Жизненная сила многих из них просто поражает. Например, на две трети разрушенный пень продолжает питать выросший на оставшейся от него коре ствол огромного дерева. Само место, из которого этот ствол растет, напоминает корни, сползающие по коре вниз. Когда распилили старую липу, поваленную ветром, и подсчитали число колец, оказалось, что дереву около 250 лет!

Усадьба в Лошицком парке хранит много тайн

Кроме всего прочего, есть еще в Лошицком парке так называемый обручальный дуб. Точнее, нижняя часть дуба — само дерево погибло во время урагана: в него ударила молния и ствол обрушился. По преданию, в далёком 1580 году в честь обручения своей дочери князь Друцкий посадил три дуба. Один — чтобы молодые всю жизнь любили друг друга, второй — чтобы у них было здоровое потомство, третий — чтобы им сопутствовала удача. Несмотря на то что до сего момента уцелела лишь небольшая часть одного из трёх дубов, люди по-прежнему продолжают приходить к этому импровизированному алтарю с просьбами о здоровье, любви и благополучии.

Вообще, с точки зрения экологии Лошица уникальна: ученые утверждают, что именно здесь проходила граница ледника, благодаря чему парк славится небывалым количеством почвенных типов, составляющих половину всех известных в Беларуси, а также биологических видов (деревьев, кустарников, трав, насекомых, животных и птиц). Окружающий ландшафт необычайно красив. Возвышенности, открывающие взору широкую перспективу — зеленые луга, извилистую речку, обрывы и низины с болотцами, поросшими камышом.

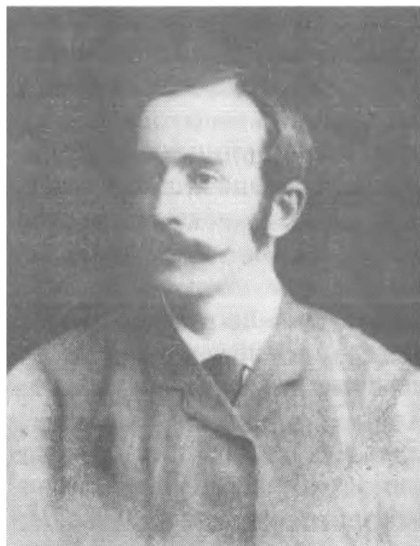
Композиционно парк представляет собой систему четырёх старых полян, доминантой которых является усадебный дом, грандиозное переустройство которого осуществил Евстафий Любанский. А подвигла его к этому любовь к супруге — дочери главы мозырской шляхты Ядвиге Киневич, которой впоследствии было суждено сыграть роковую роль в истории Лошицы.

4 Зак. 1069

Благодаря Любанскому одноэтажная постройка на берегу превратилась в изящную резиденцию в стиле модерн. К деревянному дому XVII века был пристроен новый каменный корпус. Дом стал не только удобным, но и красивым — деревянные резные детали придали ему особую эстетику.

Внутренняя отделка соответствовала тогдашним понятиям о роскоши: стены были облицованы дубовыми панелями, печи и камины выложены удивительными изразцами. Для вестибюля был избран английский стиль, для коридора и лестничного объема — помпейские росписи. Оформляя библиотеку и столовую, использовали элементы ренессанса, а гостиные выдержали в нарядном духе рококо. Не последнюю роль в убранстве покоев сыграли кафельные печи. Их в доме было несколько. Центральное место занимал камин, произведенный в Риге по немецким образцам. После перестройки Лошицкая усадьба упоминалась в европейских альбомах как одна из самых элегантных.

Но, несмотря на значительное благоустройство быта, семейная идиллия разрушилась в роковом для Российской империи 1905 году. Красавица Ядвига была моложе супруга на 17 лет, слыла женщиной импульсивной и любвеобильной. Ей даже приписывали романы с минскими градоначальниками Александром Мусиным-Пушкиным и Карлом Чапским. Хотя местные жители рассказывали, что Ядвига воспылала страстью вовсе не к ним, а к красивому молодому человеку (то ли гусару, то ли простому служащему), которого встретила на балу по случаю дня рождения. А вскоре разыгралась трагедия.

Граф Кароль Чапский — губернатор Минска

Что именно произошло в злополучную ночь, до конца не понятно. Известно лишь, что в темноте Ядвига Любанская спустилась по обрывистому берегу к реке (тропинка сохранилась) и, судя по всему, села в лодку. Наутро последнюю хозяйку лошицкой усадьбы нашли уже мертвой недалеко от перевернутой посудины.

По одной из версий, красавица утопилась в реке из-за того, что о ее любовном романе поползли слухи по всему городу, и она не вынесла огласки. По другой — Ядвига якобы ждала ребенка от своего возлюбленного. Еще одно объяснение произошедшему дал брат Ядвиги, который утверждал, что она страдала от головокружений и нервных расстройств, что могло привести не к самоубийству, а к несчастному случаю.

Как бы там ни было, Евстафий очень страдал от гибели жены, он зачем-то приказал заложить кирпичами окно в комнате Ядвиги и забальзамировать ее тело, а также посадил последний из парковых раритетов — маньчжурский абрикос — недалеко от места ее гибели. В 1912 году Любанский уехал на Кавказ и вскоре там умер. А рядом с абрикосом, в дни его цветения, совпадающие с полнолунием, нередко разгуливает призрак Белой Дамы, которую считают неупокоенной душой Ядвиги. И это далеко не единственное лошицкое привидение!

В туманные вечера появляется здесь и белая лошадь. Существует поверье, что именно в Лошице полоцкий князь Всеслав Чародей дал отпор киевским Ярославичам. Во время сечи в коня князя попала стрела, да и сам князь был ранен. Лошадь вынесла хозяина с поля битвы ценой собственной жизни. Теперь вот периодически бродит в неосязаемой форме вдоль речки.

Экстрасенсы утверждают, что в Лошице существует некая аномальная зона. Оно и немудрено — столько печальных событий происходило в здешних окрестностях. Например, в 30-е годы XX века советские вандалы взорвали находившийся в местной часовне фамильный склеп с останками хозяев, а свинцовый гроб Ядвиги Любанской отправили на переплавку для аккумуляторов машинно-тракторной станции. Останки умершей, равно как и других представителей династии Прушинских, при этом были сперва захоронены неподалеку, но затем разграблены.

Во времена сталинских репрессий здесь, у огороженного колючей проволокой Черного яра, часто слышались выстрелы и стоны людей. Доподлинно известно, что чекисты расстреливали здесь минчан, а в бывшем доме мельника они устроили школу, готовившую диверсантов для заброски в Западную Беларусь. Во время войны в Лошице обосновались важные немецкие чины, а в 1990-е годы на тёмных аллеях парка орудовал маньяк, убивший несколько женщин...

В общем, мрачный шлейф драматичных лошицких историй весьма длинный, и его не удается полностью замаскировать даже

масштабной реконструкцией усадебно-паркового комплекса, превратившего Лошицу в место массовых гуляний и развлечений.

Не менее самобытным по своей атмосфере и культурно-историческому наследию являются ладшафтный парк с дворцом в деревне Прилуки.

Сейчас это практически пригород разросшегося Минска, а когда-то Прилуки были обособленным местечком, известным в письменных источниках с 1567 года. Именно тут, при так называемом «Екатерининском тракте», располагалась первая почтовая станция на пути из Минска в Новогрудок. А в середине XVII века одна из владелиц поселения, Анна Статкевич (урождённая Огинская), с благословения киевского митрополита Петра Могилы основала в здешних окрестностях православный монастырь, существовавший до 1740 года. Новые владельцы усадьбы — Ивановские — перестроили монастырь в замок. К этому же времени относится появление легенды о привидении, обитавшем там — истории, вдохновившей белорусско-польского поэта Антония Эдварда Одынца (1804–1885) на создание баллады о заколдованном замке.

В 1815 году от Ивановских по женской линии Прилуки перешли к Франтишку Ошторпу, минскому губернскому маршалку шляхты, а после того, как тот утонул в Свислочи в 1851 году, к его зятю Антону Горватту. Именно Горватт и перестроил «заколдованный замок» в романтический дворец неоготического стиля, заложил парк и большую оранжерею, возвел башню с часами и целый комплекс хозяйственных построек. Огромный парк условно делился на две части: старый итальянский и пейзажный. Особо следует отметить въездную браму. От нее к дворцу вела широкая аллея, длина которой составляла 365 шагов (примерно 255 метров). Сейчас от старой посадки сохранилось всего шесть лип. А когда-то деревья, посаженные в метре друг от друга, смыкались кронами и превращали аллею в живой коридор. Перед самым дворцом располагалась изящная клумба с фонтаном.

В разное время в стенах усадьбы проживали представители знатных родов, среди которых было немало незаурядных личностей. В частности, тут бывал Михаил Клеофас Огинский, автор знаменитого полонеза (Прилуки принадлежали его дяде).

Особый след в местной истории оставили магнаты Вишневецкие. Существует поверье, что один из владельцев здешнего по-

Усадьба Чапских в Прилуках на рисунке Наполеона Орды

местья — Томаш Вишневецкий — коллекционировал мумии своих врагов: забальзамированные трупы с целью устрашения реальных и потенциальных соперников он выставлял в стеклянных гробах на всеобщее обозрение. Скорее всего это выдумка крестьян, ненавидевших своенравного пана, но именно при нём близ усадьбы появилась неизвестная могила. А поблизости иногда видели призрак пропавшей пани Сесилии, якобы изменившей мужу. Не «сиделось», как утверждают сказания, на том свете и Фердинанду Вишневецкому. Частенько он покидал фамильный склеп, и если двери дворца по какой-то причине были не заперты, то проникал внутрь и бродил по коридорам, пугая обитателей скрипом половиц и стуком болтающейся сабли.

В 1868 году дворец частично сгорел. Его купил упомянутый выше граф Эмерик Гуттен-Чапский, которому также принадлежали ближайшие фольварки — Атолино, Аннополь, Волчковичи, Скориничи, Самуэлево, Станьково.

Граф восстановил дворец в прежнем стиле неоготики. Оригинальное двухэтажное здание с низким цокольным этажом, сводчатыми перекрытиями с двухъярусными шестигранными декоративными башнями можно увидеть и в наши дни. Внутреннее оформление дворца по меркам тех времён было сравнительно скромным, выделялся лишь красивый паркет, в парадных комнатах было много лепнины, салон украшал гарнитур в стиле Людовика XV, картины

и портреты, имелась богатейшая библиотека в несколько тысяч томов, в основном на французском, немецком и английском языках.

Во время Второй мировой войны здесь располагался загородный дом генерального комиссара округа Вайсрутения (Беларусь) Вильгельма Кубе. После её окончания дворцу в Прилуках в определённой степени повезло, поскольку он, в отличие от множества аналогичных памятников, избежал разрушения. В старинном имении разместился Научно-исследовательский институт охраны растений, который с тех пор поддерживает здание и окружающие его постройки в более-менее пристойном состоянии.

Живописные окрестности Прилук привлекают не только туристов, но и киношников. Ещё в 1926 году режиссер Юрий Тарич снимал здесь первый белорусский национальный фильм «Лесная быль». Примечательно, что в этой киноленте самих себя сыграли тогдашние руководители БССР: Язеп Адамович, Вильгельм Кнорин и Александр Червяков. Остается только пожелать, чтобы нынешнее руководство страны когда-нибудь перенаправило свой энтузиазм с возведения Ледовых дворцов и новых резиденций на восстановление памятников старины, обладающих большим туристическим потенциалом.

Глава 10

ПОД ДВОЙНОЙ ЗАЩИТОЙ: храмы-крепости в Сынковичах, Мурованке, Камаях

На белорусских землях издавна мирно уживались представители самых различных религиозных конфессий. Однако само существование людей в бренном мире далеко не всегда было мирным. Следуя мудрой пословице «На Бога надейся, а сам не плошай» наши предки возводили храмы-крепости, которые гарантировали не только небесную защиту, но и оборону от врагов. К числу таковых относятся прекрасно сохранившиеся культовые сооружения в деревнях Сынковичи, Мурованка и Камаи.

В 13 километрах от старинного города Слоним в Гродненской области находится деревня Сынковичи, которую не всегда можно найти на автомобильных картах. Но в последнее десятилетие это место облюбовали как туристы с экскурсоводами, так и паломники, надеющиеся на чудесное исцеление, даруемое чудотворной иконой Божьей Матери «Всецарица». Ведь именно здесь находится один из самых необычных храмов Беларуси — церковь Святого Михаила, успевшая послужить и православным, и униатам, и католикам.

Давным-давно для строительства храма сюда съехались именитые мастера по камню. Среди них, как гласит легенда, были два местных мастера: отец и сын. Работа спорилась, и спустя несколько лет храм был возведён. Но когда выкладывали высокий фронтон, случилось несчастье — молодой зодчий, сорвавшись с лесов, разбился насмерть. И тогда отец, в память о сыне, выложил в камне прямо на фронтоне символическое подобие гроба, которое поражает всех, кто приезжает сюда впервые. Местные жители уверяют, что именно из этой легенды берёт начало название деревни.

Точная дата возведения данного архитектурного чуда до сих пор вызывает споры у специалистов. Так, Анатоль Кулагин указывает

датой строительства церкви 1407 год, а Владимир Чантурия — конец XV–начало XVI вв. В книге «Православное зодчество Беларуси», изданной под патронажем Белорусской православной епархии, утверждается, что храм возведен в первой половине XVI века. Историки архитектуры А. Кушнеревич и Т. Габрусь тоже полагают, что сынковичский храм надо датировать началом или первой половиной XVI века. Существует и такая версия, что этот храм не что иное, как перестроенный в 1405–1407 гг. прусский замок начала XIV века.

Вообще, до XIII столетия на территории Беларуси часто возводились крестово-купольные культовые постройки. В XIV–XVI веках храмы обрели новые черты, связанные с воздействием на местных мастеров принципов и приемов западноевропейской готики и ренессанса. Михаил Ткачев в своей книге «Замки Белоруссии» (1987 г.) отметил, что в XV–XVII вв. по всей Европе происходила «инкастелляция храмов», т.е. перестройка их в своеобразные оборонительные сооружения: специально утолщались стены, появлялись башни с бойницами. Церковь Святого Михаила в Сынковичах как раз является таким памятником, в котором эти тенденции слились в единый гармоничный ансамбль.

Эта церковь-крепость, одна из первых в Великом Княжестве Литовском, является трёхнефной четырёхстолповой базиликой, напоминающей в плане перекошенный прямоугольник. Массивные, полутораметровой толщины стены, башни, помещение под сводами с бойницами действительно придают храму облик небольшого замка.

Все нефы имеют одинаковую, четырехметровую высоту и перекрыты крестовыми сводами с нервюрами. В одной из апсид использованы сложные готические своды в виде многогранной звезды. Все три апсиды находятся под одним конусообразным покрытием. Это стало возможным за счет введения системы ступенчатых арочек, расположенных между верхними частями апсидных полукружий, благодаря чему проще стала конструкция и целостнее весь объем храма. Впечатление целостности усиливает аркатурный пояс, который, подобно обручу, стягивает все апсиды, визуально объединяя их друг с другом и с башнями. Этот пояс перекликается с мощной аркатурой машикулей, опоясывающей северный, южный и западный фасады. Ритмическое созвучие обоих поясов рождает архитектурную мелодию сложного рисунка.

Мощным крещендо в этом каменном хорале звучит аккорд главного ренессансного фасада. Его оформление отличается виртуозной

изобретательностью: в несколько ярусов он расчленен нишами различных очертаний и размеров. Плоскости ниш белили известью, что вместе с выступающими частями краснокирпичной кладки стен создавало мажорную колористическую гамму.

Четыре угловые башни подчеркивают оборонительный характер сооружения. Восточные имеют округлую форму. Западные стоят на квадратных основаниях, поддерживаются с трех сторон контрфорсами и переходят вверху в восьмигранники с тремя ярусами бойниц. Винтовые лестницы в каждой из башен соединяют интерьер храма

Церковь в Сынковичах — уникальный образец сакрально-оборонного зодчества

с чердаком, где размещается главный оборонительный ярус постройки. Здесь стены прорезаны по периметру трех фасадов круглыми бойницами и машикулями. Через обычные бойницы вели мушкетный огонь на дальние дистанции, а навесные машикули предназначались для ближнего боя.

Среди других подобных сооружений храм в Сынковичах не имеет себе равных. У него свое, только ему присущее лицо и своя собственная история.

После установления в 1596 году Брестской церковной унии православный храм перешёл к униатам, а после упразднения униатства (в 1839 году) — вернулся к православным. В 1880–81 гг. была заменена кровля, построен притвор и купол над апсидой, разобран купол над центральной частью храма. В 1891 году перед храмом возвели бутово-кирпичную двухъярусную четырёхгранную колокольню.

После Первой мировой войны церковь оказалась на территории Польской республики. В ней попеременно проводили католические и православные богослужения, а в 1926 году она вновь стала униатской. Здесь находился один из самых активных греко-католических приходов, опекаемых миссией иезуитов восточного обряда в Альбертине (пригород Слонима). После Второй мировой войны в храме размещались склад и овощехранилище. И лишь двадцать лет тому назад тут вновь обосновался православный приход.

Другой, не менее прекрасный храм-крепость, находится в деревне Мурованка неподалёку от железнодорожной станции Скрибовцы и от усадьбы Ромеров в Малом Можейково.

На вопрос, сколько лет (а точнее веков) Мурованке, которую часто называют Маломожейковской церковью, ответить трудно. Долгое время официальной датой строительства считался 1407 год. Кроме того, необычная форма здания с высокими стройными башнями подтолкнула некоторых исследователей к мысли, что примером для Маломожейковской церкви послужили мусульманские минареты. Более детальное изучение памятника дало ученым основания полагать, что укрепленная церковь вполне могла быть возведена в интервале между 1516 и 1542 гг. К этому времени площадка будущего строительства уже называлась Мурованкой благодаря единственной каменной («мураванай») башне, которую позже и перестроили в храм.

Основателем храма считается магнатский род Мацкевичей-Шкленских. За свою сложную историю длиною в пять веков Маломожейковская церковь Рождества Богородицы, как и храм в Сынковичах, была и крепостью, и костёлом, и униатской святыней. Не одну войну пережил этот памятник. Мимо проходили войска шведов, поляков, московитов, казаков, французов, немцев, а стены выстояли, несмотря ни на что...

Храм представляет собой четырехстолпное одноэтажное строение размером около 15 × 13,5 метров. Массивные стены почти двухметровой толщины подтверждают гипотезу о его оборонных функциях. Над зданием — высокая двухскатная крыша, на каждом углу — цилиндрические оборонительные башни. Западный фронтон играет роль своеобразного декоративного щита, поделенного по горизонтали на две части. Внизу — три ниши сложной конструкции. В каждой из них — две меньших размеров. В верхней части сделана одна большая ниша с двойной аркой. Несмотря на очевидную простоту, такой декор гармонично расчленяет поверхность

Храм-крепость в Мурованке

щита и придает ему изящество. Этому способствуют и боковые абрисы фронтона с его ритмичными вертикальными повышениями и крутыми скатами.

Оформление фасада сделано по принципу постепенного нарастания декоративности. Восточный фронтон, несмотря на то что он в значительной степени прикрыт конусообразной крышей апсидальной части храма, тоже имеет свои отличительные черты. Его вертикальные линии возрастают более спокойно и находятся в полном созвучии с неглубокими арками ниш, размещенных в щите. Подобно западному фронтону, восточный делится горизонтальной полосой на две части. В нижней — две пары ниш, а в верхней — три ниши, позднее переделанные в обычные окна.

Две западные башни небольшие: их диаметр около 4,5 м, толщина стен близка к 1,8 м, а первоначальная высота — около 14 м. Восточные башни более скромных размеров — диаметр всего 3 м, толщина стен — около 1 м, хотя высота почти такая же, как у западных. Там когда-то были винтовые лестницы, ведущие к бойницам. Каждая бойница имела вид довольно большого, постепенно сужающегося к середине проема, перекрытого округлой аркой. Над бойницей — небольшое отверстие для наблюдения за противником. Раньше в северной и южной стенах имелось по 7 бойниц, потом одну заложили, осталось только шесть — по три с каждой стороны. Главный вход в храм защищала тяжелая решетка (герса), которая спускалась на цепях со специальной ниши над входом.

Притвор и вся верхняя часть здания были надстроены в XIX веке. Тогда же были заведены межъярусные карнизы, в значительной степени изменен главный фасад, закрыты машикули. По описаниям историков, до начала XIX века в храме по всему периметру шел подземный ход с множеством тайников.

Стены Мурованки украшены разными декоративными элементами. Своеобразные элементы архитектуры храма — спаренные полуциркульные ниши, а также круглое окно в центре западной стены, присущие памятникам романской и готической архитектуры. Внизу через все здание идет лента традиционного поребрика ряда кирпичей, положенных на угол. А каждый кирпич на дугообразной арке, венчающей вход в храм, — почти художественное произведение. Невооружённым глазом можно заметить там интересные отпечатки, напоминающие следы кота или собаки. Вероятно, животное оставило их, когда кирпич сушился на солнце. Хотя некоторые считают, что это фирменное клеймо мастера.

По мнению архитектора Г. Лаврецкого, Маломожейковская церковь в сравнении с Сынковичской — еще один шаг к готике. Достаточно взглянуть на внутреннюю конструкцию: все здание перекрыто сложными звездчатыми сводами с резко профилированными нервюрами. В некоторых местах они переходят в кристаллические своды, где нервюрный костяк сливается с распалубками перекрытий. Нервюры густыми пучками сходятся к центральным столбам, образуя ромбы и треугольники. Вся система сводов здесь более развита и свидетельствует об усовершенствовании приёмов готического строительства, умелом использовании его богатых декоративных возможностей. Но, несмотря на общее сходство с Сынковичской церковью, Маломожейковская имеет и значительные отличия — симметричный и правильный план, более богатое внешнее украшение, относительно слабую систему бойниц.

Свою оригинальную специфику имеет еще одно ритуальное здание, относящееся к оборонному зодчеству. Это костёл Святого Иоанна Крестителя, расположенный в деревне Камаи Поставского района Витебской области.

Храм не только совмещает в себе черты готики, ренессанса и барокко, но еще и являет собой случай редкой судьбы: службы в нём не прекращались на протяжении более чем четырёх столетий! Даже в советские времена костёл оставался действующим, вероятно, благодаря тому, что власти доброжелательно относились к местному ксендзу, спасшему во время войны одного партизана. Последний стал видным партийным функционером, и потому всеобщая борьба с «опиумом для народа» обошла Камайский костёл стороной.

Удивительное архитектурное творение было возведено на месте, которое изначально являлось определяющим для местных жителей. И не только потому, что это — центр деревни, но ещё и как перекрёсток пяти дорог. А к перекрёсткам у наших предков всегда было особенное отношение. Даже если одна дорога вливалась в другую, на таком месте всегда либо клали большой камень, либо ставили крест. Ведь, согласно древним поверьям, именно на перекрёстках активизируется нечистая сила. Известно, что первоначально на этом перекрёстке был установлен огромный двухметровый валун. Из него не позже чем в XV веке вытесали крест, который стоит напротив костёла и сейчас. Изъеденный временем и покрытый непонятными надписями этот крест тоже является своего рода символом Камаев.

Само местечко расположилось на холме, на берегу Камайки, небольшого и ныне почти пересохшего притока реки Вилии. Сохранились сведения о том, что в прежние времена речка Камайка была судоходной, и сплавляли по ней, среди прочего, лес. А для местных жителей одним из важнейших моментов бытия являлась потребность в обеспечении своей безопасности.

Когда в Камаях появился первый храм — неизвестно. Но вот акт о завершении строительства существующего, датированный 1606 годом, сохранился до наших дней. Средства на возведение каменного храма выделил владелец местечка, магнат Ян Рудомино-Дусяцкий (1543–1621).

Костёл в Камаях

Внешний вид костёла довольно суров: отсутствие декоративных элементов подчеркивает оборонительный статус храма. Что касается художественного оформления, то особая роль принадлежит западному фасаду с двумя цилиндрическими башнями голландского типа — высотой 16 метров и диаметром свыше 5 метров.

Внутреннее убранство костёла заслуживает особого внимания. Во многом оно сохранилось благодаря тому, что храм еще в советский период имел статус памятника архитектуры и никогда не использовался в качестве хозяйственного строения. Хорошо сохра-

нились резные позолоченные алтари, фрески, иконы. А в конце 1970-х годов музейщики обнаружили в костёле орнат (часть литургического облачения ксендза) с фрагментом слуцкого пояса.

Храм почти не изменился за прошедшие века. Он по-прежнему гордо возвышается в центре деревни, на холме, напоминая средневековый замок. До сих пор стены костёла, толщина которых составляет от 2 до 2,5 метра, хранят в себе шведские ядра времён Северной войны. Впрочем, в середине XVII века храм горел, из-за чего исчезли колонны, поддерживавшие крышу. В XVIII веке была пристроена часовня (каплица), а также хоры, где установлен действующий поныне орган. До 1940 года на нём играл знаменитый белорусско-польский органист, композитор и педагог Бронислав Рутковский (1898–1964), родственники которого по сей день живут в здешних местах.

История костёла связана с рядом других знаменитых имён, которые были незаслуженно забыты, но сегодня вновь открываются нам. К примеру, в храме находится икона «Иисус Христос с младенцем» известного художника второй половины XIX века Альфреда Исидора Ромера (1832–1897), десять лет, с 1874 по 1884 год жившего в имении жены Каролиново недалеко от Камаев. Эту работу мастер написал специально для Камайского костёла.

А в 20-е годы XX столетия в храме служил ксёндз Казимир Сваяк (в миру — Константин Стапович; 1890–1926) — философ, поэт и священник в одном лице. В то время, когда белорусский язык был под запретом польских властей, он сознательно читал проповеди прихожанам только по-белорусски. И сегодня местные жители помнят этого самоотверженного человека, а в костёле можно познакомиться с его сочинениями.

Старый костёл имеет свои крипты — подвалы, где хоронили священников и местных жителей. Предполагают, что от храма до старого кладбища проведён подземный ход, который полностью или частично сохранился. Но его поиском пока никто не занимался, поэтому подтвердить или опровергнуть что-либо на этот счёт пока нельзя. Также, согласно преданию, в Камаях когда-то существовал монастырь, а владельцы местечка в опасные времена оставляли свою казну на сохранение монахам.

Теперь жизнь в местечке течёт спокойно и размеренно, хотя количество желающих познакомиться с древней святыней с каждым годом возрастает.

Глава 11

СУРОВАЯ КРАСОТА ГОТИЧЕСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ:

Храмы во Вселюбе, Ишколди и Гнезно

На территории Беларуси сохранилось немало архитектурных памятников в стиле неоготики, получившей в XIX веке широкое распространение по всей Европе. Что же касается более раннего и гораздо более аскетичного готического стиля, непосредственно связанного со Средневековьем, то его можно увидеть лишь в нескольких культовых сооружениях. Все они продолжают выполнять предначертанную им сакральную миссию храмов и располагаются в небольших деревнях Вселюб, Ишколдь, Гнезно.

Готическая архитектура появилась на белорусских землях в конце XIV века и приобрела здесь свои неповторимые черты. Её аллегорический символизм и условность художественного языка переплетались со своеобразным колоритом местного зодчества. И поскольку готика развивалась в странах, где господствовало католичество, то и в Беларуси она нашла соответствующее воплощение в оформлении костёлов.

В 13 километрах к северу от первой столицы Великого Княжества Литовского, там, где из монотонной Неманской низины вырастают Новогрудские холмы, располагается красивое местечко с не менее красивым названием — Вселюб. В 1433 году великий князь Жигимонт Кейстутович подтвердил предоставление здешнего имения шляхетному роду Немировичей. В первой половине XVI века им совместно владели Немировичи и их родственники Щиты, позже — полоцкий воевода Станислав Давойна. После смерти Давойны в 1571 году местечко перешло к его вдове, которая спустя пять лет продала Вселюбское поместье Николаю Радзивиллу «Рыжему». С 1713 года Вселюб неоднократно менял хозяев.

В этих местах сохранился один из самых старых костёлов на Беларуси, возведённый не позже 1433 года. Существует предположение, что его построил Ян Немир, конюший великого князя Витовта. Данный памятник готики не имеет аналогов не только в Беларуси, но и почти на всём пространстве бывшего СССР. Изве-

стен ещё только один подобный храм такого типа, находящийся в Эстонии.

Весьма занятна история многочисленных перестроек храма, которые, впрочем, не повлияли на сохранность готической основы. Его экстерьер по-прежнему весьма аскетичен — вытянутые, устремлённые ввысь линии фасадов, стрельчатые окна. Единственные украшения — это лепнина на капителях полуколонн да ажурная ковка на двери. Изначально построен он был в готическом стиле, но в 1576 году князь Николай Радзивилл «Чёрный», передал костел кальвинистам. Те, в свою очередь, в духе минимализма и практичности Реформации заменили готические своды деревянными перекрытиями и, облегчив конструкцию, уменьшили контрфорсы.

А в 1642 году здание снова стало костёлом, названным в честь Святого Казимира, покровителя старой Литвы. Торжество католицизма в архитектурном плане выразил новый стиль — барокко. Узкие стрельчатые готические окна сделали более широкими. Для усиления выразительности алтарную часть храма сравняли по высоте с основным объёмом.

XIX век с его духом романтизма был отмечен возвратом к Средневековью. В 1897 году к главному фасаду костёла пристроили трехъярусную башню-колокольню, которая вполне гармонично сочетается с общей архитектоникой строения.

В 1986 здание сильно выгорело, крыша и своды разрушились, но древние стены с настоящей готической кладкой выдержали это испытание. Через пару лет храм был восстановлен и передан верующим.

Помимо старинного костёла и православной церкви Святого Михаила, которая моложе своего готического «собрата» на четыре с половиной столетия, во Вселюбе сохранились фрагменты усадебно-паркового комплекса XVIII–XX веков, история которого тесно связана с судьбой О'Рурков.

Представители этого аристократического дворянского рода ирландского происхождения поступили на службу к императрице Елизавете Петровне в XVIII веке. Известно, что генерал Иосиф О'Рурк прославился в русско-турецких войнах, за что царь Александр I удостоил его необычного титула «ирландский граф».

Именно этот граф построил во Вселюбе усадьбу с видом на речку Плису. Здание следовало традициям позднего классицизма. С восточной стороны к усадьбе вела подъездная аллея, с противополож-

ной — находилась часовня. С южной стороны располагался парк площадью более 10 га, который пересекали многочисленные прогулочные аллеи и дорожки.

Последним владельцем родового имения был Эдвард Александр О'Рурк (1876–1943). Он получил блестящее образование в Европе, затем вступил в Орден иезуитов и сделал церковную карьеру: был епископом Виленским, потом — Рижским. В 1939 году, после вторжения Красной Армии в Западную Беларусь, новые власти конфисковали имение, а управляющего арестовали. О дальнейшей его судьбе старожилы Вселюба ничего не знают. Но в памяти стариков все перепуталось, и они уверяют, будто бы сам граф, навсегда покидая поместье в простой крестьянской телеге, приподнял шляпу и поклонился местным жителям.

Костёл во Вселюбе

Теперь в деревне можно увидеть лишь родовую усыпальницу О'Рурков, некоторые хозяйственные постройки, естественный водоем и живописный парк, который сочетает в себе черты французского и английского ландшафтного дизайна. Парк имеет статус памятника природы, истории и культуры республиканского значения.

Один из потомков славного семейства — бизнесмен Олег О'Рурк — сегодня живет в Москве. За последние годы он неоднократно наведывался во Вселюб с предложением воссоздать былое

поместье и устроить в нем сельскую гостиницу. Однако бюрократические препоны до сих пор не позволили решить этот вопрос. Более того, недавно в усадьбе случился пожар, и от прежнего здания осталась только одна стена. Все это повергло потенциального инвестора в отчаяние и, тем не менее, он еще надеется приобрести остатки имения на аукционе и воссоздать из пепла родовое гнездо.

В деревне Ишколдь, находящейся в Барановичском районе Брестской области у пересечения границ трех областей: Минской, Брестской и Гродненской, находится еще один шедевр белорусской готики.

По дороге туда трудно не заметить огромную, стоящую прямо в поле, скульптуру зубра, обозначающего границу Минской и Брестской областей. Зубр — персонаж для белорусских лесов вполне реальный, а вот загадочного подземного зверя Индрика, присутствующего в древнеславянской мифологии (в частности, в легендарной «Песне птицы Гамаюн») и связываемого некоторыми этнографами с этими местами, тут пока не видывали. Хотя, возможно, лишь потому, что никто толком не знает, как этот сказочный персонаж должен выглядеть. Зато известно, что в близлежащей деревне Петковичи родился первопечатник Ян Федорович (1510–1583), более известный как Иван Фёдоров*.

Первое письменное упоминание об Ишколди относится к XV веку. За свою историю местечко переходило от одного магнатского рода к другому, поочерёдно принадлежа Немировичам, Ильиничам, Радзивиллам. Младший сын того самого Яна Немира, положившего начало возведению костёла во Вселюбе, староста витебский, смоленский, любельский и мценский Николай Немирович (он дожил до 1471 года), в свою очередь начал строительство каменного костёла уже в Ишколди. Постройку обычно датируют 1472 годом, хотя в некоторых источниках упоминается более ранний срок — 1449 год.

Предание гласит, что это место испокон веков почитали местные жители. Скорее всего, здесь некогда располагалось языческое ка-

* В 1564 г. в Москве он издал библейскую книгу «Апостол», которая явилась первой печатной книгой в Московии. Изгнанный оттуда попами, усмотревшими в этом начинании опасную конкуренцию для своих переписчиков, Федорович вернулся в ВКЛ. В 1580–81 гг. он издал в Остроге первую полную славянскую библию. Кроме печатного дела, Ян Федорович занимался еще и ...литьем пушек! Он также изобрел многоствольную мортиру. — *Прим. ред.*

пище, которое, как это часто случалось, преобразовали в сакральное место для христиан.

Возведенный здесь храм Святой Троицы является архитектурно-историческим памятником поздней готики и включен в Государственный реестр как историко-культурная ценность Республики Беларусь. По сути, это древнейший белорусский католический храм, не подвергавшийся за время существования значительным перестройкам и дошедший до нас почти в первозданном виде. Его самобытные архаичные формы имеют общие черты с оборонительными храмами Западной Европы.

Небольшой по размерам прямоугольный план храма (10 х 14,5 м), накрытый двускатной крышей, завершается пятистенной апсидой. Площадь апсиды немного меньше площади основной части храма и является ее органическим завершением. Стены кирпичные, укрепленные ступенчатыми контрфорсами. На рубеже XV–XVI веков стены были покрыты фресками, которые не сохранились. Нижние части их орнаментированы сетчатой кладкой из темного кирпича-железняка. Позднее фасады оштукатурили и побелили. Фигурное завершение стены главного фасада и мягкие криволинейные очертания контрфорсов придают храму скульптурность, смягчающую монументальный облик памятника.

Двери главного входа дубовые, украшенные коваными узорчатыми решётками. Деревянный алтарь выполнен в неоготическом стиле и разделен на три части арками. Готика явственно читается и в сводах, которые выполнены в виде звёзд и крестов с нервюрами, стрельчатых окнах и многих других элементах.

Неподалёку можно обнаружить остатки оборонительных сооружений, ведь первоначально храм был обнесён защитным валом.

Исходя из сведений в старинных документах, костёл освятили в 1472 году. В первой половине XVI века, при князе Николае Радзивилле «Чёрном», он стал кальвинистским собором. Однако в 1641 году там возобновились католические богослужения. В 1868 году, при переоборудовании костёла в церковь, согласно православной традиции, были надстроены две луковичные головки, установлен иконостас, отдельно пристроена деревянная звонница.

В 1918 году польские власти вернули костёл католикам.

В 1969 году его реставрировали в соответствии с изначальным проектом и с той поры он не прекращает действовать.

По рассказам местного ксендза, храму довелось успешно пережить не только многочисленные войны, но и период воинствующего атеизма. Так, в советские времена чиновники приехали в

Ишколдь с целью закрытия костёла, но деревенские женщины, услышав об этом, в панике побросали серпы и прибежали с полей, на коленях умоляя не делать этого. Властям ничего не оставалось, как уехать восвояси. Во второй раз они посетили деревню уже с бульдозерами, показывая населению всю серьезность своих намерений. Но верующие не отступили и на этот раз, они просто легли перед техникой. Разгневанный начальник приказал бульдозеристу ехать прямо на людей, но тот вышел из кабины и предложил шефу занять его место. Вот так жители отстояли свою святыню. Эта история теперь изображена на витраже в костёле.

Костёл в Ишколди

Любопытно, что несколько лет назад на одном из интернет-аукционов на продажу выставили метрику Ишколдского костёла, датированную XVIII веком. Благодаря стараниям активистов «Товарищества охраны памятников» документ удалось выкупить, и в нем обнаружили запись о крещении Марии Верещаки — музы и возлюбленной юного Адама Мицкевича.

Как водится, в Ишколди некогда была магнатская усадьба, известная по актам инвентаризации за 1579, 1598, 1603 и другие годы.

Она включала, как и другие поместья того времени, двор, подворье и гумно с многочисленными сооружениями хозяйственного профиля. По легенде, двор соединялся подземным ходом с костёлом. Главный дом («дом великий») представлял собой традиционную трёхкоморную (трёхкомнатную) постройку.

В 1594 году вместо него построили новый дом, уже с шестью коморами, где стояли изразцовые печи и глинобитные камины. Побеленные двери были с металлическими завесами и внутренними замками. В столовой стояли два дубовых стола и буфет. Сам двор был застроен по периметру. Его центральная часть была свободной, в ограде имелось двое ворот. В начале XVII века со стороны местечка возвели новые двухъярусные ворота башенного типа, в нижнем ярусе которых размещались две коморы (тюрьма и кладовая), в верхнем — зал с наружной галереей.

Последующее развитие двора (с 1632 г.), видимо, уже при Радзивиллах, ознаменовалось возведением ограды с пятью воротами, появлением парадной части за воротами, перед главным домом, исчезновением ряда старых построек (конюшни, винокурни, амбара). Главным сооружением стал «дом новый». Это было сравнительно большое одноэтажное сооружение, крытое гонтом, с боковым алькежем, завершенным гонтовым шатром, белым жестяным куполком и флюгером. Здание состояло из жилой половины (две «залы», три комнаты, два туалета) и парадной, включающей большую столовую и боковую «залу».

В усадьбе имелись два озера и рыбный пруд. На берегу одного озера располагалась винокурня, на берегу второго — двухколесная водяная мельница. Кроме утилитарного назначения, искусственные водоемы вместе с рощами играли роль украшений. Усадьба включала березовую и еловую рощи возле озера с мельницей и еще одну — смешанного типа — по дороге к фольварку. Увы, до наших дней вся эта роскошь не дожила.

Практически каждый населенный пункт Гродненской области имеет свой уникальный памятник архитектуры. Особенно много на этой территории замков и костёлов — сказывается пограничное расположение. Вот и костёл Святого Михаила Архангела в деревне Гнезно привлекает много верующих и туристов, ведь это не только действующий храм, но и прекрасный памятник поздней готики.

Гнезно — очень старинное поселение, которое именовалось ранее иначе: Гнездо, Гнезная. По предположению нашего историка

XIX века Теодора Нарбута (1784—1864), местечко существовало уже в дохристианские времена. А первое письменное упоминание о нём можно встретить в Метрике Великого Княжества Литовского в XV веке как владение Монивидов. Тогда же король Казимир подарил его Николаю Вашвиловичу.

Кстати, у белорусского Гнезно есть знаменитый польский «тёзка», расположенный в 50 км на северо-восток от Познани. Это древняя столица Польши, место коронации польских монархов вплоть до XIV века. Вероятно, под влиянием того Гнезно и сложилось окончательно название белорусского местечка, когда оно в 20—30-е годы XX века входило в состав Польской республики.

Впрочем, хозяев здесь сменилось немало. Супруги Шеметовичи, Ян и Эльжбета, получившие местечко во владение от короля Александра Ягеллона (он был великим князем Литвы в 1492—1506 гг., а с 1501 года еще и королем Польским), возвели костёл Святого Михаила вместо сгоревшего деревянного храма.

Факт постройки культового здания в 1524 году отмечен в Географическом словаре Польского королевства. Как и в Ишколди, ранее на месте христианского храма находилось языческое святилище, о чем свидетельствуют найденные в XIX веке камни-жертвенники.

Сооружение представляет собой однонефный храм с трёхстенной апсидой и восьмигранной башней, которая расположена по центру главного фасада. Он сложен из красного кирпича по правилам готической кладки — с заданным ритмом кирпичей, уложенных в ряд вдоль и поперёк (ложок — тычок). По периметру храма идут контрфорсы. 25-метровая, богато декорированная башня в виде четверика, переходящего в вытянутый восьмерик, появилась после возведения стен. В костёле два входа: главный (арочный портал) и южный боковой. Поначалу окна стрельчатого абриса были только с юга, затем появились и с севера. Архитектура храма демонстрирует яркие черты поздней готики, среди которых, в частности, прямоугольные ниши и ступенчатые консоли. Кроме того, здесь можно заметить некоторые черты ренессанса — горизонтальные тяги и арки над окнами второго яруса башни, многообразные карнизы.

В целом, костёл построили с большим запасом прочности. Его толстые стены могли достойно выдержать осаду. Храм использовали как оборонительное сооружение в период войн, о чем свидетельствует засевшее в кирпичной кладке пушечное ядро.

Первое отчуждение храма произошло через три десятилетия после его освящения. По официальной версии, новый владелец

Гнезно, магнат Иероним Александрович Ходкевич (он умер в 1561 году), был ярым приверженцем Реформации, поэтому превратил костёл в кальвинистский собор. Однако существует и другая, житейская версия. Согласно ей, костёл он отдал не потому, что стал очень набожным, а ввиду того, что... поссорился со своей женой Анной Шеметович, ярой католичкой. Учинил сей поступок назло супруге!

В 1643 году храм вновь вернулся в лоно Католической Церкви.

В XVIII веке к храму у бокового входа пристроили сакристию для хранения ритуальной одежды и утвари. Подземелье святыни использовали для захоронений владельцев Гнезно и других именитых особ. Со временем этот некрополь перестал расширяться, а в начале XX века его и вовсе замуровали. В 1838 году в костёле произошёл сильный пожар. Впоследствии средства на восстановление пожертвовали новые владельцы местечка — Тарасевичи. В здании их былой усадьбы ныне располагается сельсовет.

В годы советской власти костёл был заброшен и поневоле начал приходить в запустение. На протяжении последних двух десятилетий вопросами реконструкции и возрождения средневекового храма занимается ксёндз Людвик Станишевский. Это большой энтузиаст, который по совместительству с духовной миссией успешно выполняет роль краеведа и популяризатора истории местечка.

А история его действительно богатая, ведь даже в наше время в Гнезно порой происходят интересные события. К примеру, копию знаменитой «Сикстинской мадонны» Рафаэля, расположенную в центре алтаря, написал художник-самоучка из Волковыска. Как ему удалось сотворить огромное полотно высотой около 2,5 метра в стандартной двухкомнатной квартире, остается загадкой.

Глава 12

ДВЕ ТВЕРДЫНИ:
Каменец и Ворняны

Это не только название второй части популярной мифической трилогии Джона Толкина «Властелин колец», но ещё и вполне реальные объекты белорусской архитектуры – старинные башни в Каменце и Ворнянах.

В раннем Средневековье в Западной Европе повсеместно распространилась практика строить каменные башни-донжоны, которые выполняли защитную миссию и одновременно являлись резиденциями феодалов*. В XII–XIII вв. магнатские семьи стали переселяться в более просторные и лучше укрепленные замки, а донжоны располагали обособленно, за периметром крепостных стен, наделяя их преимущественно дозорной и оборонительной функциями.

Со временем башни перестали служить делу обороны, но попрежнему ассоциировались в сознании людей с безопасностью, защитой, высоким общественным статусом. И даже когда характерный для такого рода построек романский стиль уступил место готике, барокко и классицизму, фортификационные сооружения продолжали своими формами напоминать об эпохе рыцарей.

Беларусь никогда не оставалась в стороне от европейских традиций, поэтому величественные твердыни в виде башен появились и здесь. Из летописных источников и на основании материалов археологических раскопок известно, что сооружения аналогического характера и назначения существовали во многих средневековых белорусских городах — Бресте, Гродно, Мстиславле, Мяделе, Новогрудке, Полоцке, Радошковичах, Турове, Шклове и других. К сожалению, из обширного перечня средневековых «высоток» до наших дней уцелела лишь одна, находящаяся в городе Каменец Брестской области.

* Донжон (фр. donjon) — отдельно стоящая мощная башня внутри замка, служившая убежищем и последним рубежом обороны. — *Прим. ред.*

В XIII веке значительная часть современной Брестчины, именуемая Берестейской землей, принадлежала галицко-волынским князьям. Она словно клин врезалась между Мазовией с одной стороны, Чёрной Русью и Литвой — с другой, а от плодородных земель Волыни ее отделяли болота и леса. На эту местность постоянно покушались северные соседи (с территории летописной Литвы), поэтому владимиро-волынский князь Владимир Василькович (ок. 1250–1289) задумал укрепить северную границу Берестейской земли. По его приказу «градоруб» Алекса отправился за реки Припять и Мухавец для поиска места под новое поселение. Он прошел на веслах вверх по реке Лесной и нашел холмистый берег с каменистой почвой. В скором времени берег оживился, наполняясь голосами людей, и постепенно там вырос город. Происходили эти события в 1276 году, о чем свидетельствует Ипатьевская летопись:

Памятник основателю Каменца

> «И улюби место то над берегом рекы Лесны и потом зруби на нем город и нареч имя ему Каменец (...) създаж в нем столп камень... подобен удивлению всем зрящим нань...»

Во втором фрагменте идёт речь о возведении башни (по-белорусски — вежи).

Многие из тех, кто посещает сегодня Каменец, недоумевают — почему вежу величают белой, ведь она сложена из красного кирпича? Но в былые времена подобные строения нередко красили в белый цвет.

Содействовала закреплению названия и старинная легенда, связанная с обитателями здешних мест. Якобы дочь одного из местных князей слыла красотой на всю округу и очень любила наряды белого цвета. Зимой она носила шубу из белого меха, летом — белое платье и белый головной убор. Люди называли её Белой Княжной. Когда же пришла пора сыграть свадьбу, торжественный ритуал был выдержан в соответствующей стилистике. На белых конях, в белой

колеснице и белых нарядах жених и невеста, объехав три раза Каменецкую башню, направились в свою будущую резиденцию. Дорога, по которой они ехали, была устлана белым полотном, вытканным из льна и отбеленным женщинами из пущанских деревень. В дальнейшем всё, что было связано с Белой Княжной, получило соответствующие названия: на польской стороне — Бяла-Подляска, Белосток, Беловежа, а в Каменецком районе — Белая вежа, Беловежская пуща, деревни Подбела, Подбельские Огородники, Белая.

Неизвестно, чьей дочерью была Белая княжна и когда именно она жила, но можно быть уверенными в том, что эти заповедные места вполне могла посещать другая знатная персона — дочь князя Витовта Софья, ставшая великой княгиней Московской после вступления в 1391 году в брак с Василием, сыном Дмитрия Ивановича «Донского». Во владение Витовта Каменец перешёл от отца, князя Кейстута, в 1392 году.

На этот город, расположенный на оживлённом торговом пути, нападали крестоносцы. Так, в 1375 году они совершили набег на окрестности Каменца, захватили много пленников и скота, в 1378 году сожгли город. Местные жители не остались в долгу, они при-

Каменецкая башня

няли активное участие в Грюнвальдской битве 15 июля 1410 года, в которой войска Тевтонского ордена потерпели сокрушительное поражение. В начале 1518 года Каменец получил Магдебургское право.

В конце XVII века на месте прежнего деревянного замка вырос новый дворцовый комплекс в стиле ренессанса. Известно, что он был двухэтажный и включал аркадную галерею с фасадной стороны. Само место было окружено земляным валом с водным рвом, соединяясь с «большой землёй» посредством двухъярусных деревянных ворот с мостом. Потом дворец несколько раз перестраивали. Так, в конце XVIII века здание было преобразовано в соответствии со стилем барокко, украшено орнаментальной резьбой и дополнено тремя небольшими башенками. Последние, как и весь комплекс в целом, не сохранились. Зато исполинская Белая вежа стоит вот уже семь веков!

Это каменное 5-ярусное круглое в плане сооружение (высота около 30 м, толщина стен 2,5 м, наружный диаметр 13,6 м) стоит на мощном каменном фундаменте высотой около 2,3 м и диаметром 16 м, в котором промежутки между крупными камнями засыпали мелкими и ничем не скрепляли, чтобы лучше реагировать на усадку грунта. Башня сложена из брусчатого кирпича темно-красного и желтоватого цвета с характерными продолговатыми канавками в нижней части. Применённый вид кладки называется «балтийским». Внутри сохранились углубления от деревянных балок — перекрытий пяти ярусов.

Стены башни прорезаны бойницами, между которыми на внешней поверхности стены расположены четыре плоские полуциркульные ниши. Над пятым ярусом сохранились остатки кирпичного купольного свода с утолщенными ребрами, заканчивающимися внизу небольшими кронштейнами с узким пояском. Эти своды (если судить по кирпичу и раствору) были сооружены одновременно с башней. С пятого яруса в толще стены начинается каменная лестница-ход, ведущая вверх к боевой площадке. Лестница освещается двумя узкими окнами. Кстати, температура внутри помещения круглый год составляет 14 градусов.

Каменецкая башня имела только оборонительное значение, поэтому она лишена архитектурно-декоративной пластики. Исключением являются узкие бойницы и четыре плоские ниши извне с полуциркульными завершениями, а также 14 зубцов, которые окружают верхнюю площадку. В каждом из них сделаны небольшие отверстия для обзора, а в двух — бойницы. В основе зубцов по всему

периметру вежи идет узкая лента пласта, где в четыре ряда под углом к внешней поверхности вложены кирпичи. Они создают выразительную декоративную полосу, опоясывающую здание. Все эти архитектурные элементы придают башне суровый вид, соответствующий ее предназначению. В 1822 году башню пытались разобрать на кирпичи, но не смогли: стены так затвердели за века, что весь столп словно превратился в один большой камень.

Белая вежа неоднократно реставрировалась и, будучи объявленной памятником истории и культуры, находится под охраной государства. В 1960 году здесь был создан филиал областного краеведческого музея. Его экспонаты рассказывают о Берестейской земле и о славном прошлом донжона. На верхней площадке башни регулярно проводятся обзорные экскурсии.

Рукой подать отсюда и до реликтовой Беловежской пущи, включенной ЮНЕСКО в список Всемирного наследия человечества.

Ещё одна башня-донжон сохранилась на севере Беларуси, в местечке Ворняны Гродненской области.

Польский учёный Юлиуш Лятковски в 1892 году выдвинул версию о том, что главным городом Великого Княжества Литовского могли быть именно Ворняны, а не Новогрудок. Свою гипотезу он обосновывал схожестью названия с топонимом Ворута — так назывался легендарный деревянный замок Миндовга, до сих пор не найденный. Эта идея, однако, не находит подтверждения в исследованиях археологов, которые не обнаружили в местечке следов замчища, откуда начинался любой средневековый город. Зато Ворняны всегда были местом пограничным.

Известность это поселение приобрело с 1391 года как владение великого князя Ягайло, а затем — его двоюродного брата Витовта. Позже имение перешло к магнату Сунигайло, жена которого в 1462 году основала в Ворнянах деревянный костел и пожаловала храму богатые дары. Но у супругов не было детей, поэтому после смерти Марины Сунигайло Ворняны вернулись в собственность великих князей. Следующим владельцем местечка стал князь Свирский — он, как и Сунигайло, был родом из здешних мест.

Среди владельцев Ворнян был и боярин Григорий Остик, известный авантюрист XVI века: он вел переговоры с московскими агентами о захвате престола ВКЛ и передаче его Ивану IV «Грозному», чеканил фальшивые монеты и печати, подделывал документы... В конце концов, Остика арестовали и казнили, а всю его собствен-

ность конфисковали в пользу короля. О жизни этого проходимца поведал автор, подписавшийся Станиславом Лаврентием, в своей нравоучительной поэме «Плач несчастного Григория Остика, за его поступок лишенного чести и осужденного на смерть в 1580 году, месяца июня 15 дня в Вильно», изданной в типографии Николая Радзивилла.

В конце XVI века Ворняны были дарованы королем Стефаном Баторием за военные заслуги шляхтичу Яну Абрамовичу, чьи потомки жили здесь до 1860 года и подписывали все документы не иначе как «Абрамовичи на Ворнянах».

Постепенно Ворняны из захолустного местечка стали превращаться в заметный центр культуры. Удивляться этому особо не приходится, ведь Абрамович был прекрасно образованным человеком: воспитывался при дворе Радзивиллов, а ума-разума набирался в Италии, в Падуанском университете — том самом, который на полстолетия раньше присвоил ученую степень доктора медицины знаменитому жителю Полоцка, нашему первопечатнику Франциску Скорине. Абрамович был протестантом и сочинял передовые для своего времени труды. «Мнение литвина на покупку дешевого зерна и более дорогую его продажу» — столь характерный для эпохи барокко витиеватый заголовок принадлежит одной из книг магната.

Сын Абрамовича, Николай, пошёл в отца: командовал литовским войском в сражениях со шведами в Курляндии, отважно сражался во время войн с Пруссией и Московией, за что удостоился чести возглавить всю артиллерию ВКЛ, не раз избирался в сейм. Он умер в 1651 году. Следующий владелец Ворнян, Самуэль Абрамович (родился в 1617, год смерти неизвестен), несмотря на образование, полученное в протестантской Голландии, перешёл в католичество и сразу же взялся за восстановление ворнянского костёла. В это время Абрамовичей связывала дружба с представителями других славных родов — Радзивиллов и Огинских.

В середине XVIII века в имении хозяйствовал Андрей Абрамович, который, увы, рано умер (в 1763 г.), не успев осуществить многое из задуманного. Однако именно ему принадлежит идея строительства в Ворнянах нового каменного храма вместо старинного деревянного.

Впрочем, костел святого Георгия, по сей день украшающий главную площадь местечка, появился не сразу. Краеугольный камень заложил сын Андрея — Юрий, а завершила благое дело его овдовевшая жена Марцианна. Она же инициировала возведение нового дворца на месте старой усадьбы Абрамовичей. Оттуда широкая ли-

повая аллея вела к костёлу, пересекая Рыночную площадь, обставленную с двух сторон 16 деревянными жилыми строениями (по восемь с каждой стороны) с кирпичными фасадными стенами. К жилым домам примыкали корчма, постоялый двор (гостиница) и торговые ряды. Так в общих чертах выглядела ворнянская застройка. Сегодня это старейший в республике архитектурный ансамбль, основная часть которого дошла из эпохи Речи Посполитой почти в изначальном виде.

Башня-павильон в Ворнянах

Старинная легенда гласит о том, что одна из служанок Марцианны Абрамович влюбилась в её сына. Мать, естественно, была против такого мезальянса. От отчаяния девушка утопилась в местном озере, а её призрак теперь появляется на его берегах в канун языческого праздника Купалья.

Внуки Марцианны, Николай (1788—1835) и Игнатий (1793—1867), в период войны 1812 года, в надежде возродить ВКЛ без колебаний встали на сторону Наполеона. За мужество, проявленное в сражениях, каждый из них удостоился главной награды Франции — Ордена Почётного легиона.

Когда старинный род Абрамовичей угас, местечко «пошло по рукам», в том числе и достойных фамилий. К примеру, некоторое время Ворнянами владел род Снядецких, один из представителей которого — Ян Снядецкий (1756—1830) — был известнейшим астрономом, математиком, философом и просветителем своей эпохи. Здесь же довелось жить семейству Милошей, впоследствии давшему миру Чеслава Милоша (1911—2004) — нобелевского лауреата по литературе за 1980 год.

Дворцово-парковый комплекс был почти полностью разрушен в годы Первой мировой войны. Сейчас от него остались лишь несколько хозяйственных построек и трёхэтажная кирпичная псевдоготическая башня начала XIX века, похожая на Белую вежу в Каменце. Раньше её венчал железный купол с высоким шпилем.

Башня расположена на острове, попасть на который можно через подъёмный мостик. В прошлом башня выполняла обзорно-сторожевую функцию. Сейчас это излюбленное место отдыха, которое при желании и наличии определённой суммы денег даже можно арендовать. Внутри помещение имеет вполне комфортный вид, а старинный камин создаёт атмосферу особого уюта. Поэтому этот романтический уголок частенько облюбовывают молодожёны и VIP-персоны, резервирующие пребывание здесь за несколько месяцев до намеченной даты.

Несвижский замок

Мирский замок

Лидский замок

Дом-крепость в Гайтюнишках

Живописный ландшафт Новогрудка

Дворец в Ружанах

Фрагмент замка в Любче

Белая дача

Башня в Ворнянах

Дом Ваньковичей

Лошицкая усадьба до реставрации

Интерьер дворца Булгаков

Усадьба в деревне Красный Берег

Усадьба в Прилуках

Дворец Румянцевых-Паскевичей в Гомеле

Церковь в Маломожейкове

Церковь в Сынковичах

Часовня рода Ожешко в деревне Закозель

Брестская крепость

Софийский собор

Коложская церковь

Костел в Гервятах

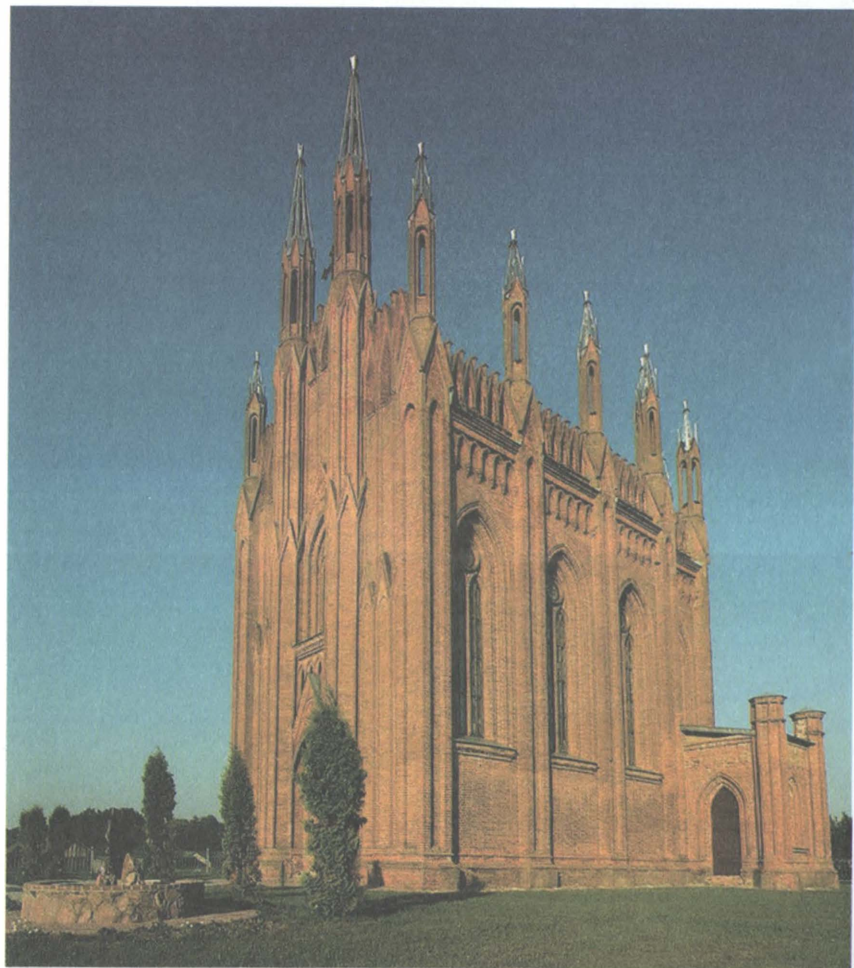
Костел в деревне Большая Рогозница

Костел в Мосаре

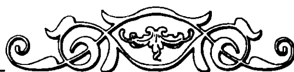
Костел в Гнезно

Часовня в деревне Богушевичи

В историческом центре Пинска

Храм в Сарье

Глава 13

КАМЕННЫЕ КРУЖЕВА ПАМЯТИ:

часовни-усыпальницы

Важной частью культуры любого общества являются погребальные традиции. Ритуальная практика возведения безалтарных храмовых построек в честь умерших и для проведения неканонических обрядов зародилось еще во времена Древнего Рима. А на землях Киевской Руси разновидность кладбищенской часовни – «божонка» – впервые упомянута в летописи под 1109 годом: «преставилась Евпраксея, дочь Всеволода... и положена была в Печерском монастыре... и сделали над ней божонку, где лежит тело её».

На территории Беларуси в XIX веке часовни (каплицы) довольно часто возводили представители знатных родов в память о предках.

Эпоха романтизма оказала заметное влияние не только на развитие литературы, философии, музыки и живописи, но и на характер архитектурных сооружений. Именно в этот период получили распространение неоготические часовни-усыпальницы, которые можно подразделить на несколько типов: однопролетные, квадратные в плане, и многопролетные, имеющие прямоугольную либо иную симметричную форму плана, как, например, восьмигранник в часовне Неселовских (деревня Сервач Гродненской области), построенной в 1851 году.

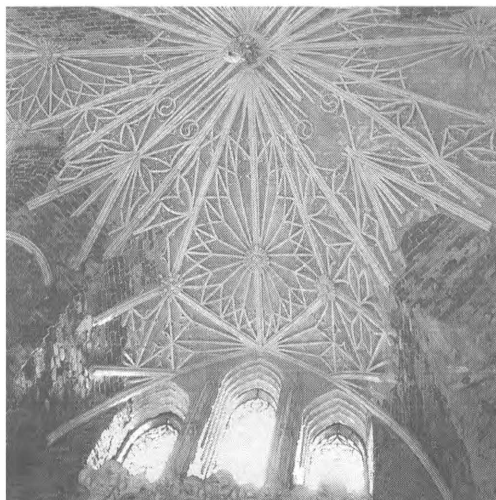
В появлении подобных сооружений немалую роль сыграл принцип: если шляхтич финансировал постройку храма в городе, его потом там и хоронили. Если же он жил в загородном имении, там, как правило, возводилась родовая усыпальница. Другими словами, часовни были важной частью усадебных комплексов, поэтому их архитектуре уделяли много внимания.

Большинство часовен-усыпальниц, уцелевших до наших дней, выстроено из камня либо кирпича, при этом в ряде случаев присутствует перекрытие нервюрными сводами и украшение фасадов фи-

лигранными декоративными деталями, а углы завершают миниатюрные башенки-пинакли. По своим размерам часовни также бывают весьма разными.

Одним из характерных примеров довольно крупных сооружений данного типа является часовня-усыпальница рода Ожешко, построенная в 1849 году архитектором Франциском Ящольдом в деревне Закозель Брестской области. Она отличается наиболее сложной кровлей: традиционные восемь скатов здесь совмещены с четырехгранным шатром, увенчанным шпилем. В ее стилистике отчетливо видно английское влияние, особенно в интерьере, где присутствует искусно выполненная штукатурная имитация сложного звездчатого свода со свисающим замковым камнем и множеством дополнительных нервюр, образующих причудливый орнамент, подобный кружеву.

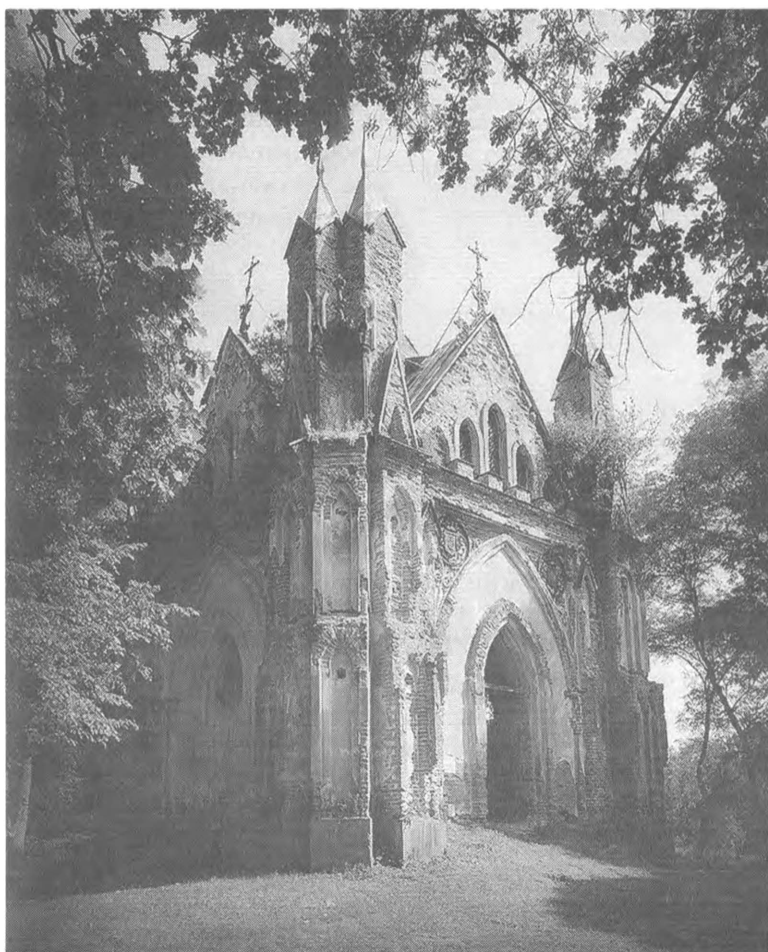
Готические кружева украшают своды каплицы Ожешко

Эта часовня выстроена из кирпича и оштукатурена, а ее фасады дополнительно декорированы отлитыми из металла геральдическими щитами. Каждый из ее четырех фронтонов украшен пятью стрельчатыми арками, причем две боковые арки представляют собой ниши, а три центральные — оконные проемы. К центру фронтона высота этих арок увеличивается. Подобный композиционный прием характерен именно для английской готики. В углах стрельчатых ниш часовни раньше стояли скульптуры евангелистов (не сохранились), а окна были заполнены цветными витражами в ажурных рамах. Стрельчатый входной портал в верхней части был декорирован круглыми гербами рода Ожешко, выполненными в виде чугунного художественного литья.

Часовня и сегодня, несмотря на полуразрушенное состояние, впечатляет гармонией форм и выразительной динамичной компо-

зицией. Под ней располагалась крипта с захоронениями владельцев, вход в которую освещали два фонаря, установленные на деревянных столбах. Сравнительно недавно археологи обнаружили там останки былых обитателей имения, детали интерьера, бронзовое литье, а также три фрагмента слуцкого пояса с растительным орнаментом.

Планируется в перспективе открыть в этой часовне Музей белорусских шляхетских родов данного региона. Место выбрано не случайно, ведь поблизости, в парке пейзажного типа, находятся руины усадебного дома рода Ожешко, представители которого занимали

Часовня рода Ожешко и сегодня поражает воображение

Писательница Элоиза Ожешко неоднократно посещала деревню Закозель

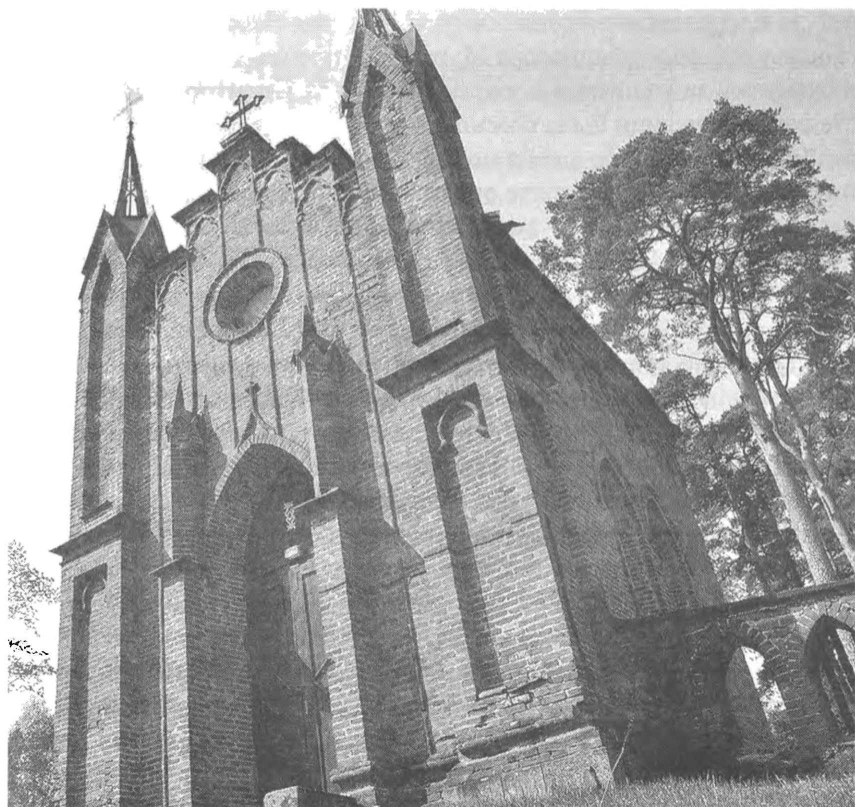
важные посты в Великом Княжестве Литовском и в Речи Посполитой. Усадьбу часто посещала известная писательница, активная участница национально-освободительного движения в Беларуси Элоиза Ожешко (до замужества — Павловская, 1841–1910), подписывавшаяся также псевдонимом Габриэла Литвинка. А в небольшом потайном помещении высокого шпиля часовни, согласно преданию, скрывался от преследования царских жандармов один из руководителей национально-освободительного восстания 1863 года, уроженец Кобринщины Ромуальд Траугут (1826–1864).

Несколько иную архитектурную тенденцию иллюстрирует часовня-усыпальница в усадьбе графов Плятеров, возведенная в 1858 году. Она находится в небольшой деревне Ахремовцы, расположенной в Браславском районе на Витебщине, на берегу живописного озера Дривяты. Неоготическое сооружение среднего размера из красного кирпича находится прямо у трассы и соседствует с католическим кладбищем. Главный фасад, завершенный ступенчатым фронтоном, фланкирован башенками-пинаклями с металлическими шпилями, напоминает кирпичные фасады средневековых зданий Любека и Ростока. В плане часовня прямоугольная с трапециевидной апсидой.

Есть на что подивиться в Ахремовцах и помимо часовни. В частности, на парк Бельмонт, являющийся памятником садово-паркового искусства и заложенный во второй половине XVIII — начале XIX века. Ранее парк примыкал к двухэтажному каменному дворцу, возведенному во второй половине XVIII века Гильзенами, которым принадлежало имение. В конце XVIII века хозяином дворца стал известный в свое время авантюрист, итальянский граф Никколо Мануцци, хорошо знавший последнего короля Речи Посполитой — Станислава Августа. Существует даже версия, что наследник графа на самом деле был внебрачным сыном монарха.

А во время войны 1812 года в Бельмонтском дворце располагалась ставка командующего Западной армии фельдмаршала Михаила Барклая де Толли. В это же время здесь побывал император Александр I, затем на три дня останавливался французский маршал, он же Неаполитанский король Иоахим Мюрат (1767–1815). Отсюда он вел активную переписку, в том числе с Наполеоном, а также сочинил несколько стихов, которые позже были положены на музыку. По преданию, Мюрата задержали в Бельмонтах романтические отношения с хозяйкой имения Констанцией Плятер. Кстати, к одной из ветвей рода Плятер принадлежала легендарная графиня Эмилия Францевна Броэль-Плятер (1806–1831) — белорусская Жанна д'Арк, воспетая Адамом Мицкевичем в стихотворении «Смерть полковника».

Часовня (каплица) в Ахремовцах

Еще один знаменитый род — Свенторжецких — фигурирует в перечнях дворянских семей Виленской, Минской, Могилевской, Витебской и Смоленской губерний. Среди участников восстания 1863–1864 гг. известны четыре представителя этой фамилии, трое из которых были из тогдашней Минской губернии, где и успели оставить после себя не только богатые воспоминания, но и достойное архитектурное наследие.

После подавления восстания 1863 года многие его участники попали под суд: некоторые были казнены, некоторых сослали в Сибирь или во внутренние губернии России. Так, в феврале 1864 года за участие в создании революционной организации в Минске были сосланы на жительство в город Чембар Пензенской губернии под строгий полицейский надзор Анна и Чеслав Свенторжецкие. Сын их, Болеслав, после разгрома его отряда бежал сначала в Москву, а оттуда по поддельному паспорту за пределы России, в Париж. По приказу генерал-губернатора Муравьёва, прозванного «вешателем», в отместку за участие в восстании усадьба Свенторжецких в местечке Богушевичи была сожжена.

Лишившись всего у себя на родине, Болеслав не обрел покоя и на чужбине. Через год после описанных событий он потерял самого близкого ему человека — свою жену Лауру, скончавшуюся во Франции 25 мая 1864 года. А еще через два месяца, 22 июля, в ссылке умер его отец. Несчастный Болеслав, вконец утратив душевный покой, окончил свои дни, застрелившись из пистолета. Дочь Свенторжецких София так и не вернулась в родные места, а проживала в Венеции. По тем временам она считалась одной из крупнейших землевладелиц губернии, ведь в ее распоряжении находилось 38751 десятин земли, которые впоследствии были проданы по суду за долги отца: накануне восстания Болеслав Свенторжецкий одолжил огромную сумму денег у соседей-помещиков, которая и была взыскана с его дочери после продажи имений.

В октябре 1863 года прихожане местечка Богушевичи обратились к Минскому архиепископу Михаилу с просьбой передать им в пользование вместо сгоревшей в 1862 году приходской церкви «каплицу», находящуюся в саду бывшей усадьбы помещика Свенторжецкого. Свою просьбу они мотивировали тем, что «каплица эта построена трудами и почти собственными средствами прихожан во время нахождения их в крепостной зависимости». Просьба о передаче часовни православному приходу была удовлетворена. Одной

из причин в пользу такого решения был тот факт, что перед восстанием Болеслав Свенторжецкий использовал это строение в качестве склада оружия. К сожалению, у новоиспеченных владельцев средств на реконструкцию часовни не оказалось. Так и продолжает ждать этот архитектурный шедевр — когда же его приведут в божеский вид?

Сама эта усыпальница (костёл Божьего Тела), входившая в состав паркового ансамбля Свенторжецких, необычна по своему объемно-пространственному решению. Это пример центрической планировочной композиции, достаточно редкой для зданий неоготического стиля. Сооружение имеет план в форме правильного шестиугольника, углы которого укреплены контрфорсами, возвышающимися над коньками кровли и завершенными небольшими шпилями-фиалами. С востока к зданию примыкает прямоугольная апсида, а с запада — также прямоугольный притвор, с главным порталом стрельчатого очертания. Здание увенчано шестигранной башенкой, завершенной шатром и прорезанной стрельчатыми оконными проемами, возведенной в центре двенадцатискатной кровли на шести фронтонах.

Примечательно, что часовня находится на территории древнего городища милоградской и зарубинецкой культур, что дополнительно подтверждает историко-культурное значение местечка.

И наконец, вспомним о часовне-усыпальнице в Грушевке, или, как её именовали ранее — Грашовке Брестской области.

Она поражает и размерами, и суровой красотой. Главный вход оформлен стрельчатым порталом в ступенчатой прямоугольной нише. Фасад завершает высокий остроугольный щипец, увенчанный крестом. Боковые фасады имеют лепной ромбовидный фриз, окна большие стрельчатые с готическими переплетами. Интерьер свода украшен сплетениями нервюр. Апсида декорирована утонченной накладной стрельчатой аркатурой.

Сооружённая в 1910 году на месте внезапной смерти магната Юзефа Рейтана, часовня выглядит как настоящий готический храм. На Юзефе оборвался старинный род, поэтому над его гробом по традиции разломали родовой герб и атрибуты рыцарского звания. А попали Рейтаны в Беларусь в конце XVII века, когда король Речи Посполитой Ян III Собеский подарил имение краковскому рыцарю Рейтану, особо отличившемуся 12 сентября 1683 года в знаменитой

битве с турками и татарами под Веной. Так одна из ветвей рода Рейтанов осела в Беларуси.

Первым владельцем Грушевки был Михаил Казимир Рейтан, передавший фольварк в наследство своему сыну Доминику, который стал видным государственным деятелем. Он, в свою очередь, построил здесь оригинальный усадебный дом и дворик в стиле классицизма.

Рейтаны были людьми предприимчивыми, владели кирпичным и винокуренным заводами, водяными мельницами и сукновальней, позднее занимались разведением английских лошадей, швейцарских и голландских коров.

Именно в Грушевке родился, умер и был похоронен «пан из Чёрной Руси» Тадеуш Рейтан, герой Разделительного сейма 1773 года, на котором утверждался Первый раздел Речи Посполитой. Этот белорусский Дон Кихот был поистине неординарной личностью. Ярый патриот, он всячески пытался воспрепятствовать дроблению своей родины на части, прекрасно понимая, в отличие от большинства тогдашней шляхты, что этот процесс приведёт к катастрофе. Когда все возможные средства протеста были исчерпаны, Рейтан, добиваясь от Сейма противостояния разделу, не выпускал депутатов из зала заседаний — лёг перед выходом со словами: «Убейте меня, не убивайте Отчизну!» Этот акт отчаяния запечатлел на полотне великий польский художник Ян Матейко. Картина называется «Рейтан. Упадок Речи Посполитой».

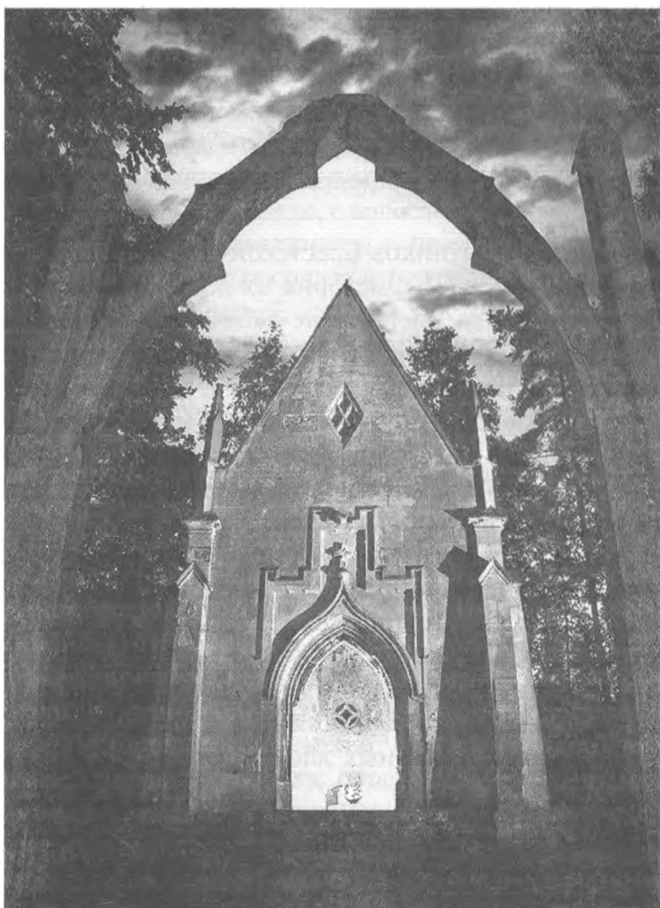

Тадеуш Рейтан был готов пожертвовать жизнью ради единства Отчизны

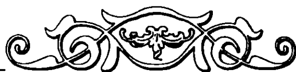
В 1932 году в Грушевке был установлен памятник самоотверженному магнату, однако до наших дней он не сохранился. Зато, кроме усыпальницы, уцелела заложенная одновременно с ней лиственничная аллея длиной 110 метров. Любопытно, что в 1991 году в восстановленном костёле в Ляховичах повесили колокол из грушевской часовни — единственную уцелевшую реликвию Рейтанов. Колокол спас в годы последней войны местный житель, грушевский конюх. Сама же Грушевка с недавних пор находится под опе-

кой волонтёров, организующих творческие пленэры и стремящихся предотвратить окончательный упадок родового гнезда достославного шляхетского рода.

В целом, окидывая взором ту часть архитектурного наследия, которая связана с погребально-ритуальной практикой, невольно вспоминается фраза из популярной песни: «Что-то с памятью моей стало...» В самом деле, похоже, что нечто нехорошее произошло с нашей культурно-исторической памятью, поскольку целый ряд уникальных памятников данного профиля, обладающих высокой художественной ценностью, на сегодняшний день находятся в аварийном состоянии и очень давно ждут серьёзной реставрации.

Мистическая красота часовни в Грушевке

Глава 14

ТАЙНЫ ДРЕВНИХ ЦИТАДЕЛЕЙ: Брестская и Бобруйская крепости

Одна из самых главных человеческих потребностей – потребность в безопасности. Люди всегда стремились защититься от разнообразных внешних угроз – будь то стихийные бедствия или нашествия врагов. Во втором случае для этих целей строились укрепленные сооружения из дерева, земли, камня, кирпича... Самые известные постройки такого рода в Беларуси – Брестская и Бобруйская крепости.

О мужестве защитников Брестской крепости слагали поэмы и снимали фильмы, история их подвига обрастала легендами, но ни одна легенда не смогла затмить исторической правды — настолько невероятной она была. Старинный город Брест, изведавший немало осад и сражений, в числе первых принял на себя внезапный удар вооруженных сил нацистской Германии рано утром 22 июня 1941 года. Кстати, вопреки общепринятым представлениям, штурм Брестской крепости осуществляли не немецкие, а австрийские части Вермахта.

И пока высокопоставленные обитатели Кремля, отказываясь верить в нападение вчерашнего союзника, раздумывали о стратегии дальнейших действий, группа солдат и командиров из состава брестского гарнизона встала на пути агрессоров*. Они же, оказавшись заложниками большой политики, в послевоенные годы долго оставались ненужными коммунистической пропаганде. В частности, одного из самых известных защитников Брестской крепости,

* Войска, дислоцировавшиеся в самой крепости и вокруг нее, сразу же после начала артиллерийского обстрела и воздушной бомбардировки ушли оттуда в места боевого развертывания — в близлежащие леса. В крепости остались те, кто не имел права покинуть ее: офицеры, старшины, солдаты и вольнонаемные служащие ряда штабов, комендантских рот, хозяйственных и складских подразделений, а также жены и дети командного состава. Вот они и стали «защитниками Брестской крепости». — *Прим. ред.*

майора Петра Гаврилова (1900—1979), попавшего в плен тяжело раненным, после освобождения исключили из партии за ...утрату партбилета!

А рожденные по указке сверху многочисленные мифы о Великой Отечественной войне должны были скрывать главную причину трагедии Красной Армии — ее неподготовленность к отражению агрессии извне. Она создавалась исключительно для вторжения в Западную Европу, при этом предполагалось, что вторжение будет осуществлено «могучим ударом, малой кровью!».

Героические действия защитников Брестской крепости в июне — июле 1941 года невозможно описать в нескольких абзацах. Многие интересные факты, связанные с событиями лета 1941 года, остаются малоизвестными большинству обывателей.

Так, даже через два месяца после вторжения защитники крепости небольшими группами или в одиночку нападали на вражеские патрули. Некоторые из них принимали поистине мистические образы в рассказах солдат Вермахта, как, например, «фрау мит пистоле» (женщина с пистолетом) — мрачная женщина с закопченным лицом, в изодранной одежде, с волосами, свалявшимися в колтун. Она скрывалась в развалинах и тоннелях, внезапно стреляя оттуда по ночам в дежурных солдат и почти не промахиваясь. Все попытки поймать или убить её остались тщетными. Кудлатую даму считали призраком из подземного мира, духом мести и смерти. Впрочем, не исключено, что это была вполне реальная, движимая отчаянием жена какого-нибудь командира, потерявшая в первые дни войны свою семью.

Город над Бугом, именуемый когда-то Берестьем, имел собственный деревянный замок уже в конце X века. Места слияния рек издавна считались сакральными (обладающими магической силой), поэтому существует легенда, что древние волхвы указали именно на это место для создания нового поселения.

Первоначально Берестье входило в состав Пинско-Туровского княжества, затем, в XIV—XVI веках, принадлежало Великому Княжеству Литовскому. В 1795 году, переименованный в Брест-Литовск, город вошел в состав Российской империи.

В первой половине XIX века, когда царизм уделял особое внимание вопросам удержания в своих руках земель бывшего ВКЛ, российские власти построили здесь мощную крепость. Вопреки распространенным мифам, она вовсе не была пограничной. Гра-

ница так называемого Западного края с Царством Польским проходила тогда в 70 километрах западнее Бреста. Да и само Царство Польское тоже являлось частью Империи. Главным предназначением Брестской крепости, равно как и Бобруйской, являлся контроль над землями Беларуси, захваченными Россией в ходе «разделов Речи Посполитой» в 1772, 1793 и 1795 годах. В этих крепостях находились сильные гарнизоны, артиллерия, склады оружия, боеприпасов и различного военного снаряжения.

Как бы там ни было с назначением, 1 июня 1836 года в торжественной обстановке был заложен первый камень будущего «сердца» крепости — Цитадели. В основание казармы заложили памятную бронзовую доску и шкатулку с монетами. Спустя 117 лет, в 1953 году, их нашли при разборке завалов в крепости.

Кстати, именно в период строительства, с 1836 по 1842 год, были уничтожены почти все исторические постройки древнего Берестья, а в двух километрах восточнее вырос новый город. Вот так по воле российского самодержца Николая I, прозванного за крутой нрав «Николаем Палкиным», были утрачены важные памятники древности.

Некоторую часть наследия прошлого удалось восстановить благодаря кропотливой работе археологов. Сегодня на территории крепости (на Госпитальном острове) существует археологический музей «Берестье», где можно своими глазами увидеть берестейское городище XI–XIII веков. Музей впечатляет и размерами, и содержанием: со смотровой площадки открывается прекрасный вид на огромный павильон, где на глубине четырех метров представлены откопанные остатки двух улиц древнего города с мостовыми и тремя десятками различных строений.

Сама же крепость расположилась на острове, омываемом двумя рукавами реки Мухавец и Бугом, а её центральное укрепление состояло из Цитадели — многоугольной сомкнутой двухэтажной казармы протяженностью 1,8 км (!). Толщина внешней стены достигала двух метров, в ней были устроены многочисленные бойницы и амбразуры. С запада, севера и юга Цитадель прикрывали три отдельных укрепления (так называемых предмостных) — соответственно Тереспольское, Кобринское и Волынское. Все предмостные укрепления защищал десятиметровый земляной вал (с кирпичными казематами внутри), а перед ним находились специально прорытые и заполненные водой рвы.

Фактически весь объект был разделен на три острова и береговую часть, общей площадью около 4 кв. км. Коммуникации обес-

Вид на Брестскую крепость

печивали 9 больших и малых мостов, переброшенных через реки и каналы. Цитадель имела около 500 казематов, способных вместить 12-тысячный гарнизон с припасами и амуницией, необходимыми для многомесячной обороны. Внешняя оборонительная линия крепости составляла протяженность 6,4 км. Этот комплекс соединил в себе военную мощь и черты архитектурного ансамбля. Например, канатный мост, перекинутый через Буг и соединявший Цитадель с Тереспольским укреплением, был самым совершенным во всей Российской империи.

Но вскоре грянула промышленная революция, и чисто военное значение Брест-Литовской твердыни стало быстро ослабевать. Уже к началу 80-х годов XIX века специалисты понимали, что для сохранения боевого потенциала крепости необходимо существенно ее перестроить. Но, во-первых, на это требовалось много денег, а во-вторых, особой нужды в такой перестройке не было. Политическая ситуация в Северо-Западном крае после подавления восстания 1863–64 гг., отмены крепостного права и широкомасштабной русификации перестала служить источником головной боли для Санкт-Петербурга.

Лишь в 1909 году было принято решение о модернизации всего оборонительного комплекса путем возведения пояса бетонных фортов и долговременных батарей на удалении 6–7 км от Цитадели.

План предусматривал ассигнования в размере 2 млн рублей ежегодно в течение 10 лет. Но работы начались только в 1912 году.

Объемы работ впечатляли — укрепления требовали 30 тысяч кубометров бетона, на приготовление которого ушло столько же щебня и 8000 тонн лучшего цемента. Стройматериалы доставляли подрядчики по договорам с инженерным управлением крепости. На самых ответственных участках работ трудились особые бригады специалистов, называемых «голлендорами» (бытовало убеждение, что они потомки голландцев). Голлендоры отсыпали валы с помощью легких повозок, кузов которых составляли три широкие доски — днище и боковины. Самой же высокооплачиваемой была команда тачечников — в неё собрали людей огромной выносливости и силы, способных работать по 10 часов в день. И немудрено, ведь каждая тачка, кроме собственного веса, вмещала 200 литров свежего бетона. Несмотря на все старания, до весны 1915 года, когда российская армия под ударами немцев ушла из Бреста, строительство нового кольца укреплений не было завершено.

После подписания в 1918 году соглашения, известного под названием Брестский мир, в крепости хозяйствовали немцы, затем Красная Армия, после ее разгрома под Варшавой в августе 1920 года — поляки. Последние использовали крепостные постройки как казармы, военные склады и тюрьму для политзаключённых.

На сегодняшний день из восьми ворот крепости сохранились пять — Холмские (на юге цитадели), Тереспольские (на юго-западе), Северные, или Александровские (на севере Кобринского укрепления), Северо-западные (на северо-западе Кобринского укрепления) и Южные (на юге Волынского укрепления, на Госпитальном острове). Кстати, некоторые жители Госпитального острова по ночам слышат звуки, похожие на громыхание цепи. Оказалось, существует предание о том, что в стены давно исчезнувшего мужского монастыря заживо замуровали четверых монахов, скованных одной цепью. За какие прегрешения их постигла столь печальная участь — не известно.

На территории крепости создан всемирно известный мемориальный комплекс, включающий в себя главный монумент «Мужество», штык-обелиск, скульптурную композицию «Жажда», площадь церемониалов, три ряда мемориальных плит с захоронениями погибших солдат, руины и уцелевшие сооружения крепости, музей обороны и многое другое.

Помимо крепости, отдельного внимания заслуживают находящиеся по соседству фортификационные сооружения, из которых в

ВАЖНЕЙШЫЯ ЎЧАСТКІ АБАРОНЫ КРЭПАСЦІ 22 чэрвеня—канец ліпеня 1941 г.

1 Усходнія вароты
2 Усходняя частка галоўнага вала
3 Усходні рэдзюіт (форт)
4 Паўночныя вароты
5 Дамы начсаставу
6 Заходні рэдзюіт (форт)
7 Размяшчэнне 125-га стралковага палка
8 Паўночна-заходнія вароты
9 Руіны Белага палаца
10 Казарма 33-га асобнага інжынернага палка
11 Руіны Брэсцкіх (Трохарачных) варот
12 Руіны казармы 455-га стралковага палка
13 Руіны клуба 84-га стралковага палка
14 Руіны будынка Інжынернага ўпраўлення
15 Руіны казармы 44-га стралковага палка
16 Брыгіцкія вароты
17 Цярэспальскія вароты
18 Руіны казармы 333-га стралковага палка
19 Руіны казармы пагранічнікаў
20 Участак казармы 132-га асобнага батальёна ўнутраных войскаў НКУС
21 Холмскія вароты
22 Участак казармы 84-га стралковага палка
23 Група лейтэнанта Жданава
24 Участак абароны групы старшага лейтэнанта Ф.М.Мельнікава
25 Участак абароны групы старшага лейтэнанта А.С. Чорнага
26 Варшаўскі праезд
27 Руіны шпіталя
28 Будынак школы малодшых камандзіраў 84-га стралковага палка
29 Паўднёвыя вароты

туристических целях используется только пятый форт, расположенный в районе Волынка. На самом деле это малая часть всего того, что хранят от непосвящённого взгляда окрестности Бреста.

К примеру, в форте «А», построенном в 1912–1915 гг., рядом с деревней Козловичи, размещён биологический заказник Барбастелла, территорию которого облюбовали летучие мыши. В оборонительных сооружениях сформировался пещерный микроклимат: высокая влажность — до 95 процентов, и плюсовая температура 1–5 градусов, благоприятная для зимовки рукокрылых. Зимующая в фортах Брестской крепости популяция летучих мышей является самой многочисленной в Беларуси, а также одной из крупнейших в Европе. Доминирующим видом является широкоушка европейская. Этот вид летучих мышей относится к категории особо уязвимых и охраняется как на территории Беларуси, так и в других странах, внесён в Красный список международного союза охраны природы ЮНЕСКО. Обрели здесь место для зимовки и занесённые в Красную книгу Беларуси кожанок северный, ночница наттерера, а также новые для республики виды — ушан серый и нетопырь пигмей, которые в последние годы перебрались сюда с территории Польши. В последние годы из новых видов на зимовке здесь замечен двухцветный кожан. Весной, после зимовки в более теплых странах Европы, сюда возвращаются нетопырь карлик, лесной нетопырь, ночница водяная. Виды, которые водятся в Беларуси, питаются исключительно насекомыми. Так, одна мышь за вечер может съесть до 50 мух и 500 комаров. Кроме того, летучие мыши являются индикаторами окружающей среды. Они селятся только в экологически благополучных местах.

Главная проблема заказника — защита рукокрылых зверюшек от вандалов, неоднократно жестоко уничтожавших часть местной популяции. Несмотря на то что для мышей строят специальные домики, а окна сооружения закрывают прочными решетками, обезопасить безобидных обитателей форта от их главного врага — человека по-прежнему сложно. Так что и теперь комплекс Брестской крепости нуждается в защитниках, хотя уже совсем другого рода...

С животными, правда, абсолютно иного характера, связывается в сознании многих современников другой город, обладающий своей крепостью. В эпоху новейшей истории провинциальный Бобруйск настигла внезапная слава. Случилось это после распространения виртуального мема «В Бобруйск, животное!». О каком кон-

кретно животном в данном случае шла речь, непонятно. Вполне возможно, что имелось в виду «животное общественное», согласно терминологии Аристотеля. Тем не менее местные жители успешно подхватили волну конъюнктурного интереса, спровоцированного Интернет-пользователями, и радостно принимают организованные группы и туристов-одиночек из России, желающих самолично увидеть, что же диковинного есть в Бобруйске.

Часть Бобруйской крепости в наши дни

Между прочим, предпосылки к туристическому наплыву заложил знаменитый литературный тандем Илья Ильф — Евгений Петров, описавший в романе «Золотой телёнок» (1931 г.) следующую ситуацию:

«Никому не нужны были видавшие виды Москва, Ленинград и Харьков. Очень плохой репутацией пользовались также далекие, погруженные в пески восточные области. Их обвиняли в незнакомстве с личностью лейтенанта Шмидта. — Нашли дураков! — визгливо кричал Паниковский. — Вы мне дайте Среднерусскую возвышенность, тогда я подпишу конвенцию. — Как? Всю возвышенность? — заявил Балаганов. — А не дать ли тебе еще Мелитополь впридачу? Или Бобруйск? При слове «Бобруйск» собрание болезненно застонало. Все соглашались ехать в

Бобруйск хоть сейчас. Бобруйск считался прекрасным, высококультурным местом».

В благодарность за этот призыв бобруйчане увековечили образ Шуры Балаганова в виде соответствующей скульптуры. Немало здесь памятников и бобрам, по всей видимости, давших название городу, впервые упомянутому в летописи под 1387 годом. Однако главной достопримечательностью является Бобруйская крепость, построенная по указу императора Александра I от 10 августа 1810 года.

Появилось это сооружение в историческом центре города, при слиянии рек Березина и Бобруйка, на месте древнего замка. Военные снесли здесь все постройки, включая церкви, замок XIV века и дворец XVII века, здание ратуши, торговые ряды, мельницу.

Строительство вели в основном крепостные крестьяне из Минской, Черниговской и Могилёвской губерний, из каждой пригнали сюда до 500 подвод. Различные регионы империи поставляли стройматериалы. Например, выход через восточные ворота был сооружён из каменных плит, доставленных с Кавказа. На одной из этих плит весом около 2 тонн можно прочесть надпись: «...Кавказа... доставлено сие на землю белорусов... апрель, 27 дня 1811 г.». Материалы привозили также из Карелии, Украины, Урала. И это в условиях отсутствия железных дорог. Много мужиков погибло на этой «стройке века». Фактически цитадель поднималась на костях...

К началу войны 1812 года успели возвести на правом берегу Березины 5 бастионов, казармы, здание госпиталя, превратили в арсенал бывший иезуитский монастырь, насыпали валы, выкопали рвы. Крепость получила на вооружеие 330 орудий различных калибров. Стены бастионов имели толщину от 7 до 10 кирпичей, и были непробиваемые для тогдашних пушек.

На территории крепости, общей площадью 120 гектаров, были ботанический сад, бульвар, общественный сквер. В городском саду часто играл военный оркестр, офицеры устраивали в Бобруйске званые вечера, куда приглашали знатных горожан.

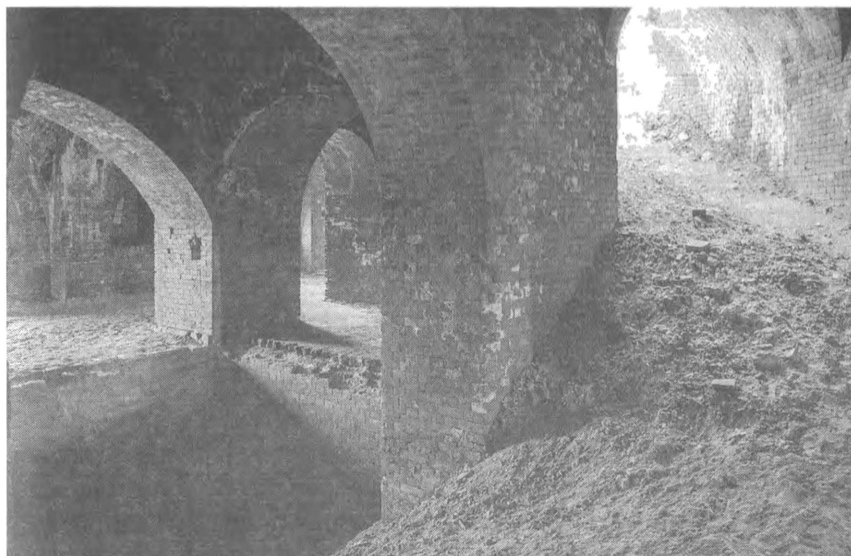
Войска Великой армии Наполеона впервые появились в окрестностях Бобруйска в конце июля 1812 года. Однако блокаду Бобруйска они начали только с 4 сентября. В основном, крепость осаждали польские части, воевавшие на стороне французов. Их было до 12 тысяч человек при 12 пушках. При таком соотношении сил и артиллерии нечего было даже думать о штурме крепости. Тем более что русские к обороне подготовились основательно: боеприпасов должно было хватить на год, продовольствия — на 6 месяцев. Это

для 7 тысяч солдат и офицеров, находившихся внутри крепостных стен. Поэтому уже 12 октября польский генерал Ян Домбровский приказал своим подчинённым уйти.

Блокада Бобруйска продолжалась всего 39 дней и обошлась без активных боевых действий сторон. Тем не менее, российские историки любят говорить и писать — вопреки фактам — о «четырёхмесячной героической обороне Бобруйской крепости», считая ее началом 27 июля, а окончанием — 28 ноября (в тот день из окрестностей Бобруйска ушли полевые заставы поляков, наблюдавшие за перемещениями российских войск).

В 1817 году император Александр I посетил крепость и приказал построить нагорное укрепление, чтобы в случае боевых действий не дать неприятелю воспользоваться господствующей высотой для размещения своей артиллерии. Новое сооружение назвали в честь прусского короля Фридриха Вильгельма. Это был мощный форт, состоявший из высоких валов и глубоких рвов, земляных и кирпичных огневых сооружений. Так, возле самой реки разместился пятиугольный земляной вал (люнет) с казематами внутри. В тыльной части укрепления соорудили каменную стену с двумя рядами бойниц и въездными воротами.

Однако по своему прямому назначению форт никогда не использовался — всю свою историю он служил тюрьмой. Уже в 1826

Подземелья Бобруйской крепости

году в казематах форта «Фридрих Вильгельм» содержались политические арестанты. Первыми узниками стали члены тайных обществ филаретов и филоматов — студенты и преподаватели Виленской академии и Свислочской гимназии. После подавления восстания декабристов в Петербурге в Бобруйскую крепость отправили 16 осуждённых заговорщиков. Условия пребывания здесь были крайне тяжёлыми, поэтому не зря А.И. Герцен писал: «Пусть Сибирь, пусть что угодно, только не эта страшная тюрьма на Березине».

Отголоски правдивых историй и слухов о жестоком обращении с заключёнными в Бобруйске дошли до писателя Валентина Пикуля и вдохновили его на создание рассказа «Бобруйский мешок». В рассказе идёт речь о яйцевидной камере, где «всё и всюду было овальное, даже койка и столик изгибались, повторяя кривизну камеры». Существование такой камеры вызывает большие сомнения, тем не менее, это одна из самых популярных легенд о Бобруйской крепости. Если «каменный мешок» действительно существовал, то не иначе как в форте «Фридрих Вильгельм», который до наших дней не сохранился.

В 1886 году цитадель превратили в крепость-склад, а в 1897 вообще списали со счетов как стратегический объект, там расположился дисциплинарный батальон. А в период Второй мировой войны нацисты устроили здесь «лагерь смерти».

В послевоенные годы вопрос о дальнейшем использовании крепости долго не могли решить. Было очевидно, что в XX веке прежняя цитадель не могла служить полноценным оборонительным сооружением. В 1967 году в город приехал новый командующий Белорусским военным округом генерал Иван Третьяк. Он приказал разрушить и разобрать крепость. Но крепчайшая кладка и мощный фундамент выдержали взрывы зарядов тротила.

Перед тем, как Бобруйской крепости был присвоен статус охраняемого государством памятника архитектуры, она успела побывать складом, местом молодёжной тусовки, даже жильём для бомжей...

В перспективе цитадель ожидает реконструкция. В одном из бастионов планируется разместить филиал городского краеведческого музея, в другом будет строиться Ледовый дворец, рассчитанный на 7 тысяч мест и ориентированный на проведение соревнований международного уровня. Пока же здесь периодически наводят порядок волонтёры, а художники и керамисты организуют пленэры. Словно магнит, посетителей притягивают сюда живописные окрестности с богатой историей и длинные подземные лабиринты крепости, таящие в себе много загадок.

Глава 15

ПРОМЕНАД ВДОЛЬ ПРИТОКОВ ДНЕПРА: усадьбы и дворцы

В первой половине XIX столетия в северной части Беларуси были записаны версии оригинального предания, описывающего космогонический процесс сотворения всего сущего. Особый интерес представляет вариант предания, опубликованный в рижской газете «Голос белоруса» в 1920-е годы. В нём метафорически поясняется, каким образом в междуречье Двины и Днепра поселились племена белорусов, а сами реки, соответственно, стали «матерью и отцом городов белорусских».

Согласно преданию, когда мир только начинался, то ничего нигде не было. Везде стояла мёртвая вода, а среди воды торчал то ли камень, то ли ещё что. Однажды бог грома и молнии Перун разыгрался и давай швырять стрелы в этот камень. От его стрел выскочили три искорки: белая, желтая и красная. Упали те искорки на воду; от этого вся вода замутилась, и мир замутился, как тучи. Но через некоторое время, когда всё просветлело, ясно стало — где вода, где земля. А чуть позже завелась всякая жизнь — и в воде, и на земле. Леса и травы, звери и рыбы, а потом и первый человек завелся, имя которому было князь Бай. У Бая были две собаки — Ставры и Гавры. С ними князь ходил на охоту. Когда он умер, собаки достались его сыну Белополю. По завету отца тот отпустил на волю собак, поймав предварительно двух птиц: одну с Балтийского моря, другую с Черного. Птицы полетели каждая в свою сторону, собаки побежали за ними, а вслед потекли две крупнейшие реки Восточной Европы, две главные водные артерии Беларуси — Двина и Днепр.

Ландшафты вдоль притоков Днепра чрезвычайно живописны, богаты историей и самобытными памятниками архитектуры. Да и сам «батька» Днепр величествен и прекрасен, особенно в период

разлива. Это можно, к примеру, увидеть, проезжая весной через Жлобин — старинный город, окрестности которого представители рода человеческого облюбовали ещё в бронзовом веке. Увы, несмотря на весьма солидный возраст города, памятников седой старины в нём не сохранилось, а основные ассоциации преимущественно связаны с известными далеко за пределами страны рынком мягкой игрушки и градообразующим предприятием «Белорусский металлургический завод».

Зато в находящемся в двух десятках километров от Жлобина местечке Красный Берег автобусы с туристами — не редкость. Причины тому — старинная усадьба Готовского и скорбный мемориал детям — жертвам войны, фигурирующий под неофициальным названием «Детская Хатынь».

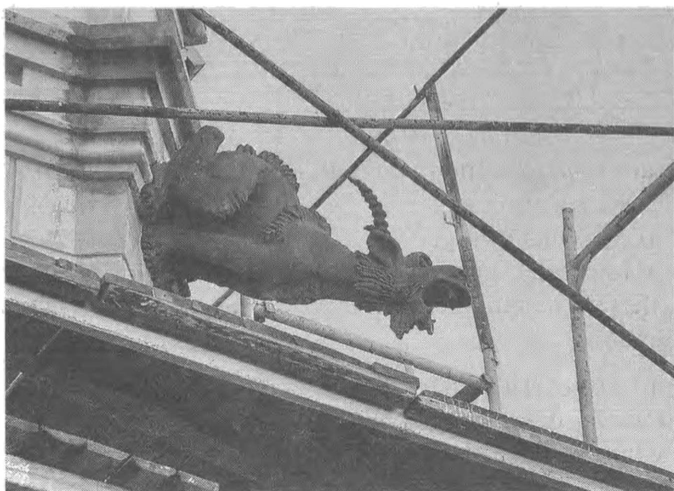
Располагается Красный Берег вблизи одного из притоков Днепра — речки Добосна. В отличие от множества посёлков с искусственной советской топонимикой (наподобие Красный Коммунар), название Красный Берег является историческим и, по мнению краеведов, происходит от необыкновенной красоты яблоневого сада, произраставшего некогда здесь на берегу. Сейчас на его месте высажены молодые деревья.

Но если красоту прежнего сада можно лишь представлять в воображении, то красоту построенной в конце XIX века усадьбы генерал-лейтенанта инженерии Михаила Готовского можно оценить воочию. О строительстве здания в документах сказано:

> «За 400 привезенных из Бобруйска кирпичей помещик Поплевский, начавший строительство особняка в живописном местечке Красный Берег, платил крестьянам, говорят, по 5 копеек. И желающих заработать (за несколько поездок можно было купить корову) хватало с избытком. Известь для кладки гасилась предварительно в специальной яме целый год. Воздвигли настоящий памятник архитектуры — двухэтажный особняк из 36 комнат, отделка которых не повторяется. Стройка была завершена в 1893 году. Здание не пострадало во время войны, потому что в нем располагались госпитали — красноармейский, а затем и немецкий».

Хозяин поместья, генерал Готовский, не снискал боевой славы — по данным энциклопедий, до выхода в отставку в 1876 году он занимал пост инспектора работ инженерного управления Кавказского военного округа. Позже он подарил имение своей дочери в качестве приданого, а она, в свою очередь, оформила его на му-

Так выглядела усадьба Готовского в старину

Вот такие химеры украшают усадьбу Готовского

жа — Викентия Козел-Поклевского, принадлежавшего к одной из ветвей старинного шляхетского рода Козел-Поклевских, берущего начало с 1415 года. При большевиках усадебно-парковый комплекс был национализирован, ныне на его территории располагается аграрный колледж.

В архитектуре усадьбы превалирует модерн, а также прослеживаются черты неоренессанса и неоготики. Мансардные крыши, остроугольные щипцы и слуховые окна, эркеры и шатры башен подчеркивают силуэтную выразительность. Особый вид зданию придаёт необычное сочетание оштукатуренных побеленных и краснокирпичных стен, серебристых чешуйчатых шатров и декоративных элементов из камня-песчаника.

Как утверждают историки, во дворце были готические, ренессансные, романские залы и даже помещение в арабском стиле. О готике напоминают стрельчатые оконные проёмы, химеры на водостоках и массивная неоготическая въездная брама. Усадьба гармонично сочетает рококо, маньеризм, ампир и французский клас-

Въездные ворота (брама) к Краснобережской усадьбе

Интерьер усадьбы Готовского

сицизм — всего до десяти различных стилей, что делает её настоящей энциклопедией по истории оформления интерьера. «Изюминка» здания — бальный зал, полностью соответствующий эпохе Людовика XVI. Такой эффект обеспечивали камины, орнамент на стенах, богатая лепнина, стилизованная резьба, специально подобранная мебель, светильники, венецианский хрусталь, французский фарфор и английский фаянс.

Ранее в усадьбе была собрана большая коллекция живописи с произведениями Ивана Айвазовского (1817–1900), Генриха Семирадского (1843–1902), Гавриила Кондратенко (1854–1924) и ряда других художников, сейчас здесь черпают вдохновение наставники будущих аграриев.

Совсем иные ощущения охватывают при посещении расположенного рядом мемориального комплекса «Детям — жертвам Великой Отечественной войны». Идею краснобережской композиции выносил и воплотил тот же автор, который участвовал во второй половине 1960-х годов и в создании мемориального комплекса на месте сожженной Хатыни, — архитектор Леонид Левин.

Ключевой элемент композиции — хрупкая бронзовая девочка-подросток с поднятыми над головой скрещивающимися руками. Она как бы защищается от некоего неотвратимого ужаса, но уже осознает, что нет даже мизерной надежды на спасение. По ступенькам посетители попадают на площадь Солнца, где стоят витражи, выполненные по сохранившимся рисункам детей из концлагерей. От площади идут восемь лучей: один — чёрный, остальные — золотистые. Последние пронизывают путь к детским мечтам, чёрный же ведет в искажённую войной реальность... На нём в три ряда стоят выполненные из бетона белые школьные парты, символизирующие большой школьный класс. Понятно, что за эти парты дети никогда не сядут... Вернее, приезжающие сюда школьники и взрослые за них садятся (это не возбраняется) — но лишь для того, чтобы глубже вообразить всю трагедию случившегося здесь.

В краснобережский лагерь смерти узников свозили из нескольких районов тогдашней БССР. Отбирали детей в возрасте от 8 до 14 лет. Фигурка девочки в начале мемориала не случайна: большинство попадавших сюда — именно девочки. У них чаще всего встречались первая группа крови и положительный резус-фактор. Тети и дяди в белых халатах вели себя с жертвами без особой строгости, но кровь забирали у них до последней капли. А тем, кто еще подавал признаки жизни после такой процедуры, губы смазывали смертельным ядом. Иным детям «везло» больше — их отправляли донорами в Германию и там забирали у них кровь для раненых офицеров и солдат Вермахта. По архивным сведениям, из этого лагеря нацисты вывезли около двух тысяч детей, в том числе 15 юных жертв были из самого Красного Берега.

В ста километрах от Красного Берега расположен областной центр — город Гомель, в котором тоже есть на что посмотреть кроме живописного вида на реку Сож — приток Днепра.

Главная гомельская достопримечательность — дворец Румянцевых-Паскевичей, построенный в конце XVIII века. Перед тем как белорусские земли оказались в составе Российской империи, местный деревянный замок был вотчиной канцлера ВКЛ, князя Михаила Чарторыйского. Будучи патриотом, он отказался присягнуть новой власти, тем самым лишив себя всего имущества, в том числе замка. Нового хозяина Гомелю долго ждать не пришлось. Императрица Екатерина II подарила город прославленному полководцу, генералу-фельдмаршалу Петру Румянцеву-Задунайскому. Последний

решил, что с политической и военной точки зрения деревянный замок на берегу Сожа утратил свое значение и приказал его снести. Так закончилась история Гомельского замка и началась история Гомельского дворца.

Надо отметить, что, желая укрепить «русское начало» в присоединённых белорусских землях (никогда здесь не существовавшее), российская императрица широко использовала практику дарения военначальникам и своим фаворитам местных городов и местечек. Так, генерал А.В. Суворов получил в подарок за штурм Варшавы большое имение в пригороде Кобрина, светлейший князь Григорий Потёмкин — город Кричев, граф Семён Зорич — город Шклов и т.д. При этом Екатерина II поощряла своих сановников на создание в этих имениях дворцово-парковых ансамблей с целью распространения в крае имперской идеологии. Именно это стало причиной передачи П. Румянцеву-Задунайскому дополнительно ещё и 100 тысяч рублей на строительство в Гомеле роскошной резиденции.

В 1785 году состоялась закладка фундамента главного дворцового корпуса, строительство которого было завершено в начале 1790-х годов. В результате на естественной возвышенности на берегу Сожа появилось компактное двухэтажное здание на высоком цоколе, с кубоподобным бельведером в центре, накрытым большим куполом. Внешний декор дворца был выполнен в стиле раннего классицизма. Главным украшением фасадов являлись портики коринфского ордера — четырёхколонный парадный и шестиколонный парковый. По всему периметру здания прямоугольные оконные проёмы, размещённые в два ряда, чередовались с пилястрами, что придавало дворцу величественную монументальность.

Внутренняя планировка тоже имела центричный характер. При этом более высокий первый этаж полностью занимали парадные помещения, второй — жилые комнаты, а цокольный использовался для хозяйственных нужд и размещения прислуги. Входя в здание, посетители попадали в просторный вестибюль, который вёл в главный квадратный парадный зал дворца, дополненный со всех сторон широкими нишами и обрамлённый рядами высоких коринфских колонн, поддерживающих открытые галереи второго этажа. Освещался главный парадный зал большими окнами бельведера, а его высота в те времена достигала 25 метров. По бокам от этого зала находились ещё четыре обширные парадные гостиные, что позволяло Румянцевым устраивать поистине роскошные приёмы для десятков, а в исключительных случаях — и сотен знатных гостей. Интерьеры первого этажа дворца поражали самую избалованную пуб-

лику: тематические и орнаментальные росписи, покрывавшие всё внутреннее пространство стен, изящная лепнина, выполненная в технике имитации под белый мрамор, картины, бронзовые ажурные люстры и разнообразные предметы искусства лучших европейских мастеров.

В 1796 году Гомель в очередной раз сменил хозяина. После смерти Петра Румянцева-Задунайского во дворец вселился его сын — член Государственного совета, сенатор, будущий министр иностранных дел Российской империи Николай Румянцев. Считая Гомель своей главной резиденцией, он, по признанию современников, превратил его из относительно небольшого местечка в красивый европейский городок с каменными административными, общественными, жилыми и культовыми сооружениями.

Наибольшее внимание сенатор уделил дальнейшему обустройству своего дворца. Для продолжения работ был выписан из Англии известный архитектор Дж. Кларк, который в начале XIX века осуществил достройку Гомельского дворца. По желанию хозяина, по бокам главного корпуса возвели прямоугольные двухэтажные флигеля (первый этаж занимали хозяйственные помещения, второй — гостиные и кабинеты). Необходимость перестройки объяснялась потребностью в новых помещениях для размещения постоянно увеличивающихся собраний искусства и библиотеки.

Николай Румянцев был одним из самых известных коллекционеров своего времени, который, по сути, опустошил значительную часть архивов местных католических и униатских монастырей, а также участвовал после изгнания войск Наполеона в расхищении магнатских музеев и картинных галерей. Все эти несметные сокровища после смерти сенатора в 1826 году вывезли в Москву, где книжные и архивные фонды стали основой для создания знаменитой Румянцевской библиотеки (потом она называлась Ленинской, сейчас стала Национальной), а многочисленные коллекции живописи, скульптуры, этнографии, археологии, нумизматики стали основой для создания других российских музеев. Белорусам следует знать, что самое ценное в этих музеях — раритеты, украденные русскими завоевателями в Беларуси.

Следующим хозяином Гомеля стал второй сын Петра Румянцева-Задунайского — известный дипломат и государственный деятель Сергей Румянцев. Однако он предпочитал жить в Петербурге и не дорожил отцовской резиденцией в провинции. Уже в 1828 году он заложил Гомель в Государственный заёмный банк, а в 1834 году вообще передал его государству.

Гомельский дворец на старой фотографии

С разрешения императора Николая I город Гомель купил за 800 тысяч рублей довольно известный российский генерал-фельдмаршал князь Иван Паскевич-Эриванский. Этот полководец вошёл в историю рядом побед над войсками Османской империи, в ходе которых был, кстати, завоёван Азербайджан, а также жестоким подавлением национально-освободительного восстания 1830–1831 годов в Польше. Иван Паскевич для своей главной резиденции выбрал Гомельский дворец, который по этой причине подвергся очередной перестройке.

Необходимо было увеличить общее число помещений и хотя бы частично избавиться от казарменной сухости утратившего к тому времени популярность классицизма. В итоге был избран компромиссный вариант, благодаря которому дворец в Гомеле обрёл черты уникального памятника архитектуры. Главный корпус практически не изменился внешне — лишь несколько подкорректировали вид парадного портика и бельведера, украсили крышу скульптурами и привезёнными из Польши чугунными балюстрадами, достроили полуциркульную веранду со стороны парка. А вот боковые флигеля подверглись существенной реконструкции. Северный полностью утратил классические черты и стал трёхэтажным. Южный же разобрали до основания, и на его месте воздвигли оригинально декорированную 4-ярусную башню-павильон в неоренессансном стиле, с часами-курантами. Этот элемент дворца нарушал общую симмет-

рию и классическую строгость резиденции, но зато полностью соответствовал моде царившего тогда романтизма. Огромный же флаг, поднятый над башней, извещал горожан о присутствии в резиденции генерал-фельдмаршала.

Серьёзной переработке подверглись внутренние интерьеры. Здесь всеми работами руководил специально приглашённый из Италии скульптор и декоратор Винценто Винценти. К середине 1850-х годов дворец обрёл новое лепное убранство парадных и жилых помещений (в том числе маски и гирлянды), появились чудесные оконные витражи, был заменён паркет, поставлены новые камины из искусственного мрамора, комнаты украсили многочисленные статуи и другие художественные шедевры российских и европейских мастеров. В башне расположилась картинная галерея, а также богатейшая коллекция ваз, подаренных генерал-фельдмаршалу российским императором Николаем I и прусским королём Фридрихом-Вильгельмом IV.

В 1856 году Иван Паскевич умер. Большая часть его имущества перешла к сыну Фёдору, осуществившему небольшой «косметический» ремонт комплекса. В дальнейшем дворец практически не претерпел никаких изменений. Однако в 1870–1889 гг. в парке появилось новое оригинальное сооружение — часовня в псевдорусском стиле, которая стала семейным склепом рода Паскевичей.

В 1903 году, после смерти князя Фёдора Паскевича, Гомельский дворец перешёл в собственность его вдовы Ирины Паскевич (урожденной графини Воронцовой-Дашковой). Именно она первая стала придавать разнообразным семейным коллекциям вид публичного музея. Проведённая при ней систематизация собраний показала, что общее число накопленных предметов искусства перевалило за три тысячи. Наибольшую художественную ценность имели коллекция англо-французских стеклянных изделий, собрания саксонского, китайского и русского фарфора, персидских, немецких, турецких и бухарских ковров и гобеленов. Множество редких и затейливых вещиц находилось в коллекции мелкой пластики. Высоко ценились нумизматическая коллекция, собрание археологических древностей и богатейшая библиотека.

Сегодня в отреставрированных помещениях дворца действуют музейные экспозиции, работают выставочный и концертный залы, проводятся разнообразные торжественные мероприятия.

А отъехав от Гомеля всего семь километров на юго-восток до посёлка Кореневка, можно посетить имение под названием «Охотничий домик князя Паскевича». В 1834 году Кореневка стала владе-

нием Ивана Паскевича, после чего на южной окраине посёлка было построено кирпичное здание, которое вначале использовалось как винокуренный завод. Однако в 60-е годы XIX века сооружение превратилось в красно-белую усадьбу с живописным парком, прудом и столетними дубами вокруг него. Владельцы усадьбы нередко приезжали сюда поохотиться.

Охотничий домик в Кореневке

Сегодня на месте некогда процветавшего поместья находится Кореневская экспериментальная лесная база Института леса Национальной академии наук Республики Беларусь, где круглогодично выращивают и поставляют в торговую сеть грибы вешенки. Сама усадьба пережила реконструкцию и теперь на первом этаже здесь разместились служебные помещения и кабинеты, а второй этаж переоборудован в конференц-зал.

В поисках подлинных свидетельств старины следует заглянуть и в городок Ветка, точнее в Ветковский музей народного творчества, находящийся не где-нибудь, а на Красной площади! Такое наименование, вероятно, связано с тем, что город основали в конце XVII века староверы, бежавшие из Московии от преследований патриарха Никона.

Именно здесь сформировался центр старообрядчества, преследуемого на территории России светскими и церковными властями. А название города краеведы связывают с тем фактом, что русло реки Сож здесь разветвляется подобно ветке дерева.

В истории города немало трагических событий. В частности, в Ветку дважды (в 1735 и 1764 гг.) вторгались царские войска для «выгона» староверов назад, в Россию (тем самым грубо нарушая суве-

ренитет ВКЛ как составной части Речи Посполитой). А в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС 26 апреля 1986 года городок подвергся сильному радиоактивному загрязнению и значительная часть жителей покинула его.

Знаменитый Ветковский музей народного творчества, несмотря на своё периферийное местоположение, пользуется большой популярностью у посетителей. Он был открыт в 1978 году по инициативе и на основе личной коллекции местного жителя, выходца из старообрядческого рода Фёдора Шклярова, который тогда и не предполагал, что со временем фонды музея разрастутся до 10 тысяч экспонатов.

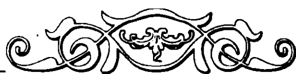
Бывший купеческий дом стал музеем народного творчества в Ветке

Музей использует здание бывшего райкома партии (для хранилища экспонатов), а также дом купца Грошикова — памятник архитектуры XIX века. Здесь хранятся уникальные старопечатные книги: издания Яна Фёдоровича (более известного как Иван Фёдоров) и Петра Мстиславца, Андроника Тимофеева Невежи и Василия Гарабурды. Гордостью музея является первая книга, вышедшая на территории Украины, львовский «Апостол», изданный в 1574

году. Помимо этого можно увидеть книги из Кремлёвских соборов с записями и комментариями царей, представителей духовенства и учёных.

Неизменный интерес вызывают витиеватые узоры резных деревянных изделий, старообрядческие иконы, археологические находки, собрания служебных рисунков иконописцев XVIII–XX веков, коллекции артефактов, созданных при помощи техники шитья бисером, ритуальные ручники и предметы традиционного регионального убранства. В одном из залов расположена экспозиция восстановленного купеческого быта и представлена коллекция самоваров. Кроме того, туристы могут полюбоваться рушниками и национальной одеждой белорусов, а также узнать о священном значении наносимых узоров и связанных с ними таинственных историях.

Столь богатое разнообразие культурно-исторических объектов южного региона белорусского Поднепровья подводит к мысли о том, что поговорка «жители Гомельщины — это белорусы со знаком качества» вполне справедлива.

Глава 16

ДВОРЦОВЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК МОГИЛЁВЩИНЫ: Добосна, Кричев, Могилёв

Всем известно, что столицей Беларуси является город Минск, но немногие знают о том, что в конце 1930-х годов он вполне мог лишиться своего высокого статуса. В то время правительство БССР рассматривало вопрос о переносе столицы в... Могилёв. К счастью (или к сожалению?) великое переселение не состоялось. Однако в том, что Могилёвщина – край особый, сомневаться не приходится. Есть там и свой Бермудский треугольник, почитаемый любителями архитектуры, куда включены деревня Жиличи, небольшой городок Кричев и, конечно же, сам Могилёв.

На севере Кировского района Могилёвской области берёт начало река Добосна, впадающая ниже города Жлобина в Днепр. На этой реке находится деревня, название которой ранее совпадало с названием реки, но сейчас она называется Жиличи.

По сведениям известного исследователя дворянских усадеб Речи Посполитой Романа Афтанази, в XV веке имение Добосна принадлежало князьям Трабским. В XVI веке Альбрехт Гаштольд Виленский, воевода и староста Гольшанский, получил его в числе других от своей сестры. После смерти в 1542 году его сына Станислава (последнего из Гаштольдов этой линии) все наследственные имения рода перешли во владение Новогрудского воеводы Александра Ивановича Ходкевича. С первой четверти XVII века эти земли на два столетия стали собственностью знаменитого рода Сапег. В первой четверти XIX века имение Добосна приобрели представители шляхетского рода Булгаков, которые владели им до начала XX века.

Строительство здесь дворца и преобразование прилегающей территории в парк было инициативой Игнатия Булгака. Дворец начали

Дворец в Жиличах (рисунок Н. Орды)

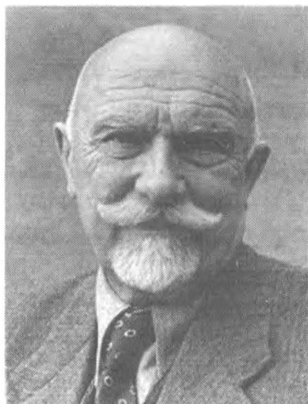
возводить в 1825 году. Строительством изначально руководил воспитанник Петербургской академии художеств архитектор Клабуковский, а на втором этапе в нём принял участие известный уроженец Гродненской области, архитектор Карл Подчашинский. В Географическом словаре королевства Польского (1881 г.) отмечается, что И. Булгак «...возвёл невиданной роскоши дворец с сотней комнат, частной капеллой и украсил дворец художеством».

Многие просматривают в чертах Добосны схожесть с французскими дворцами, и это не случайно. Игнатий Булгак участвовал в войне 1812 года и вместе с русской армией дошел до Парижа. У него была возможность полюбоваться шедеврами французской архитектуры. Кроме того, он собрал неплохую коллекцию картин известных европейских мастеров.

После возвращения домой Булгак организовал успешное хозяйство площадью до 30 га, а также начал строительство дворца. В целом же он был активным политическим деятелем: занимал должности лидского ротмистра и предводителя дворянства Бобруйского уезда. У него было девять детей, из которых усадьбу унаследовал младший сын Эдгар. Тот, в свою очередь, в 1914 году продал Добосну своему племяннику Эммануилу, который пробыл в имении недолго — сразу после революции эмигрировал во Францию.

Доводилось бывать в здешних местах и знаменитому фотографу Яну Булгаку (1876–1950), сделавшему в усадьбе и её окрестностях более 30 снимков. На фотографиях дворец предстаёт уже в несколько измененном виде по сравнению с тем, что осталось на акварелях Наполеона Орды.

Прежняя Добосна — это целый дворцово-парковый комплекс, в состав которого входил не только дворец, но и великолепный парк, а также несколько искусственных водоёмов. Двухэтажный дворец имел П-образную форму. Он строился в два этапа. Сначала был возведён главный корпус, а через некоторое время к нему пристроили крыло, в котором размещалась капелла и дополнительные жилые помещения. Согласно традициям классицизма, дворец был увенчан бельведером с куполом, в средних проемах которого со стороны главного и дворового фасадов помещались часы. Во время пребывания владельца во дворце над ним поднимался флаг.

Знаменитый фотограф Ян Булгак неоднократно бывал в Жиличах

Главными акцентами гладких декорированных пилястрами стен появлялись величественные, во всю высоту здания портики с балконами. Фронтоны портиков заполнены барельефами с гербами владельцев. Два боковых корпуса тоже имели портики. Та часть, где расположился встроенный храм, немного отличалась от остального дома арочными окнами и широко расставленными пилястрами. В другом крыле нашла себе место тропическая оранжерея. На лето экзотические пальмы, кипарисы и апельсины пересаживались в парк.

Дворец отличался специфическим расположением комнат. Гость сначала попадал в вестибюль, из которого вели двери в служебные помещения первого этажа и лестница на второй этаж, где были парадные покои. Интерьер дворца потрясал — обилие декоративных деталей, тщательная отделка, много дерева, дорогая мебель и зеркала. Особый интерес представляли лепные потолки. В некоторых покоях на стенах были лепные полихромные украшения и орнамент. Здания дворца замыкались кольцом, образуя огромный внутренний двор (сравнимый с современным футбольным полем). Частью комплекса была купальня с эффектной колоннадой, которая не сохранилась.

Вестибюль на первом этаже казался небольшим и тёмным из-за четырёх массивных квадратных столбов. В дальнем от парадного входа в столовую углу находились двери, которые вели в буфетную, а с неё на чёрную лестницу, по которой прислуга спускалась в кухню. Смежная с залом гостиная по размеру относительно небольшая, в ней есть второй ряд окон. Наличие балкона из коридора третьего этажа, крупные членения лепного фриза и потолки с фигурками кариатид и женскими масками свидетельствуют о том, что здесь проводились официальные приёмы. Гостиная со стороны столовой решена более камерно. Верхний ряд окон украшен изысканными лепными фризами, а также круглыми розетками с фигурками купидонов. Видимо, это была комната, в которой вдоль стен стояли мягкие диваны. Третье по величине парадное помещение во дворце — хорошо декорированная спальня.

Кариатида в Жиличском дворце внушает уверенность в сохранности памятника

Поскольку Игнатий Булгак был любителем музыки, все помещения отличаются исключительной акустикой. Есть даже специальный потайной этаж, по которому музыканты незаметно для гостей могли пробираться на балкончики, где они играли.

Славился Жиличский дворец и сборами предметов искусства, среди которых были живописные полотна, древние гобелены, слуцкие пояса, рыцарские доспехи и оружие. Собрание книг насчитывало около 7000 томов.

Дворец Булгаков по своим размерам обгонял даже резиденцию Радзивиллов в Несвиже, ведь его основатель хотел построить себе

самый прекрасный дом во всей стране. Его корпуса изолированы от деревни, они расположены в гуще приусадебного парка.

Парк в Жиличах украшали многочисленные скульптуры, уютные беседки и павильоны, ажурные мостики. Он занимал территорию в 18 га, а весь дворцово-усадебный комплекс располагался на территории 100 га. В парке росли редкие виды деревьев, например клен серебристый, ясень пенсильванский, лиственница европейская.

Жиличский дворец успешно пережил все войны и революции XX века. В него ни разу не попала бомба, тут не было ни одного пожара. В 1920-е годы в этом здании открыли школу рабочей молодёжи, а в 1930-е годы — сельскохозяйственный техникум. В годы Второй мировой войны немцы приспособили здание дворца под госпиталь, а в парке сделали кладбище, где хоронили умерших немецких солдат. Помимо этого, на первом этаже располагались склады продовольствия, на втором — помещения для гарнизона. Тем не менее, в послевоенные годы тут исчезли все признаки пребывания немцев, даже кладбище не пощадили — оно было перепахано. В 1996 году во дворце открылся Жиличский музей.

Сейчас в Жиличах продолжается реконструкция. В 2011 году была полностью реконструирована часть комплекса, в которой расположилась Жиличская школа искусств. Восстанавливается и придворный костёл, а в планах — отстроить ещё и потерянный во время войны южный корпус. Ведется работа по обновлению парка и прудов усадьбы. И хотя первоначальный облик дворцово-паркового комплекса существенно изменился, его ключевая часть в скором времени может обрести вид такого же уникального архитектурного шедевра, каким она являлась при своих первых хозяевах — Булгаках.

С другой, не менее именитой фамилией — князя Григория Потёмкина-Таврического, связана главная достопримечательность старинного городка Кричев, находящегося неподалёку от российской границы. Город известен в летописных источниках с XII века. Позднее он перешёл под контроль Мстиславского княжества, которое в 1359 году вошло в состав ВКЛ. В 1633 году город получил Магдебургское право. В первой половине XVIII века Кричевщиной владел князь Иероним Радзивилл.

После Первого раздела Речи Посполитой (1772 г.) владельцем Кричева стал надворный маршалок великий коронный граф

М. Мнишек. За отказ присягнуть Екатерине II владения графа были конфискованы в пользу государственной казны и подарены императрицей князю Потёмкину, который лишил город самоуправления, а жителей перевёл в крепостные. Тем не менее, своим главным архитектурным творением сегодняшний Кричев обязан именно этому фавориту императрицы.

Дворец в Кричеве строил известный русский архитектор Иван Старов, он также был автором Таврического дворца в Петербурге. Здание по форме напоминает букву «Е» — в честь Екатерины Великой. Сама императрица была в Кричеве только раз — 19 января 1787 года, во время своей поездки по присоединённым губерниям. Очевидцы говорят, что государыня не только пообедала, но и переночевала во дворце. А в ее честь, согласно письменным источникам, «на дворе перед дворцом горела великолепная иллюминация до самого рассвета».

Строился кричевский дворец в стиле классицизма, для которого характерна симметричность. Планировка его была анфиладной, на главной оси постройки находился овальный зал, который выступал во внутренний двор полукружием. У здания было два боковых крыла, а между ними выступал полукруглый ризалит, который выходил на полукруглую террасу. Эта терраса спускалась в сторону парка.

Потёмкин владел Кричевом и дворцом не очень долго. В 1787 году он продал его Яну Голынскому, внук которого Стефан впоследствии перестроил дворец в неоготическом стиле. С фасада исчезли все декоративные элементы в классическом стиле. Самым большим изменениям подвергся вход. Изначально его украшал портик с балконом и четырьмя колоннами. После перестройки вход во дворец выделялся неоготическим ризалитом с гранёными пилонами. Перестройкой дворца руководил швейцарский архитектор Бернар де Симон.

Сохранилось описание дворца в Кричеве в 1914 году. Вестибюль его был разделён на две части колоннадой. В глуби вестибюля были две дубовые лестницы, ведущие на второй этаж, его стены покрывало оружие, доспехи и щиты. Тут же висели прекрасно сохранившиеся гусарские доспехи, которые, скорее всего, принадлежали Юзефу Голынскому.

Во дворце было 72 комнаты. Три комнаты справа от вестибюля были жилыми. Две комнаты, что также располагались в правом крыле, назывались «епископскими», потому что там раньше жил епископ. В 1855 году в Кричеве сгорел костёл, и Стефан Голынский

разрешил проводить богослужения во дворце, даже выделил для этого место. Там же, в правом крыле, размещались и хозяйственные помещения, а также — комнаты для прислуги и ванная. Слева от вестибюля была библиотека, спальня хозяев и будуар. К библиотеке прилегал небольшой зал с окнами, выходивших во внутренний дворик.

Фасад дворца Потёмкина в Кричеве

Из библиотеки можно было пройти в столовую, которая была обставлена роскошной мебелью из чёрного дуба. На стенах висели фамильные портреты Голынских и образ Св. Николая Мирликийского византийского письма, написанный на кипарисовой доске. В столовой находилось несколько буфетов, где хранилась прекрасная фарфоровая посуда и столовое серебро. В левой части был кабинет и еще несколько подсобных помещений с кладовой. Самым значительным во дворце был овальный Портретный зал, стены которого были покрыты изумительной гипсовой лепниной.

На втором этаже дворца размещались три больших зала. Овальный Бальный зал располагался над Портретным. Главным украшением зала был прекрасно декорированный свод, с которого свеши-

валась люстра огромных размеров. В левом крыле второго этажа было два зала поменьше. В одном из них располагался архив. В этом же крыле находилась и ванная, облицованная мрамором.

Одной из самых почитаемых святынь во дворце было древнее распятие из светлого дерева. Оно хранилось в одном из залов на втором этаже. Существовала даже легенда, что пока распятие во дворце — роду Голынских ничего не грозит, и они тоже будут жить во дворце. В 1918 году распятие передали в костёл города Кричева.

Обязательным дополнением ко дворцу был великолепный парк, заложенный ещё в конце XVIII века,'главной чертой которого было наличие липовых аллей. Часть парка носила пейзажный характер, а общая площадь составляла около 10 га. В парке рос и «дуб царицы», который посадили в честь визита Екатерины II.

Попасть в усадьбу можно было через оригинальные въездные ворота, которые были построены в середине XIX века. Они представляли собой четыре стилизованные египетские пирамиды.

В 1898 году во дворце случился сильный пожар, Стефан Голынский пытался привести его в порядок, но ему помешали мировая война и революция. Позднее в здании размещались: частная гимназия, трудовая школа, школа-интернат. При этом состояние строения оставляло желать лучшего.

Полноценная реставрация дворца началась только в начале 1990-х годов и закончилась в 2008 году. Сейчас на первом этаже дворца располагается «Дом гражданских обрядов», в овальном зале проходят различные торжественные церемонии. Другие помещения отданы Кричевскому краеведческому музею. Чтобы красота, на восстановление которой было затрачено немало средств, долгие годы радовала посетителей дворца, экскурсантам при входе в здание предлагают надеть специальные бахилы.

В ближайшей перспективе насыщенный экспонатами Рыцарский зал поведает об истории Кричева — от зарождения до XVIII в., а в библиотеке можно будет увидеть подлинные книги XVII–XIX вв. Самая старинная книга, хранящаяся в музее, — «Обет душевный» Симеона Полоцкого.

Обновление коснулось и прилегающих территорий. В парке высажено более сотни новых деревьев — это клёны, липы, дубы, можжевельники и ели. Предполагается также восстановить хозяйственные постройки и конюшни.

Дворец входит в маршрут Мстиславской туристической зоны.

Не столь шикарным, как дворец Потёмкина, но тоже впечатляющим является дворец Конисского — жёлтое здание классического стиля в самом центре Могилёва. Владелец данного особняка был личностью неординарной. Мемориальная доска у входа лаконично сообщает: «В этом доме жил и работал в 1785–1795 гг. известный деятель культуры восточных славян, просветитель, писатель и политик — архиепископ Георгий Конисский». Знаменитый Пушкин называл его «одним из самых векопомных мужей XVIII века». И это отнюдь не случайно. Известно, что Конисский писал стихи и переводил их с иностранных языков. Он являлся также автором драматических произведений, курса лекций по риторике, составителем «Правил поэтического искусства».

Будучи церковным деятелем, Георгий Конисский (1717–1795) всю свою жизнь посвятил сфере образования и культуры — открывал школы, писал и издавал книги, учредил собственную типографию. Это был человек прогрессивных мыслей, кипучей энергии и многогранных интересов. В частности, живя в монастыре, Конисский занимался астрономией, наблюдая за звёздами с высокой колокольни.

Само здание дворца Конисского изначально планировалось как симметричный комплекс, обрамлённый монастырскими кельями. Оно построено архитектором из Вильни Яном Глаубицем в 1762–1785 гг. Изначально планировочная организация комплекса выражала симметрию: в глубине квартала находился сам дворец, а справа и слева от него расположились монастырские кельи, соединяясь ажурной металлической оградой с парадными въездными воротами.

План дворца — компактный прямоугольник с небольшими выступами-ризалитами в угловых частях, который членился на большие комнаты. Центральное положение в первом этаже занимали вестибюль и зал приёмов. На втором этаже находились личные покои, кабинет и библиотека владельца. Третий этаж — аттиковый — имеется лишь в средней части дворца. Здесь располагались небольшие помещения, которые предназначались, вероятнее всего, для гостей и обслуживающего персонала.

В наружной архитектуре дворца отчётливо видны типичные черты барокко: пластика в решении фасадов, ниши, сложные по рисунку наличники и т.д. Высокая, интересная своей формой крыша здания гармонирует с характером фасадов. Ворота и дворец располагаются на одной композиционной оси. В здании дворца, по слухам, обитают таинственные духи, незримые оку.

Могилёвский дворец Кониского после реставрации

Кроме дворца архиерея, в Могилёве есть масса других интересных достопримечательностей. Некоторые из них даже выглядят курьёзно. Это, к примеру, триумфальная арка, построенная в городе в честь приезда российской императрицы. Спустя без малого двести лет, с приходом в город советской власти, триумфальную арку поначалу хотели снести. Однако впоследствии передумали и сделали из неё своего рода Доску почета. Так до сих пор арка и стоит — с имперским стилем и коммунистическими лозунгами.

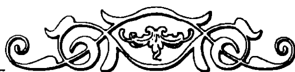
Вообще, Могилёв — город древний, основанный на трёх холмах на днепровских берегах, известный по летописям с XIII столетия, имевший ранее свой замок и три ряда укреплений. Особый интерес представляют городские легенды, о которых местные краеведы рассказывают с нескрываемым удовольствием. Среди них — не только история о богатыре Машеке, курган с погребением которого, прозванный «Могилой Льва», дал название городу.

Существует ещё и множество свидетельств паранормальных явлений, творившихся на Могилёвщине. Упоминания о них встречаются даже в сохранившихся до наших дней древних летописях и

хрониках. В одном из таких документов, к примеру, говорится, что в 1670 году в Могилёве постоянно находили письмена ярко-красного цвета. Кто-то оставлял надписи на стенах церквей, костёлов, других зданий, причём на большой — в несколько саженей (4 — 6 метров) — высоте. Появлялись они даже в запертых на замки сундуках. А бывало, жители целых кварталов поутру обнаруживали, что у них загадочным образом за ночь острижены волосы.

Согласно другим архивным хроникам, в августе 1694 года на город обрушился град величиной с грецкий орех. В июне 1695 выпал снег и пролежал несколько дней. В январе 1700 года люди увидели на небе аж три солнца, вскоре после чего началась Северная война, принёсшая могилевчанам неисчислимые бедствия. А русско-турецкую войну, по мнению летописцев, предрекали кровавого цвета столбы, появившиеся на востоке и исчезнувшие на западе. От их свечения всё вокруг казалось кровавым.

Но, безусловно, далеко не всё в истории Могилёвщины было столь мрачным. Во времена лихолетья и войн могилевчане всегда вставали на защиту родной земли. Именно благодаря доблести горожан, в 1661 году Могилёву был пожалован королевской милостью новый герб. Изображение его таково: на синем поле расположены белые замковые ворота с тремя башнями. В воротах стоит рыцарь. А на средней башне находится символ ВКЛ — Погоня. Герб этот действителен и сегодня.

Глава 17

ПОЛЕСЬЕ:

гремучая смесь культур

Если вы не знаете, где разливалось знаменитое «море Геродота» и обитало таинственное племя невров, а ужи и ящеры держались в качестве домашних животных; если вам неведомо, откуда происходит Змей Горыныч, где живут «кудесницы леса» и находятся «лёгкие Европы», выход один – отправляйтесь на Полесье. Название этого заповедного края, простирающегося на сотни километров вдоль южной границы Беларуси, впервые упоминается под 1274 годом в Галицко-Волынской летописи. В старинных польских источниках «полешане» напрямую связывались с ятвягами. Вряд ли где-то ещё можно выискать такую аутентичную экзотику, которая до сих пор сохранилась в глухих полесских деревеньках, и такое изобилие культурно-исторического наследия, которым отличаются здешние города.

Всемирную известность Полесью принесла его первозданная природа: нетронутые поймы рек, уникальные заливные леса и дубравы, последние в Европе низинные болота, где нашли своё пристанище редкие и исчезающие виды растений и животных. Этот регион считается заповедником не только природы, но и народной культуры и быта, таким своеобразным этнографическим раем.

До сентября 1939 года Полесье не разделялось на белорусское и украинское. Оно целиком входило в состав Второй Речи Посполитой. После присоединения Западной Беларуси и Западной Украины к СССР эти территории оказались в одном государстве, но всё же были разделены между БССР и УССР по условно национальному признаку, хотя некоторые исследователи склонны считать «людей на болоте» — полешуков — отдельной этнической группой со своим языком. И как утверждает один местный поэт, «Биг ны покынув шчэ Полисься, бо тут шанують Заповит» (Бог не покинул ещё Полесье, потому что здесь чтут Завет).

Познакомиться с бытом полешуков можно, посетив деревеньку Кудричи, которая насчитывает без малого 460 лет существования. Это уникальное поселение дольше других сохранило свой архаичный уклад жизни благодаря особому местоположению. Три реки, Ясельда, Пина и Припять, а также низинные болота вокруг на протяжении многих веков надежно скрывали «полесскую Венецию» от внешнего мира. До появления дороги далеко не каждый обитатель деревеньки выбирался за пределы родных болот. Обнаружили Кудричи мелиораторы, а ныне здесь нередко бывают туристы — ведь экзотики в здешних местах не меньше, чем в дебрях Амазонки!

В период весенних паводков, летних и осенних дождей островки, на которых стоят хатки с камышовыми крышами, разделяются протоками, заполненными водой. Поэтому главным способом передвижения у местных жителей издавна был водный, а основными занятиями — рыбалка, охота, животноводство и бортничество.

Блага цивилизации в кудричской версии выглядят оригинально. Так, например, первая и долгое время единственная на всю деревню телефонная розетка находилась только в доме социальных услуг, куда нужно было приходить со своим аппаратом. А местный автовокзал — это всего лишь деревянная скамейка на краю болота у самого поворота на Кудричи, где дожидаются городского автобуса местные пассажиры. Кстати, дорогу через болото, о которой мечтало не одно поколение жителей, построили только в конце XX века. По ней теперь два раза в неделю приезжает автолавка с продуктами и другими товарами под заказ.

Вообще, у Белорусского Полесья, раскинувшегося от Беловежской пущи до Приднепровской низменности, есть даже свой музей, основанный в 1924 году. Находится он в сердце региона — Пинске, который является вторым после Гродно белорусским городом по числу сохранившихся памятников архитектуры разных эпох.

Впервые в письменных источниках Пинск упоминается в «Повести временных лет» 5 ноября 1097 года при перечислении туровских владений великого князя киевского Святополка Изяславича. Изначально это было небольшое поселение, находящееся на пересечении важных торговых путей. Преимущественное развитие-приращение города происходило вдоль реки Пины — основной транспортной и хозяйственной магистрали, связывавшей горожан с сельскохозяйственной округой, угодьями, по которой также осуществлялись торговые связи и с отдаленными странами и регионами.

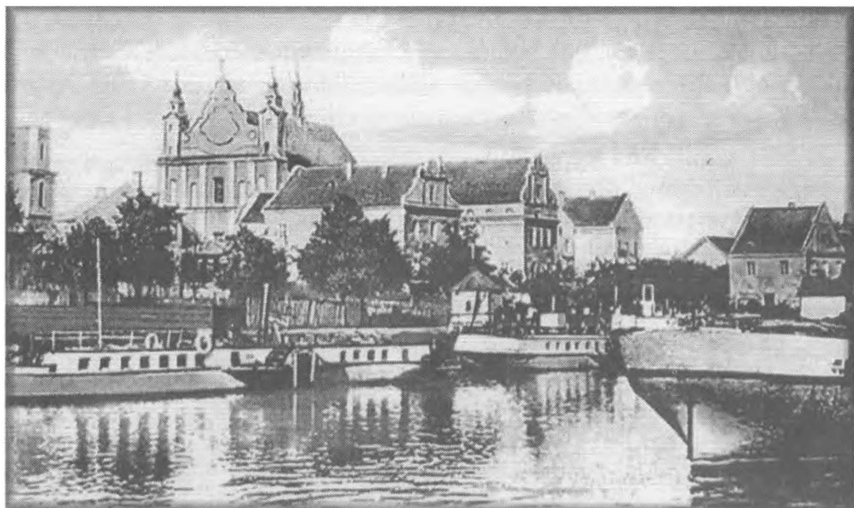

Водный транспорт издавна популярен у жителей Полесья

В XI столетии нынешняя территория района входила вначале в состав Туровского княжества, а во второй половине XII века — в самостоятельное Пинское княжество. В начале XIV века пинские земли вошли в состав Великого Княжества Литовского. В 1521 году, после смерти последнего пинского князя Фёдора, король Польский, великий князь литовский Сигизмунд I «Старый» упразднил Пинский удел, отдав его земли своей жене — королеве Боне. В 1581 году король Речи Посполитой Стефан Баторий предоставил Пинску Магдебургское право и утвердил городской герб — в красном поле золотой лук со стрелой.

В XVII веке здесь возводятся большие каменные здания, а также замок в предместье Каролин. Здания Иезуитского Коллегиума, в котором сегодня располагается краеведческий музей, и великолепный ансамбль Францисканского монастыря с костёлом придают неповторимый колорит столице полесского края.

Общепринятой датой основания первой католической обители на территории современной Беларуси — костёла францисканцев в Пинске — считается 1396 год. Способствовал этому князь мозырский, новогрудский и стародубский Жигимонт Кейстутович (1365–1440) в память о своём крещении монахом-францисканцем Винцентом. Освятил костёл (вначале он был деревянный) виленский

Пинская набережная на старой открытке

епископ Андрей Васила. К возведению каменного костёла приступили только в 1510 году, используя материал пришедших в негодность городских строений. В этом, к слову, удивительная особенность монументальных культовых и многих рядовых пинских построек. Костёл неоднократно горел и подвергался разграблениям. Возрождаясь, восстанавливался почти заново. Фасад храма был завершён только в 1766–1769 гг., одновременно с этим был возведён двухэтажный Е-образный монастырь, примкнувший к костёлу со стороны реки Пина.

Рядом в 1817 году поднялась ввысь звонница, спроектированная выпускником Болонской художественной академии Казимиром Каменским.

В августе 1921 года пожар уничтожил купол и все внутренние строения башни. В ходе восстановительных работ в 1930 году был достроен четвёртый ярус. Звонница стала ещё лучше в архитектурном смысле, заодно превратилась в доминирующую точку города. Позже наблюдательные местные жители за небольшое отклонение от оси прозвали её «Пизанской башней».

А знаменитый Иезуитский Коллегиум часто называют патриархом Пинска. И не только потому, что это здание возведено в 1635–48 гг., но и за его особую, величественную стать. Почти двухметровые стены, окна, похожие на бойницы, подземные ходы, ведущие к реке, огромные подвалы с запасом продовольствия — такое со-

оружение могло выдержать длительную осаду. В те суровые времена это было важно при обороне от неприятеля. Подобную функцию выполняла, вероятно, и небольшая, но массивная шестиугольная башня-контрфорс, размещённая на стыке двух корпусов. Она же подпирала угол здания, которому грозило обрушение из-за понижения рельефа в этом месте в сторону реки.

Фасады коллегиума своим архитектурным решением демонстрируют синтез двух стилей — ренессанса и барокко. К верным признакам ренессанса относятся прямоугольные окна, своеобразная форма наличников и открытая галерея-аркада на первом этаже. Барочные черты видны в таких элементах, как пилястры и французская «ломаная крыша». В центре фронтона размещены большие часы-куранты.

Внутри коллегиум имел коридорную систему. На первом этаже находились классы, столовая, хозяйственные помещения. Второй этаж занимали лаборатории, библиотека, здесь же жили монахи и ученики. Под коллегиумом размещались большие подвалы и подземные ходы.

Стоит отметить, что иезуитский монашеский орден был основан ещё в XVI веке в ответ на распространение в ряде европейских

Коллегиум и иезуитский костёл на открытке 1930-х г.

стран (в том числе и в Беларуси) реформаторского движения. Главными задачами ордена являлись восстановление пошатнувшегося могущества католицизма и усиление влияния на общественно-политическую и культурную жизнь европейских стран. Именно с этой целью орден инициировал повсеместное создание монастырей, которые вскоре густой сетью покрыли почти всю Европу. А для завоевания дове́рия местного населения при монастырях открывались бесплатные школы для всех желающих, аптеки и больницы. При этом наибольшее внимание иезуиты обращали именно на систему образования. Ещё основатель ордена Игнатий де Лойола писал, что будущее принадлежит тем, кто держит в руках воспитание подрастающего поколения.

Внутри коллегиум имел коридорную систему

Правда, в Беларуси католический иезуитский орден столкнулся с мощной конкуренцией со стороны протестантов, униатов и православных. Благодаря этому противостоянию началось настоящее «соревнование» между различными конфессиями. Попытки привлечь к себе как можно большее число верующих послужили одной из основных причин строительства в этот период пышных храмовых и монастырских ансамблей в стиле модного тогда барокко. Возводились же эти памятники культового зодчества преимущественно на частные пожертвования короля, магнатов и местной шляхты, благодаря которым иезуитские монастыри вскоре стали крупными землевладельцами, владеющими значительными капиталами и тысячами крепостных крестьян. Одним из самых состоятельных представительств ордена в Беларуси по праву считался Пинский колле-

гиум, в котором ежегодно проходили обучение более 700 юношей со всей Речи Посполитой.

Но не только школой гордился коллегиум: в разные годы здесь находились аптека, типография, библиотека. Кстати, здешняя аптека была первой в Беларуси. По возрасту она старше даже тех зданий в Таллинне, Риге, Каунасе и Львове, которые сейчас являются аптеками-музеями.

В 1773 году Ватикан распустил орден иезуитов. С этого времени история известного коллегиума в Пинске становится не такой благополучной. Сначала в здании коллегиума была светская школа, потом резиденция униатского епископа, затем — мужской православный Богоявленский монастырь. Лишь в 1919 году иезуиты вернулись в Пинск и спустя шесть лет открыли здесь духовную семинарию. Но в 1939 году Пинск стал советским, а в здании разместились общественные учреждения. В 1940 году два вагона уникальной литературы из коллегиума вывезли в Ленинград и возвращать в Беларусь не собираются.

В годы Второй мировой войны здание коллегиума сильно пострадало, его даже хотели снести. Но тогда бы пришлось искать помещения для большого количества различных организаций, поэтому решили здание отреставрировать.

Новая жизнь коллегиума началась, когда его отдали музею Белорусского Полесья. После основательной реставрации в 1996 году музей принял своих первых посетителей. Кроме обширного собрания живописи, здесь хранятся уникальные памятники материальной культуры. Коллекция монет насчитывает 17 тысяч экземпляров (в том числе античных). А таким обилием керамических плиток XI—XII веков (более 30 видов) не может похвастаться ни один из музеев Восточной Европы. Всего же музей насчитывает около 60 тысяч экспонатов.

Заслуживает внимания и возведённый в 1782 году на северо-восточной окраине пинского предместья Каролин каменный костёл Св. Карло Борромео. Внушительной толщины стены, почти крепостная башня, подземные ходы позволяют говорить скорее об оборонительном сооружении, нежели о молитвенном здании. Первоначально костёл был возведен из дерева в 1695 году для объединения светских ксендзов-коммунистов (варфоломитов), прибывших сюда из Италии. Между прочим, название «коммунисты» происходит от наименования ордена — «ксендзы светские, живущие в коммуне». Понятно, что ни в одной советской энциклопедии упоминания о подобной общине нельзя было встретить. А между тем

ксендзы-коммунисты занимались обучением и воспитанием молодежи, решившей посвятить себя духовному служению, для чего содержали семинарии и школы. Подобная семинария действовала и в Пинске.

В 1770 году на месте бывшего деревянного костёла члены ордена начали строительство каменного. Работы завершились к 1782 году, но освещение храма состоялось только в 1784 году.

К концу XVIII века деятельность ксендзов-коммунистов постепенно пришла в упадок, а в 1836 году их пребывание в Пинске и вовсе прекратилось. Долгое время костёл находился в запустении. Хорошо, что местная общественность прислушалась к мудрому пожеланию писателя Владимира Короткевича: «Нужно сберечь эту барочную игрушку, которой мог бы гордиться любой город Европы». Костёл восстановили, сейчас в нём действует концертный зал с компьютерным органом.

Одно из наиболее красивых зданий Пинска — дворец городского судьи и подстаросты пинского Матеуша Бутримовича, удивительным образом сочетающий в себе черты барокко и классицизма, и вошедший в историю как пинский «мур» (каменная постройка). До его строительства в 1784 году из камня в Пинске возводились в основном храмы и монастыри. Побывавший в Пинске в 40-х годах XIX века польский писатель Юзеф Крашевский заметил, что дворец напоминает «франта на деревне, который стыдится своей претенциозной архитектуры среди других домишек».

Когда-то дворец действительно имел богатые интерьеры, ныне безвозвратно утраченные. Лучше всего сохранился дворцовый фасад, обращённый к реке Пине. Здесь размещён парадный вход с крыльцом, украшенным фронтоном, и четыре боковых входа с лестницами, ведущими прямо в жилые помещения.

Дворец имеет П-образный план, тяготеющий, благодаря выступающим архитектурным элементам, к полукругу. В боковых крыльях-корпусах раньше находились жилые комнаты и кабинеты. Цокольный этаж отводился под хозяйственные помещения и комнаты для прислуги. Помещения дворца располагались по коридорному и анфиладному принципу таким образом, что залы главного корпуса образовывали две параллельные линии, переходящие с помощью угловых залов с особыми наружными входами в левый и правый каскады помещений боковых корпусов.

В наши дни дворец затерялся среди других зданий, оказался отодвинутым от реки и прижатым к узкой городской магистрали, но

при этом не утратил былой прелести. Поэтому именно оттуда начинается старт семейной жизни для пинских молодожёнов.

Вообще, каждое здание в старой части Пинска — это отдельная история. К примеру, красный кирпичный дом со срезанным углом — бывшее владение Леонтины Орды, известной просветительницы, невестки Наполеона Орды. Когда-то в этом здании находились книжный магазин и библиотека на 1400 книг, частенько заглядывал сюда и сам Наполеон Орда. Сейчас здесь магазин техники. Даже трудно себе представить, что на месте прилавка с телевизорами мог размещаться стеллаж с книгами, которые читал сам Наполеон Орда, или стоял мольберт, на котором практиковался художник.

По соседству с красным зданием — дом Наймона, в котором размещались ресторан и кондитерская Григоровича, предлагавшие ещё в середине XX века лучшие пирожные, шоколад и торты. Говорят, здесь бывали даже именитые советские артисты Фаина Раневская и Леонид Утёсов.

Пройдясь по улицам Пинска, вы поймёте, почему этот город величают полесским Иерусалимом. Издревле в Пинске находили пристанище люди самых разных вероисповеданий, в городе функционировало много храмов. В середине XVI века, например, над Пиной звенели колокола более десятка православных церквей, действовали костёл и еврейская синагога. Да и сегодня в городе зарегистрировано пятнадцать религиозных общин: десять протестантских, три православные, католическая, иудейская.

А одна из самых популярных легенд гласит, что однажды в языческие времена жители Пинска увидели невероятное зрелище. По реке Припять прямо под стены города подплыли несколько каменных крестов. Мало того что кресты держались на поверхности воды и не тонули, так они ещё и плыли против течения вверх по Днепру, а затем по Припяти до древнего Турова, бывшего некогда столицей отдельного княжества.

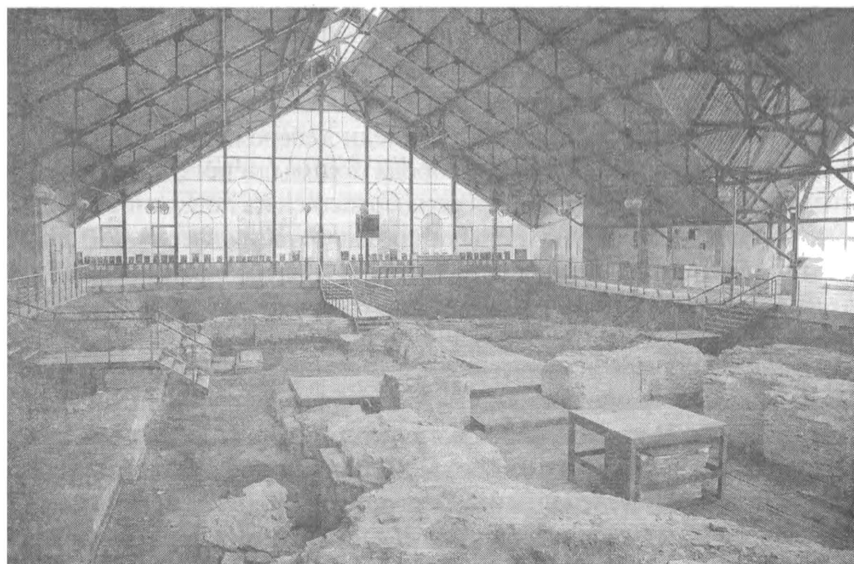
В «Повести временных лет» Туров впервые упоминается под 980 годом: «бе бо Рогволод перешел из заморья имяше волость свою Полотьске, а Тур Турове, от него же Туровици прозвашаяся». Город был основан на месте слияния двух притоков Припяти, которая, в свою очередь, впадает в Днепр, ведущий к Чёрному морю. Этот речной путь был известен ещё викингам, использовавшим его для активной торговли с Константинополем. Это был крупный экономи-

ческий, политический и культурный центр на юге современной Беларуси.

Относительно происхождения названия выдвинуто несколько версий: то ли оно пошло от дикого быка тура, то ли — от штурмовой башни (туры) или же от бога язычников-викингов — Тора. Но все-таки наиболее вероятна летописная версия, по которой своё название город унаследовал от имени основателя — князя Тура.

Считается, что в 1005 году в городе была основана первая на полесских землях христианская епархия. Хотя историк Николай Ермолович датирует её формирование ещё раньше — 991–992 гг. В XI веке было создано рукописное Туровское евангелие — один из древнейших памятников славянской письменности. А возле старинного кладбища находился Борисоглебский монастырь. Археологи раскопали здесь каменный саркофаг, в котором, кроме останков мужчины, были обнаружены длинные золотые нити, возможно, от золототканого епископского омофора. Предполагается, что это захоронение легендарного просветителя Кирилла Туровского.

Интерес туристов вызывают и самопроизвольно растущие из-под земли каменные кресты. Кроме того, в здешних окрестностях находится уникальный природный объект — Туровский луг, который весной превращается в окруженную водой сеть островов, являющихся местами обитания редких видов птиц.

Городище в Турове с фундаментом древнего храма

На юго-востоке Белорусского Полесья, на правом холмистом берегу реки Припять, расположен ещё один из старейших городов Беларуси — Мозырь. Эта местность давно конкурирует с Логойщиной за право именоваться «белорусской Швейцарией». Причиной тому — холмистый рельеф Мозырской гряды, где разница в перепаде высот достигает 30 метров.

Первые упоминания о Мозыре относятся к 1155 году и содержатся в Ипатьевском списке (список — значит рукописная копия с добавлениями от переписчика) «Повести временных лет». Юрий Долгорукий — князь Ростово-Суздальской земли в середине XII века вел борьбу за киевский престол с внуком Владимира Мономаха Изяславом Мстиславичем. Для успеха этой борьбы он заключил союз с черниговскими князьями Изяславом Давыдовичем и Святославом Ольговичем. Завладев Киевом после упорной борьбы, Юрий Долгорукий в благодарность за поддержку, оказанную Святославом, передал ему Мозырь.

Откуда вообще взялось название Мозырь? Здесь, как и в случае с Туровом, рассматривается несколько версий. Одни исследователи берут за основу тюркское слово «мосар» (гора, курган), другие утверждают, что Мозырь созвучен древнескандинавскому слову «мосыр», т.е. сырое место (город расположен в пойме на самом берегу Припяти). Поскольку рядом с Мозырем проходил по Днепру оживленный торговый путь из Балтийского моря в Чёрное, то вполне возможно, что викинги «наследили» здесь и топонимически, и генетически.

Находясь на линии важных международных маршрутов, Мозырь неоднократно подвергался набегам и разрушениям со стороны татаро-монголов, крымских татар, московских дружинников.

С середины XIV века город вошёл в состав ВКЛ. В 1577 году король Стефан Баторий подписал грамоту, по которой Мозырю предоставлялось Магдебургское право и был дарован герб. В 1609 году король Сигизмунд III повелел этот герб видоизменить — оттуда исчез щит с буквой «S» (символ Стефана Батория).

После второго раздела Речи Посполитой в 1793 году Мозырь оказался под властью Российской империи и превратился в периферийный городок.

Самой интересной достопримечательностью города является уменьшенная копия мозырского замка, который находится в историческом центре города. Первое летописное упоминание о Мозыр-

Панорама Мозыря на старом снимке

ском замке относится к 1519 году, когда король Сигизмунд I продал его магнату Альбрехту Гаштольду. Замок, на территории которого находились дворец, жилые и хозяйственные постройки, церковь Святого Спаса, колодец, три башни, выполнял оборонительные функции. В 1576 году он был перестроен: территория значительно расширилась, на ней располагались уже пять башен. С тех пор замок условно делился на Старый и Новый.

В середине XVII века Мозырь стал одним из значительных центров антифеодальной борьбы жителей Полесья. По приказу виленского воеводы князя Януша Радзивилла в январе 1649 года, после взятия его шляхетским войском, замок был сожжён. С этой поры он утратил своё оборонительное значение и больше не восстанавливался.

На данный момент декоративное оформление исторического центра представляет собой уникальную экспозицию с ландшафтной зоной и архитектурно-планировочной застройкой, где проводится множество увлекательных мероприятий, интересных для людей всех возрастов.

А погулять от души полешуки любят. Недаром международный кулинарный фестиваль «Мотальскія прысмакі», основанный в полесской деревеньке Мотоль в 2008 году, стремительно набирает популярность у визитёров из самых разных уголков мира.

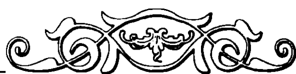

Говоря о загадках Полесья, нельзя не упомянуть и о том, что именно оно является родиной сказочного Змея Горыныча, похождения которого хорошо нам известны с детства.

В полесских деревнях рассказывают о том, как однажды в стародавние времена в небольшое селение, расположенное на маленьком болотном островке между реками Припять и Горынь, заявился чужак со своей дружиной. В селище людей было мало, так что разбойник легко захватил островок и уничтожил всех его местных жителей. Подельники обнесли селище дубовым частоколом и оттуда устраивали разбойничьи набеги. Место для лагеря было удобное: по Припяти и Горыни в те времена плавали ладьи торговцев. Предводитель разбойников был жаден, подати с купцов за свободный проезд не собирал, а всегда отбирал всё. Людей же убивал. За такой скверный характер прозвали его Змеем, а островок, на котором он поселился со своей дружиной — Змеиным Поселищем. Так бы и сидеть разбойнику там до скончания века, пока желающие отомстить за злодеяния хитростью не заманили его в ловушку, а селище не сожгли дотла. Пламя взмывало почти до самого неба, потому и получила река, огибающая островок, своё имя — Горынь. А бандит, который до той поры был просто Змеем, вошел в предания уже как Змей Горыныч.

Также полесские сказители утверждают, что у Горыныча было два сына, которые вместе с ним командовали дружиной. И были они все в отца — такие же жестокие и жадные, за что их называли Змеенышами, а то и Змеиными Головами. Вот и получился в сказаниях Змей не просто Горыныч, но еще и Трёхглавый. Почему же на месте отрубленной головы у Змея сразу вырастала новая? Полешуки объясняют это тем, что кроме сыновей у Змея были ещё и наёмники, справиться с которыми было намного сложнее, чем с самим Змеем. Этим же объясняется и дань Змею в виде юных девиц, с которыми любили развлекаться разбойники.

В общем, где в полесских преданиях правда, а где вымысел — разобраться непросто. Ясно одно — чтобы в полной мере проникнуться духом этого неповторимого края, необходимо совершить туда путешествие.

Глава 18

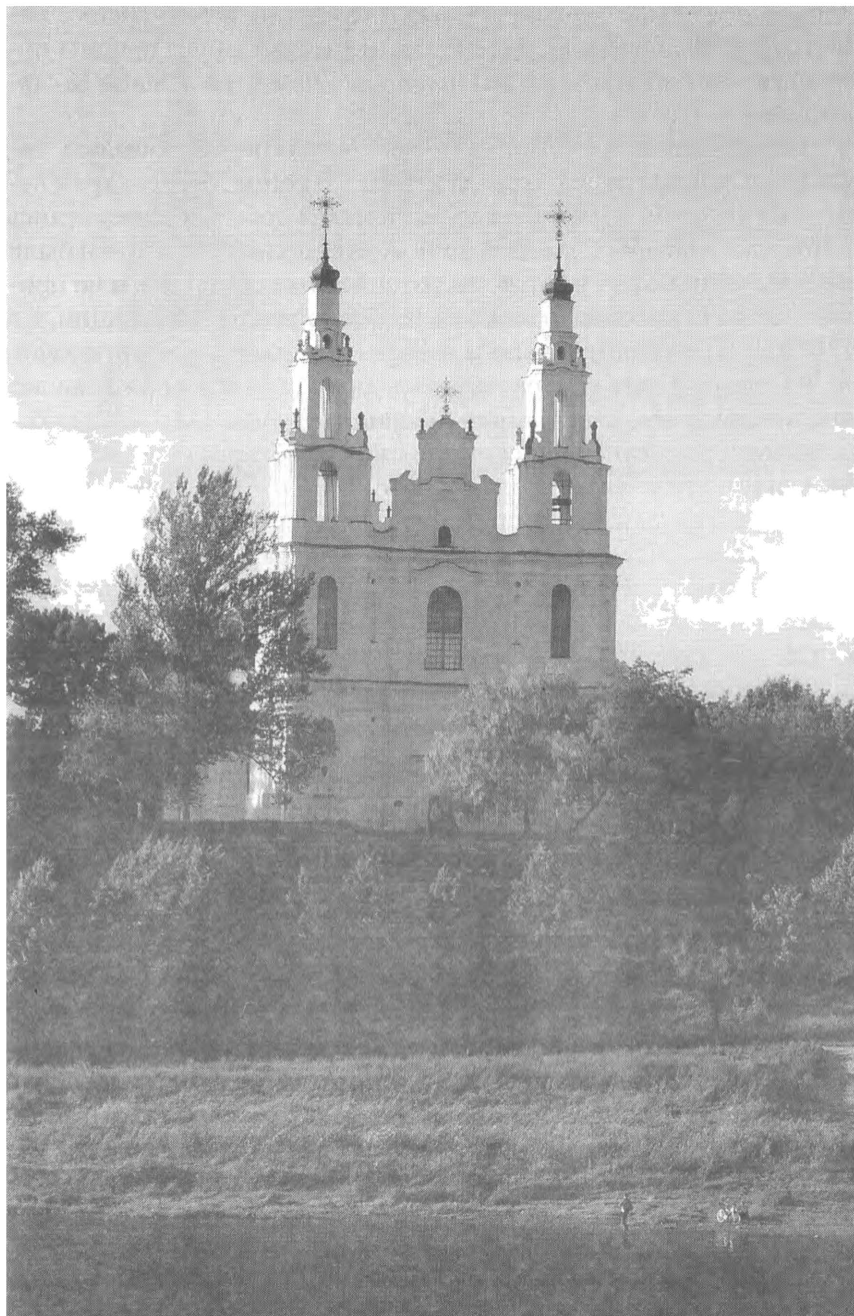
САМЫЕ КУЛЬТОВЫЕ МЕСТА БЕЛАРУСИ

Жители белорусских земель издавна славились отсутствием религиозной нетерпимости и лояльным отношением к представителям самых различных вероучений. Это подтверждают и многочисленные памятники культовой архитектуры, дошедшие до наших дней. Кроме широко распространённых церквей и костёлов, в Беларуси можно встретить кальвинистские сборы и лютеранские кирхи, молельные дома староверов и евангелистов, мечети и синагоги, кришнаитские храмы и языческие капища. О наиболее интересных действующих объектах такого рода и пойдёт речь ниже.

СОФИЙСКИЙ СОБОР

В городе Полоцке, расположенном в устье речки Полоты, впадающей в Западную Двину, всё дышит историей. И немудрено, ведь именно здесь в период существования Полоцкого княжества зарождались основы будущей белорусской государственности. А величественный Софийский собор, возведённый тут с 1044 до 1066 гг., в период правления легендарного Всеслава Брячиславича по прозвищу «Чародей», является одной из древнейших христианских святынь Беларуси.

Подобных церквей до этого было только две — в Киеве и Новгороде. Все они строились по образцу Софийского собора в Константинополе при помощи византийских зодчих. Новый собор должен был стать свидетельством независимости и могущества Полоцкого княжества, а еще олицетворять собой плывущий над Двиной белый корабль. Построенный как оборонительное сооружение с толщиной стен почти в 1,5 метра, храм являлся по совместительству крепостью, которая во времена опасности оберегала князя с дружиной. Стены храма украшали фрески, от которых ныне сохранились только фрагменты. В Софийском соборе не только моли-

Софийский собор в Полоцке

лись — здесь была библиотека, работали архив, казначейство, магистрат, хранились религиозные святыни, проходили приемы послов, находилась усыпальница полоцких князей (раскопано 16 саркофагов).

За свой долгий век полоцкая София не раз перестраивалась, горела, восстанавливалась, меняла хозяев... В конце XVI века храм перешёл к униатам. А наиболее драматические события развернулись в Полоцке в период Северной войны: униатские священники были жестоко убиты, храм разграблен российскими солдатами и по приказу Петра I переоборудован в склад боеприпасов и амуниции, а в 1710 году в результате взрыва и вовсе — почти целиком уничтожен.

Восстановление собора началось лишь спустя три десятка лет под руководством священника Флориана Гребницкого. На тех основаниях стен, что остались после взрыва, возвели двухбашенную базилику в стиле виленского барокко. В интерьере появились колонны, много лепных деталей, фигурные карнизы, деревянные скульптуры. Алтарная часть храма была отделена от центрального нефа высокой трехъярусной преградой, к которой на своде примыкало барельефное изображение Троицы.

Сегодня Софийский собор входит в состав Полоцкого историко-культурного музея-заповедника и вызывает большой интерес у туристов со всего мира. Здесь располагается музей истории архитектуры храма, ежегодно проходят международные фестивали органной и камерной музыки. Рядом с собором установлен один из четырёх сохранившихся до наших дней Борисовых камней — огромных древних валунов с выбитыми на них крестами и надписями, названных в честь правившего в XII веке князя Бориса Всеславовича.

ГЕРВЯТСКИЙ КОСТЁЛ

В Островецком районе Гродненской области находится деревенька Гервяты, где расположен один из прекраснейших костёлов нашей республики. Порой его называют «белорусским Нотр-Дамом», хотя, на первый взгляд, между этими храмами мало общего. Но, наверное, в таком титуле содержится намёк на то, что Гервятский костёл для белорусов — это почти то же самое по значимости, что и Нотр-Дам для французов.

История данного культового сооружения началась в 1536 году, когда указом виленского епископа Яна здесь был основан деревянный костёл Святой Троицы. А спустя пару веков, в 1899–1903 годах

Гервятский костёл

на средства князя Ольшевского на этом же месте был возведён кирпичный костёл. К его созданию приложили руки архитектор Альшаловский и зодчий Михневич. На строительстве храма каждый день трудились более 70 человек. За деревней даже специально построили кирпичный завод, где для костёла изготавливали кирпич высокого качества. Известь же производили из известковых камней, добытых в реке Лоша, протекающей рядом с деревней. Интересный факт: для того чтобы добиться лучших свойств извести, в неё добавляли яйца, которые тысячами покупали у местных крестьян. Черепицу же для крыши специально привезли из Германии по Либаво-Роменской железной дороге.

При строительстве архитектор применил характерные для готики аркбутаны (наружные полуарки, распределяющие нагрузку с основной стены на отдельно стоящие опоры). Окна неоготического храма украшены витражами, а отличительной особенностью стал

высоченный шпиль с крестом, благодаря которому общая высота конструкции (включая крест) составляет около 70 метров — почти как у Нотр-Дама!

Костёл Святой Троицы многое пережил. На его долю выпали две мировые войны, революция, территория деревни неоднократно переходила от одного государства к другому, но, к счастью, он ни разу не был разрушен. Сейчас богослужения в костёле, сопровождаемые торжественными звуками органа, проводятся на трёх языках: белорусском, польском и литовском.

Отреставрированный сравнительно недавно храм издали напоминает какое-то нереально-сказочное сооружение. К тому же территория вокруг него, как и полагается, элегантно облагорожена газонами и клумбами, скульптурами и дорожками. И, несмотря на то, что в Гервятах проживает всего-то пять сотен человек, история этого местечка исчисляется почти шестью столетиями, а наличие уникального костёла делает его настоящей туристической Меккой.

СВЯТО-УСПЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ В САРЬЕ

Это небольшое местечко в Верхнедвинском районе Витебской области обязательно стоит посетить любознательным путешественникам. При въезде в деревню, получившую название от протекающей здесь реки Сарьянки, сразу бросается в глаза необычного вида храм в неоготическом стиле. По всем канонам жанра он должен быть костёлом, каковым и являлся по факту возведения в 1851–1857 годах, однако в настоящее время здесь действует православный приход.

Давным-давно, в начале XVI века, деревня Сарья была наследной землёй магнатов Сапегов, а в XVIII веке перешла к мстиславскому старосте Николаю Лопатинскому, сыну которого — Игнатию — было суждено увековечить память о своей возлюбленной в форме неповторимого храма, повторив тем самым романтический подвиг инициатора создания всемирно известного Тадж-Махала в Индии.

А начиналось всё с того момента, когда однажды Игнатию Лопатинскому приглянулась одна молодая барышня по имени Марыся Шумская. Она была родом из небогатой семьи, и приданого как такового не имела. Но это не остановило шляхтича, ведь он без памяти влюбился в юную особу, женился на ней и до конца своих дней хранил ей верность. К сожалению, жизнь была не слишком благосклонна к этой паре: сперва умер их первенец, а во время тя-

жёлых третьих родов скончалась сама супруга. Игнатий глубоко переживал смерть жены и в память о ней решил возвести в Сарье рядом с ее могилой костёл.

Успешно реализовать этот высокий замысел помог известный прусский архитектор Густав Шахт, который жил на тот момент неподалёку — в местечке Освея. Используя богатство изысканных, вертикально-стремительных кирпичных тяг, ниш, шпилей, высоких стрельчатых проёмов, он придал Сарьянскому костёлу воздушную легкость и изящную графичность. Кирпич для храма сделали на небольшом заводике, который принадлежал Игнатию Лопатинскому и находился в одной из его деревень. Постройка этого величественного сооружения завершилась в 1857 году, после чего костёл был освящён в честь святой Марии.

Свято-Успенская церковь в Сарье

Нелегко далось Лопатинскому это предприятие, ведь в XIX веке на территории Российской империи существовала жесткая регламентация католической жизни — открытие новых костёлов было, по сути, невозможно. Охваченный отчаянием и тоскою после смерти любимой жены, Игнатий Лопатинский не желал ждать разрешения властей на то, что считал своим долгом христианина и мужа. И вот Витебское губернское управление возбудило дело против хозяина Сарьи, а в его поместье даже направили специальную комиссию для проведения «дознания». Лопатинский с огромным трудом убедил её членов в том, что возведенная на его собственные

средства постройка — никакой не костёл, а просто необычного вида памятник рядом с могилой супруги, в котором будут размещены бюсты умерших предков, фамильный архив, библиотека и разные древности. В итоге комиссия посчитала шляхтича редкостным чудаком, но разрешение все-таки выдала.

Во время национально-освободительного восстания 1863—1864 годов в Польше, Литве и Беларуси Игнатий Лопатинский стал его активным деятелем. В качестве наказания за участие в антироссийском восстании Сарьянский костёл ввиду.. «привлекательности вида» был конфискован и в 1865 году закрыт. Здание храма передали в православное ведомство. Лопатинский неимоверными усилиями пытался вернуть этот самый дорогой его сердцу памятник. Он даже предлагал властям пожертвовать свои деньги на возведение новой православной церкви, но все было тщетно. В 1869 году костёл переосвятили в православную церковь имени Успения Богородицы.

XX век принёс новый виток испытаний для «Сарьянской жемчужины»: в 1935-м церковь закрыли, а после Второй мировой войны в ней находился склад.

В конце 80-х храм восстановили, в 1989 — вернули католикам, но уже через год, в 1990-м, снова передали православному приходу Успения Пресвятой Богородицы.

КОЛОЖСКАЯ ЦЕРКОВЬ

Город Гродно изобилует множеством любопытнейших архитектурных объектов. Одним из таких, по праву претендующих на внесение в Список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО, является Борисо-Глебская церковь, известная также под названием Коложская.

Как это часто случалось, христианский храм возводился на месте бывшего языческого святилища, расположенного в урочище Коложань (слово «коложань» обозначает место, где бьют многочисленные родники). Постройка датируется XII веком и была названа в честь князей Бориса и Глеба. Согласно распространённой легенде, инициаторами строительства храма могли быть либо они сами, либо их отец — Всеволод, правнук киевского князя Ярослава Мудрого*.

---

* Это только легенда, не имеющая ни малейшего отношения к реальности. — *Прим. ред.*

Коложская церковь

Этот замечательный образец древнего зодчества подтверждает существование на Гродненщине самостоятельной архитектурно-художественной школы. Здание относится к шестистолпным трехапсидным храмам крестовокупольной системы. Его опорные столбы имеют круглое сечение, из-за чего внутреннее пространство храма кажется просторным при незначительных размерах в плане. Уменьшение сечений несущих конструкций стало возможным благодаря использованию в сводах и верхних частях стен керамических горшков-голосников.

Кладка стен церкви выполнена из кирпича-плинфы, а их поверхность декорирована вставками необработанных и полирован-

ных разноцветных валунов и майоликовых плит различной окраски. В размещении разноцветной майолики и камней наблюдается определенная симметрия, но не строгая, благодаря чему фасады обрели ещё большую живописность: со стороны кажется, что стены как будто инкрустированы драгоценными камнями.

При церкви в 1480 году был основан православный монастырь. В 1635 году она перешла к униатам, в 1697 году — братству виленских базилиан. В 1839 году вновь стала православной.

Большую опасность для храма на протяжении нескольких веков представляли войны. Следы ремонтов XV, XVI, XVII, XVIII вв. можно проследить по стенам церкви.

Но главное бедствие для Коложской церкви — воды реки Неман, которые постоянно подмывают песчаную гору, на которой она стоит. В апреле 1853 года вся южная стена и часть западной стены здания церкви вместе с потолком обрушились, только крыша каким-то чудом удержалась на стропилах.

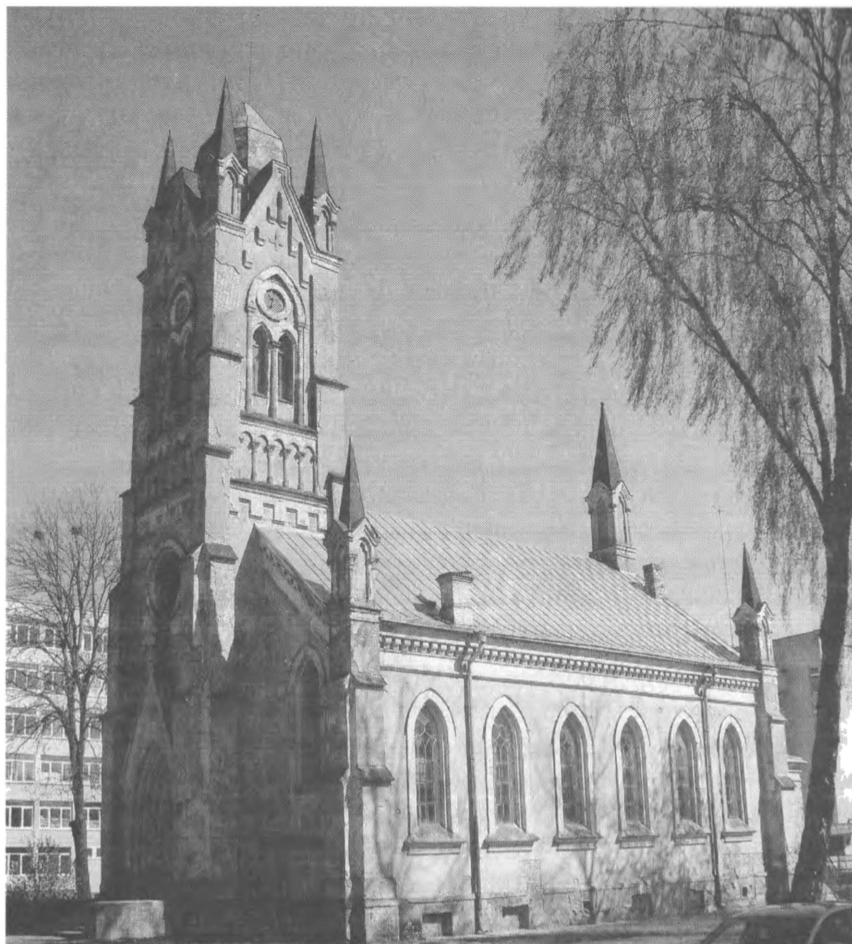
Только через 40 с лишним лет, в 1896 году были начаты работы по укреплению берега, обустройству видовой площадки и возведению деревянных стен вместо обрушившейся части храма. Это заняло десять лет. Но, как ни прискорбно, и сегодня берег продолжает оседать, угроза обвала по-прежнему присутствует.

Издали кажется, что древний храм словно парит между небом и землёй, соединяя внутри себя сакральное и мирское, поэтому вопрос дальнейшего сохранения этого уникального памятника — воистину дело государственной важности.

ГРОДНЕНСКАЯ КИРХА

В отличие от Коложской церкви, лютеранской кирхе святого Иоанна, также расположенной в Гродно, гораздо больше повезло с безопасностью месторасположения, но гораздо меньше — с реставрационными работами. Ведь их это здание ожидает уже более века!

Евангелическо-лютеранская община была сформирована в Гродно в далёком 1779 году. Её образовали лютеране немецкого происхождения, которые приехали в город по приглашению предприимчивого старосты Антония Тизенгауза. Цель этого приглашения состояла в том, чтобы организовать королевские мануфактуры и наладить на них работу. А история гродненской кирхи берёт начало 20 сентября 1793 года, когда король Станислав Август решил передать для нужд местной общины лютеран здание бывшей таверны.

Гродненская кирха

В 1843 году здание кирхи достроили. Немного позже, в 1873 году, комплекс пополнился красивой колокольней с часами. Однако свой нынешний вид кирха приобрела только в 1912 году. Главный вход оформили большим стрельчатым порталом, над ним расположилось окно-роза. Стены боковых фасадов обвели широким карнизным пояском, укрепили контрфорсами, в окнах появились цветные витражи с готическими металлическими переплётами. Интерьер обрёл вытянутую по продольной оси симметричную композицию. Кроме того, со стороны алтарной части храма был возведён новый дом пастора, а сама кирха оштукатурена и соединена с пасторской пристройкой.

Первая и Вторая мировые войны привели гродненскую лютеранскую общину в упадок, часть её была депортирована, часть эммигрировала. В советское время в здании кирхи разместили государственный архив (1944—1994 гг.), для чего убрали часть интерьера. Территорию находившегося рядом старого лютеранского кладбища, закрытого ещё в 1936 году, застроили общественными зданиями.

В 1995 году кирху передали возрождённой гродненской евангелическо-лютеранской общине, и ныне это единственный действующий в Беларуси лютеранский храм. В кирхе во время проведения месс используют электронный орган, однако прихожане не теряют надежды приобрести полноценный музыкальный инструмент. Поскольку большая часть богослужений состоит именно из исполнения религиозных песен, этот вопрос для общины очень актуален. Не зря же лютеранскую церковь часто называют «поющей».

К слову, средства на первоначальный этап реконструкции уже выделены федеральным правительством Германии, дело за малым — провести должным образом реставрационно-восстановительные работы на данном оригинальном архитектурном объекте, вид и статус которого давно этого требуют.

РАЙСКИЕ КУЩИ В МОСАРЕ

Расположенное неподалёку от райцентра Глубокое Витебской области местечко Мосар, словно магнит, притягивает к себе туристов. Здешний костёл св. Анны, построенный в 1792 году на месте иезуитской миссии, по красоте, бесспорно, уступает таким архитектурным шедеврам, как, например, Фарный костёл в Несвиже, к сооружению которого приложил руку легендарный Джованни Бернардони. Однако и в маленьком Мосаре с лихвой хватает того, что делает пребывание здесь незабываемым.

Главная святыня костёла — мощи св. Юстиниана, привезённые в 1838 году из Мяделя. Предание гласит, что останки везли на повозке и именно в Мосаре лошади отказались трогаться с места, давая верующим понять: сам святой высказал таким символическим образом свою волю. Кроме того, тут имеется точная копия работы Микеланджело — изваяние Богоматери, оплакивающей снятого с креста Иисуса. А главный праздник костёла («фэст») отмечается в День святого Яна и почти совпадает с датой языческого Купалья по старому стилю. В период летнего солнцестояния сотни верующих идут после мессы со свечками к озеру, чтобы очиститься от грехов.

Костёл в Мосаре

Кстати, одними из наиболее распространённых обывательских прегрешений тут до недавнего времени были пьянство и сквернословие. Но с появлением в приходе настоятеля Йозаса Бульки, человека с широкой душой и грандиозными замыслами, жизнь в посёлке круто изменилась. За два десятка лет неустанного труда и самоотверженной службы ксендзу, которому впоследствии был присвоен титул каноника, удалось превратить Мосар не только в «зону трезвости», но и в настоящий райский уголок.

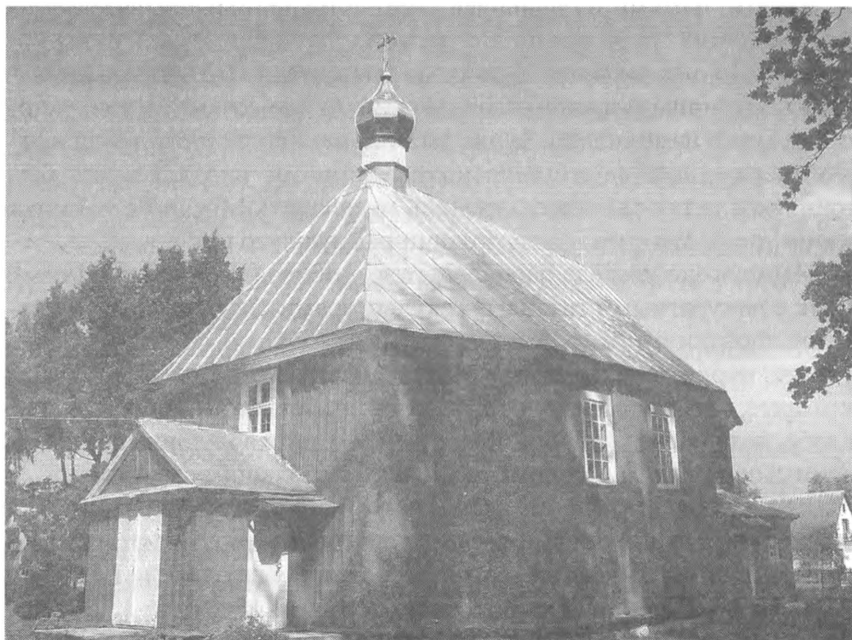
Ныне возле костёла располагается красивейший ландшафтный парк с аккуратными газонами, скульптурами, экзотическими цветами, фонтанами и искусственными водоёмами с лилиями. Ансамбль парка делится на две части, посвящённые двум чувствам, которые ведут человека к Богу: печали и радости. Печаль — это аллея, ведущая к кладбищу. Радость — это детская площадка со сказочными домиками, родниками и даже небольшим зверинцем.

Действуют здесь музей народного быта и музей трезвости, а также бильярдный клуб и спортивная площадка. А венчает культурно-дендрологический комплекс самый высокий в Беларуси 23-метровый крест, видный в ясную погоду за 15 км.

СВЯТО-НИКИТСКАЯ ЦЕРКОВЬ В ЗДИТОВО

Старинные образцы деревянного культового зодчества в Беларуси не всегда могут похвастать хорошим уровнем сохранности. Не только время берет своё, но и урбанизация — за последние полвека люди активно перебирались в города, а старые храмовые постройки становились малопосещаемыми, постепенно начинали разрушаться. Сия печальная участь миновала небольшую и на первый взгляд ничем не выдающуюся церквушку в периферийной деревне Здитово Жабинковского района Брестской области.

Чисто внешне кажется — ну что тут особенного, таких деревянных, традиционно синих церковных построек по республике разбросано немало. Однако Свято-Никитская церковь, расположенная на правом берегу реки Мухавец, не зря претендует на включение в Список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО. Это самый старый из сохранившихся и ныне действующих деревянных православных храмов Беларуси. Построенный в 1502 году, этот самобытный образец культового зодчества гордо величают «деревянной

Церковь в Здитово

сказкой Полесья». В конце XVI века храм стал униатским, а после переустройства в 1787 году приобрёл некоторые черты барокко. Неоднократно посещали данный приход и представители славного рода Костюшко.

Ранее в интерьере Свято-Никитской церкви находилась уникальная икона — «Одигитрия Иерусалимская», написанная на двух сосновых досках, украшенная золоченым фоном с растительным орнаментом. Это одно из лучших произведений древнебелорусской сакральной живописи XVI века, которое теперь находится в экспозиции музея при Национальной Академии наук Беларуси.

МЕЧЕТЬ В ИВЬЕ

Еще один экзотический образец деревянного культового зодчества расположен в небольшом городке Ивье Гродненской области.

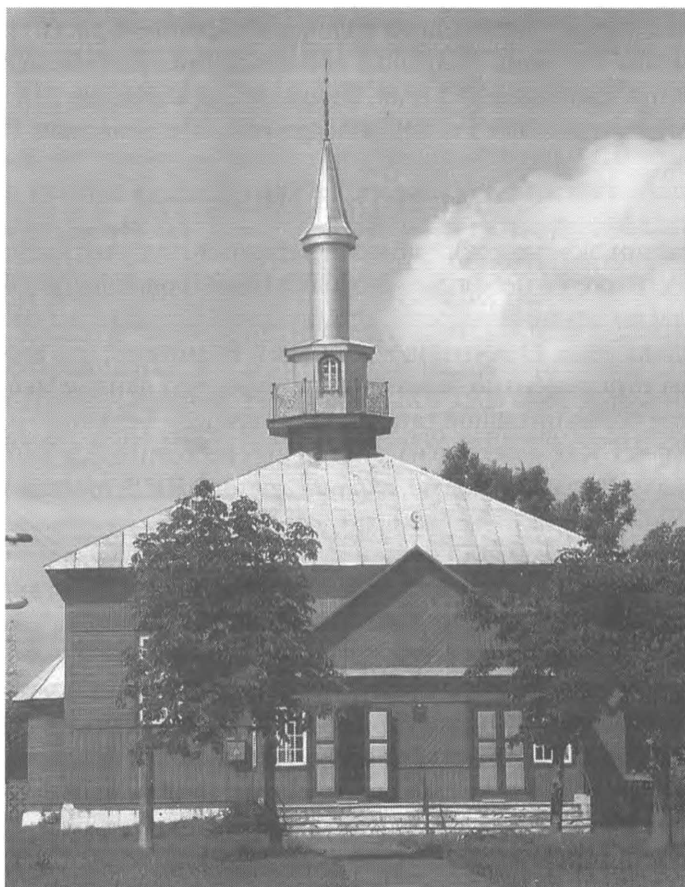
Согласно одной из версий, его название происходит от татарского слова «Өуә, Eve» (гнездо, жилище). Возможно, эта версия не является стопроцентно верной, однако то, что данная местность считается неофициальной татарской «столицей» Беларуси — достоверный факт. Как известно из летописных источников, в конце XIV века князь Витовт с целью охраны границ ВКЛ пригласил несколько тысяч татар, ведь они считались ловкими, умелыми и преданными воинами. А в 1410 году татары принимали участие в знаменитой Грюнвальдской битве против крестоносцев, и, как гласит предание, именно от руки хана Багардина погиб великий магистр Тевтонского ордена Ульрих фон Юнгинген.

С тех пор татары обжились на белорусских землях, пустили тут корни, позаимствовали язык, значительную часть местных традиций и давно перестали считаться чужеземцами. Однако, испытывая неизбежный процесс ассимиляции, представители татарской общности все же старались отстоять свою идентичность посредством сохранения мусульманской веры.

Поскольку в окрестностях Ивья татар жило немало, было решено возвести здесь деревянную мечеть с элементами модерна, строительство которой закончилось в 1882 году при финансовой поддержке графини Эльвиры Замойской. По плану строительства основа сооружения была квадратной, здание было разделено на две части: мужскую и женскую. Окрашенную в характерный для ислама зелёный цвет мечеть увенчал минарет, достроенный в 1922 году.

Примечательно, что из двух десятков мечетей, существовавших на территории Беларуси перед Второй мировой войной, уцелела

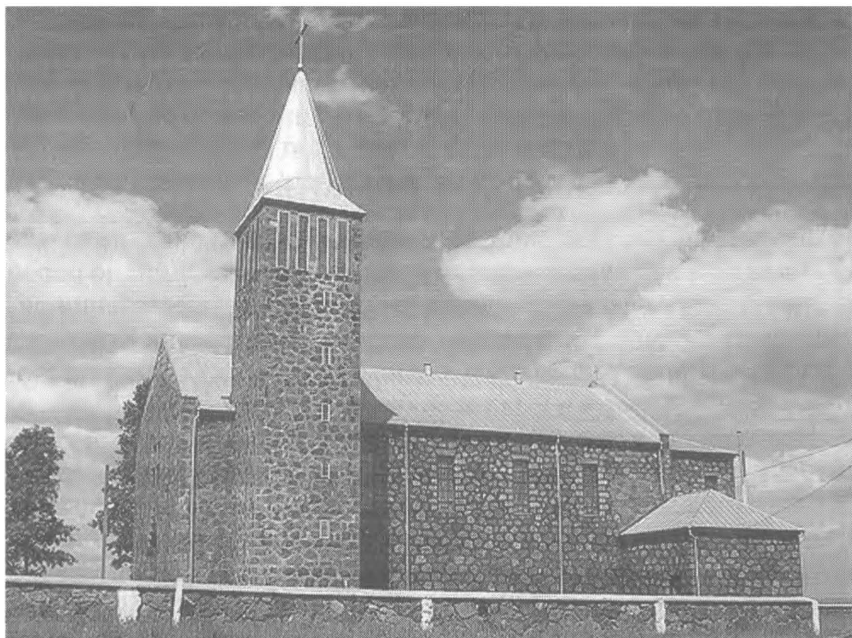
лишь одна — Ивьевская. А в советское время она и вовсе была единственным действующим мусульманским храмом во всей республике. Мечеть сохранила свои изначальные функции и в наши дни, а её посетители мирно сосуществуют с живущими прямо по соседству католиками, православными, иудеями и атеистами.

Мечеть в Ивье

КОСТЁЛ В БОЛЬШОЙ РОГОЗНИЦЕ

В Мостовском районе Гродненской области располагается деревня, название которой происходит то ли от болотной травы рогоза, произраставшей на берегах местной речки Юхновки, то ли от грубой хозяйственной ткани, именуемой рогожей. Впрочем, противоречия тут нет, ведь рогожу изначально и делали из волокон од-

Костёл Девы Марии в Большой Рогознице

ноименного растения. Кроме того, старожилы называют свою деревню Рогожницей.

Согласно легенде, в середине XVI века через данное поселение проезжала королева Бона Сфорца, а здешние жители преподнесли ей в качестве подарка не что-нибудь, а именно сплетённое ими красивое большое покрывало из рогожи. Знаменита деревня и тем, что в её окрестностях разворачивалась жизнедеятельность многих знатных шляхтичей, тут на тайные сходки у каплицы собирались участники восстания под руководством Кастуся Калиновского. После жестокого подавления восстания новые власти стремились уничтожить большинство артефактов, вызывающих воспоминания о деятельности повстанцев. Каплицу было приказано сжечь, однако её руины уцелели до нашего времени. По мнению некоторых краеведов, именно у этих развалин некогда происходили кодовые диалоги патриотов: «Кого любишь? — Люблю Беларусь! — Так взаимно».

В 1906 году имение перешло во владение шляхтича Оскара Мештовича. Именно в его бытность в Большой Рогознице появился костёл в романском стиле с элементами конструктивизма. Его построили из колотых валунов, собранных с полей около деревни. Костёл освятили в честь Девы Марии.

Уникальность этого культового строения прежде всего в его строгой эстетике, которая совершенно нетипична для восточно-европейского региона, а скорее характерна для лютеранских храмов Прибалтики и Скандинавии.

ВЕЛЕСОВ КАМЕНЬ

Камни, как распространённый природный материал, не только служили основой для возведения культовых сооружений, но порой и сами становились центральным элементом в осуществлении ритуальных действий. Так, в лесном массиве около деревни Крыжовка Минского района располагается одно из языческих святилищ, которых ранее в Беларуси было великое множество.

Особенность в том, что данное капище, несмотря на видоизменение прежнего облика, по сей день продолжает, хотя и нерегулярно, выполнять свои функции. Как рассказывают старожилы, это культовое место в древности было обустроено с целью поклонения покровителю животного мира, богу плодородия, достатка, удачи и творческого вдохновения Велесу. На холме среди лесной поляны язычники облюбовали жертвенный валун, вокруг которого на де-

Волос-камень

ревьях в былые времена были развешаны черепа рогатого скота. Сюда приводили домашних животных с целью исцеления от болезней, молились о прибавлении в семействе и благополучии, а на алтарном камне оставляли символические подношения в виде молочных продуктов, мёда, пива, кваса, блинов и монет.

Следует отметить, что язычество существовало на белорусских землях несколько десятков тысяч (!) лет, а его отголоски существуют в нашей культуре поныне. Даже в Минске, на берегу Свислочи, языческое капище под открытым небом сохранялось до 1908 года (!), а множество ритуальных камней можно сегодня увидеть в столичном Музее валунов в микрорайоне Уручье. Вообще, языческие и христианские верования тесно переплетались между собой, образуя удивительный гибрид в мировоззрении наших предков. Так что, вероятно, прав был известный композитор и этнограф Станислав Казуро, отмечавший, что «душа белоруса была и остаётся насквозь языческой».

Что же касается капища у деревни Крыжовка, то хотя древний холм был уничтожен после прокладки автомагистрали, а последнего жреца репрессировали в 1937 году, основной элемент святилища в виде камня прекрасно сохранился и продолжает привлекать новоявленных последователей язычества. В середине февраля почитатели древних традиций собираются здесь, чтобы отметить Валоссе — так на наших землях издавна именовали праздник Масленицы.

СОДЕРЖАНИЕ

Научно-популярное издание

ШУМСКАЯ Ирина Михайловна

ШЕДЕВРЫ НАШЕЙ СТАРИНЫ

Подписано в печать 04.04.2014. Формат 60× 90 1/16.
Гарнитура NewtonC. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 8,8. Усл. печ. л. 13,2. Тираж 2000 экз. Зак. 1069.

ООО «Харвест».
Свидетельство о ГРИИРПИ № 1/17 от 16.08.2013.
Ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42, 220013, Минск, Республика Беларусь.
E-mail редакции: harvest@anitex.by

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати».
ЛП № 02330/0494179 от 03.04.2009.
Пр. Независимости, 79, 220013, Минск, Республика Беларусь.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Беларусь богата памятниками истории и культуры. Они поражают своим разнообразием и самобытностью, удручают бесхозяйственным отношением к себе со стороны властей и местных жителей. А ведь именно они представляют собой материальную квинтэссенцию исторического прошлого народа, без которого невозможно выстроить успешную проекцию в будущее. Автор увлекательно рассказывает о самых интересных архитектурных памятниках нашего Отечества.

ISBN 978-985-18-2946-6

НЕИЗВЕСТНАЯ ИСТОРИЯ